

Виктор Давыдов

ШАХТЕРСКИЕ ИСТОРИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

КЕМЕРОВО
2003

08

2003

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ШАХТЕРАМ КУЗБАССА

ВИКТОР ДАВЫДОВ

ШАХТЕРСКИЕ ИСТОРИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

0472811

Кемерово
Кузбассвуиздат
2 0 0 3

О обсл.	Прокшневская ЦБС Центральная библиотека
------------	---

ББК 83.3(0)6
Д13

Давыдов В. И.
Д13 Шахтерские истории. Книга первая. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. — 160 с.

ISBN 5-202-00638-1.

Сборник рассказов о жизни людей, с которыми знаком автор. Ему удалось показать становление и развитие Прокопьевского рудника.

ББК 83.3(0)6

ISBN 5-202-00638-1

© В. И. Давыдов, 2003
© Издательство «Кузбассвуиздат», 2003

ОТ АВТОРА

Книга эта родилась вследствие многолетнего сотрудничества со средствами массовой информации, в основном с прокопьевской газетой «Шахтерская правда». Здесь проходили «обкатку» мои очерки и рассказы.

Начало сбора рассказов шахтеров, которые работали непосредственно рядом со мной на одной шахте, было положено в связи с желанием написать историю своей родной шахты «Центральная», на которой с небольшими перерывами я работал на протяжении сорока лет. В моей рабочей тетради имеются записи бесед с Героями Соцтруда Николаем Георгиевичем Кочетковым, Петром Яковлевичем Усовым, Петром Ивановичем Ниневым, почетными легендарными шахтерами, первостроителями шахт города Петром Федоровичем Похильченко, Илларионом Калиновичем Шемякиным, Иваном Михайловичем Казаковым, Михаилом Григорьевичем Парханюком...

На мой взгляд, каждый ветеран-шахтер может поведать много интересного из своей жизни, поделиться опытом и поведать такое, что будет интересно сохранить для истории.

И кто знает, возможно, кто-то из начинающих шахтеров, прочитав, к примеру, рассказ «Не руби сук, на котором сидишь», подумает в неординарной ситуации о том, как поступить, как действовать без вреда для своего здоровья и опасности для окружающих... А если это послужит на пользу кому-то, значит не зря создан этот сборник!

Таким образом, данная книга является совместным трудом всех тех, кто охотно делился своими воспоминаниями, и от автора требуется только как можно точнее изложить повествования собеседников о жизни и делах времени, в котором жили мои герои.

К сожалению, за более чем двадцатилетний период, в течение которого веду сбор историй, многие мои собеседники ушли из жизни. И думается, что благодаря не только их прекрасным делам и поступкам, но и вот таким рассказам-историям, сохранится память о них в воспоминаниях наших потомков.

В планах автора не останавливаться на данной книге и приступить к подготовке следующей книги. Таким образом, этот труд является «Пер-

вой книгой». А сюжетов же для книги более чем достаточно: сколько людей, столько интересных судеб! Не секрет, что в городе, где преобладает какое-либо профессиональное направление, теми же интересами живут не только люди данной профессии, но и практически все население города. Не являются исключением шахтерские города. Так, к примеру, мой товарищ Александр Викторович Ребесков, который никогда и в шахте-то не был, тем не менее, обладая склонностью к поэзии, написал свое посвящение шахтерам, которое в свое время публиковалось в центральной прессе и даже было напечатано в отрывном календаре. Стихотворение насыщено пафосом, но в нем чувствуется гордость автора за причастность к этой героической профессии, пускай даже только тем, что живет рядом с ними, с шахтерами!

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

*Он повелел — и ГРЭС вздымает трубы,
Он повелел — металл чеканит шаг,
Он повелел — и в марше многотрудном
Стальные трассы вышли на большак.
Он повелел — завод расправил плечи,
Он повелел — и солнце на-гора,
Он повелел — и полночи навстречу
Шагают в небо звезды на копрах.
Полпред земли, вельитель правомочный
Навстречу недрам руки распростер.
Земная твердь дрожит. Ступая прочно,
Идет его величество шахтер!*

И еще: в повествовании о шахтерских ситуациях старался избегать «профессиональных терминов», исходя из того, что читателю, далекому от шахтерской тематики, сложно воспринять их. Конечно же, даже при всем старании, этого не удастся сделать. Да и как обойтись без таких слов, к примеру, как «печь», «штрек», «сбойка» и других колоритных слов? Без них, пожалуй, просто невозможно будет передать атмосферу работы шахтера.

Выражаю большую благодарность моим первым читателям — рецензентам А. Ф. Терешкину, С. И. Черемнову, Ю. А. Кауфману, Н. Н. Нефедьеву, Н. Е. Рыбаковой, М. А. Смокотину, Н. А. Масленникову, П. М. Яровому, Г. В. Банкевич, оказавшим своими советами неоценимую помощь.

Часть первая
ГОРНЯЦКИЕ СИТУАЦИИ

ГОРНЯЦКИЕ СИТУАЦИИ

У каждого горняка, работавшего в шахте много лет, есть что вспомнить, чем поделиться с новичками. Вот и мне захотелось поговорить немного о пережитом, о жизненных ситуациях. Смешные и грустные, порой трагичные, они встречаются на каждом шагу у каждого человека. Много таких ситуаций и в жизни шахтера.

Расскажу всего лишь о некоторых случаях, произошедших с моими товарищами. А те старые горняки, которые прочтут эти заметки, несомненно, скажут: «Как же, как же! Еще и не такое случилось!..»

На шахтном транспорте я начинал работать учеником машиниста подземного электровоза. Два первых дня околоствольные выработки изучал на горизонте +215 метров. На третий день мой наставник Сергей Банько говорит:

— Слушай! Слетай-ка ты на пятый фланговый! (это дальний вентиляционный ствол, находившийся в районе поселка Ясная Поляна). Там в буфете возьмешь пару пива. Ну, и... перекусить чего-нибудь!

И дает мне денег.

Я деньги спрятал в карман гимнастерки, про себя думаю: «Вот это да! Оказывается, и буфет в шахте имеется». И ни капли сомнения, что может быть подвох со стороны такого солидного человека, каким был Сергей Банько.

Мне дважды повторять не надо, вскочил я в машину и мигом на пятый ствол. Обошел там все околоствольные выработки — нет буфета! Обиделся я на товарища тогда. Но время, потраченное в поисках подземного буфета, не пропало даром. И сейчас могу начертить на бумаге, где какая выработка располагалась на 215-м горизонте.

Но вообще-то с шахтой шутки не все такие добрые. Остались в памяти те ощущения неуютности и незащитности, когда впервые пришлось проползти на коленях по параллельному штреку под креплением, которое под тяжестью горного давления местами оцетинилось изломом лопнувших огнив. Тот первый страх остался как воспоминание, о котором потом с улыбкой иногда рассказываешь. Но, очевидно, не у всех это проходит бесследно. Живет и поныне в среде шахтеров рассказ о том, как в послевоенные годы пришел цыган работать на шахту. После первой же отработанной смены он, помывшись, сказал:

— Начальник! Пиши мне две упряжки!

— Почему две? — удивился тот.

— Не понимаешь? Первую и последнюю...

Что-то напугало его в шахте, а рядом не оказалось человека, который сумел бы помочь перебороть первый страх перед «горой»...

Вскоре после Победы возвращались к мирной жизни фронтовики. К нам на подземный транспорт пришел работать фронтовик Костя Глебов. Парень высоченный. Разыграть его ни у кого и в мыслях не было. Однако он сам сумел войти в «историю». Надо было двигатель спустить в шахту. Косте поручили:

— Посмотри вокруг ствола — где-то здесь «коза» должна находиться.

Озадачился Константин Федорович, но виду не подал. Добросовестно обошел вокруг ствола — нет козы. Вернулся обиженный:

— Зачем вам коза понадобилась?

И только когда его подвели к настоящей шахтовой «козе», это такая специальная вагонетка для транспортировки грузов, тогда успокоился и стал вместе со всеми смеяться.

Про шахтовую «козу», в общем-то, банально. Многие термины для новичка непривычны и порой он попадает на розыгрыш. А потом, освоив шахтерскую терминологию, рабочие с некоторым превосходством смотрят на тех, кто недостаточно компетентен в шахтерской терминологии.

Но с настоящей козой тоже приходилось встречаться шахтерам, особенно во время отработки верхних горизонтов.

Когда отработывали угольные пласты выше 215-го горизонта, обрезной штрек порой располагался всего в нескольких метрах от поверхности земли. Пришли два горняка на смену. Один лес стал заделывать для крепления. Другой в забой спустился и возвращается сразу. Лицо перепуганное:

— Степан! В забое настоящие черти находятся!

— Какие еще черти!? Чокнулся, что ли?

— Сам знаю, что нет чертей, — отвечает. — И все же какая-то чертовщина, не веришь, с самыми настоящими рогами, забралась к нам в шахту!

Пошли вместе, вооружившись на всякий случай топорами. Осторожно спустились, к самому забою приблизились, высветили головными светильниками — действительно рожа с бородой и рогами! А тут и бляение раздалось. Вдохнули облегченно — коза через провал с поверхности в гости пожаловала.

Пришлось любопытную козу вести к стволу, а потом хозяина искать.

ЗАБЫТЫЕ ПРОФЕССИИ

Как-то незаметно в прошлое ушли отжившие горняцкие профессии. И только воспоминания ветеранов дают нам представления о них. Один из таких ветеранов, работавший еще в первых прокопьевских штольнях, вспоминал в беседе о тех далеких временах...

Выступая перед молодежью, на вопрос «кем работал?» иногда отвечал:

– Ветрогоном!

Обычно улыбались, принимали за шутку. На слух звучит вроде бы не совсем серьезно. А ведь была в горняцкой жизни и такая профессия.

Надо, скажем, очередную печь пройти. Чтобы с помощью кайла пройти печь, сейчас вообразить трудно. Особенно тяжело приходилось забойщику из-за недостатка воздуха. Однако и здесь умельцы нашли выход, смастерили самодельный вентилятор «Лопатки-вертушки». Механизм потом их изготавливал по заказам участков. Трубы же для подачи воздуха из сухих плах сбивали, а щели глиной тщательно промазывали. Крутили такой вентилятор вручную. Обычно садили новичка: «Крути – не ленись!» И забойщик, милое дело, тюкает в забое кайлом спокойно, потому что дышит свежим воздухом.

Ровно неделю пришлось и мне покрутить такой вентилятор, когда впервые устроился работать на штольню. Так и звали – ветрогоном.

Не такая уж и легкая работа, как может показаться на первый взгляд. Думаю, каждый согласится, что самое утомительное, это однообразие движений в течение длительного времени. Только приостановишься на минутку – а из печи по деревянному ставу стучат: смотри, парень, задохнись я!

М. М. Протодяконов «Курс рудничной вентиляции», стр. 92: «Для получения необходимой депрессии весьма часто применяются небольшие ручные вентиляторы, способные давать 20–40 куб. метров воздуха в минуту (одинарные и двойные). Ручные вентиляторы удобны тем, что не требуют никаких приспособлений для подведения к ним энергии, устанавливаются легко в любом месте, даже в юберзихбрехенах, и могут работать с перерывами, например, только в дневную смену, без всяких затруднений. Невыгодная сторона заключается в том, что человек как двигатель оказывается довольно дорогим и слабым, а кроме того, всегда возможно, что при небрежности рабочего вентиляция будет неудовлетворительной или даже совсем прекратится, а это является опас-

ным. Из-за этого именно обстоятельства на газовых рудниках ручные вентиляторы даже запрещены и их разрешается применять только в экстренных случаях.» (Правденко Д. Я. Вентиляция и освещение рудников, борьба с пожарами и горноспасательное дело. М.: Углетехиздат, 1949. В книге находим добавление: «работать на ручных вентиляторах должны не менее двух человек.)

У Протоdjяконова на стр. 135:

«...Деревянные трубы – как вентиляционные. Самая простая труба – деревянная. Она просто сколачивается из четырех досок или впри-тык, или в паз, или в шпунты. Для герметичности на швы набивают планки или просмоленный холст, или же они замазываются смолой, замазкой, наконец, просто глиной.»

Одно время лампоносом работал. И эта профессия в далеком прошлом. А все же не стоит и о ней забывать. В настоящее время рудвор и основные выработки в шахтах освещаются электричеством. А в мои времена об электричестве еще только мечтали.

А в темноте, конечно, не работа. Смекалистые люди и здесь сообразили. Да и хитрости особой нет – баночка с мазутом, а в нее фитилек. Кадит, но светит, к сожалению, слабовато. (Напомню, когда отработывали верхние слои угольного месторождения, то открытого огня, к примеру, горящего фитиля светильника, особо не опасались. Потому что у самой поверхности газ метан не встречался, и о газоопасности разговора не шло).

Можно представить, какой свет от такой лампочки. Сколько надо было таких лампочек развесить в штреке, чтобы создать хоть какое-то освещение. Вот в обязанности лампоноса и входило развешивать светильники по штреку. Чтобы тому же откатчику мало-мальски было видно дорогу, высланную из плах, по которой вывозили добытый уголь.

Вообще-то, с какими только светильниками не пришлось поработать. Как-то незаметно прошлое уступает место настоящему. И разве что в музее сейчас можно увидеть карбидную лампу. С ней горняк почувствовал удобство в работе. Понравилось, что крепится на каске. Теперь отпала забота постоянно перецеплять светильник с места на место по мере продвижения при работе. Куда ни повернешься – фонарь, закрепленный на голове, освещает нужный тебе участок. Удобнее даже, чем лампы Вольфа. Но опять же, когда в 1931 году в «Центральной штольне» обнаружили метан, лампы Вольфа приходилось при-

менять из-за их безопасности. Причем эти лампы, снабженные хитроумной сеткой, не только защищают горящий фитилек от опасной концентрации метана, но и сигнализируют горняку о процентном содержании газа метана в рудничной атмосфере.

Совершенствовались лампы, но все еще оставались неудобными, маломощными. Вот и приходилось их по всему штреку развешивать, цепляя за огнивы, или непосредственно в забое лавы или печи. Для этого не один десяток ламп за смену переносишь, а по ходу движения подправляешь, чтобы не затухли, да за исправностью следишь. Так что лампонос был в среде шахтеров вполне почетной фигурой!

Ну а про коногона-то, верно, не раз слышали. Долгое время в штольнях катали вагонетки вручную. Удивительно нам было видеть, когда в начале тридцатых впервые лошадь в вагонетку запрягли. Хохотали от души мужики:

— Это же надо! Лошадь додумались в гору завести! Да где же ей такую каску подобрать по размеру!

По тем временам для шахт нашего рудника это тоже было техническим решением, опыт был перенят с анжерских шахт, где лошади трудились в шахте еще с царских времен.

На удивление, сообразительные животные быстро приспособились к работе под землей. Они запоминали повороты, низкие огнивы. Уверенно при недостатке света везут состав до десяти вагонеток.

Коногоны в горняцкой среде завоевали авторитет не ниже забойщика. Сильные и лихие парни, они отличались особым чувством бережного обращения с животными.

Так человека с тачкой сменил коногон, а коногона постепенно вытеснил машинист подземного электровоза.

Новые профессии появляются в шахте, что означает непрерывный процесс механизации горняцких работ: машинист горно-выемочных машин, слесарь-автоматчик, машинист электровоза или дизелевоза.

Любопытно все же получается. Все, что происходило в жизни, скажем, лет семьдесят — сто тому назад, нам кажется такой глубокой древностью. А ведь это же наши деды и прадеды работали, это наша, шахтерская история.

Да что там сто лет, например, когда я работал, а это всего-то каких-то сорок лет тому назад, ни для кого не была удивительной профессия «табакотруса». Что это за профессия? Попытаюсь пояснить. Когда убе-

дились, что в недрах Прокопьевско-Киселевского месторождения за-
таился коварный спутник шахтера — метан, который в определенных
количествах в смеси с кислородом горит или взрывается, применение
огня в шахте было запрещено категорически.

Однако находились отчаянные головы и испытывали свою судьбу.
Да ладно бы, свою, но и жизнью своих товарищей рисковали. Вот пото-
му и появились при входе в штольню или у клетьевого ствола шахты
«табакотрусы», которые осматривали шахтеров на предмет того, чтобы
лишний раз напомнить, что в шахту с курительными принадлежностями
входить нельзя.

Как сейчас помню, стоит у клетки, в которую готовится сесть для спус-
ка в шахту очередная группа шахтеров, щупленький старичок, как гово-
рится, в чем душа держится. Каждого, кто проходит в клеть, прошупыва-
ет. Шахтеры подтрунивают над ним, но к обыску относятся терпимо.

Как-то спросил старичка:

— Да разве сможешь что-то найти, когда едва проводишь по бокам
человека? Только вид делаешь, что ищешь курево!

— Верно! — лукаво глянув на меня, отвечал дед. — Не то важно, что-
бы я нашел нарушителя, а то, что мое присутствие лишний раз напоми-
нает идущему вниз — с шахтой шутки плохи!

И действительно, психология человека так устроена, что даже са-
мый заядлый курильщик, который, казалось бы, «сосет» одну за другой
сигареты, в шахте на все шесть-восемь часов совершенно не чувствует
потребности в курении! Что значит подспудное сознание, что курение
в шахте — это опасно!

Все-таки есть в шахтерских наименованиях профессий, старинных
и нынешних, определенная поэзия: люкогрузчик, осланцовщик, лопат-
чик или с корнем «гнать»: ветрогон, лесогон, коногон. При названии про-
фессии наши деды, не мудрствуя лукаво, называли шахтерские профес-
сии бесхитростно. Например, дверовой следил за тем, чтобы двери в
выработке были закрыты, иначе нарушится проветривание забоев
в шахте, у лопатчика основная работа заключается в перекидке угля на
десятки метров, от забоя в углеспускную печь. У осланцовщика — вруч-
ную раскидывать инертную пыль по всем выработкам подземного участ-
ка, чтобы тем самым предотвратить возможность взрыва угольной пыли.

Фундаментом мощного сегодняшнего потенциала в немалой сте-
пени являлись и те первые, почти забытые сегодня, профессии.

ХОР В ШАХТЕ

Анна Степановна Старушкина день своего рождения отмечает в начале года. Преклонного возраста. Живет в своем домике на поселке Зенковские Уклоны. Здесь совсем как в деревне: тихо, улочки занесены снегом, пройти можно только по узенькой тропинке, протоптанной редкими прохожими.

Очень снежным выдался нынешний год. Анна Степановна берет лопату и очищает дорожку от дверей дома до калитки: а вдруг гости заглянут проведать? Ловко орудует лопатой, невольно подумаешь, да на самом ли деле ей столько лет? А она смеется:

— Да я еще молодых за пояс заткну. Сено-то летом для своих козочек сама накосила!

Анна Степановна и с работой шахтеров знакома не понаслышке. Самой доводилось в шахте бывать и даже поработать, пусть и на производственной практике. Эти рабочие смены под землей для нее на всю жизнь стали незабываемыми.

Было это в годы учебы в горпромуче, так в далеком 1932 году именовалось нынешнее профессиональное училище № 41.

Узнала о горпромуче благодаря объявлению в местной газете «Забой» от 9 января 1931 года, в котором говорилось о приеме на очередные курсы в «Школу горнопромышленного ученичества»: «Принимаются граждане 15–17 лет с образованием не ниже третьей – четвертой группы».

Аня Старцева (девичья фамилия), приехавшая с родителями из Коми в поселок Прокопьевский, расстраивалась: по-русски едва научилась понимать, а здесь еще вступительные экзамены. Но так хотелось учиться в горпромуче. Ведь там и стипендия, и питание в столовой, да еще выдают форменное обмундирование!

Ане повезло, для слабограмотных в школе был дополнительный годичный курс – подготовительные курсы.

От слесарных работ будущий электрослесарь была в восторге. Ее приводило в изумление, что своими руками, с помощью слесарного инструмента можно производить такие полезные вещи! Это казалось чудом. И свое восхищение она несет в родительский дом:

— Смотри, папа, вот из этой заготовки мы завтра начнем делать молоток!

Отец снисходительно рассматривает кузнечную поковку, вертит ее с сомнением в руках:

– Из этой железяки? Ну что ж, посмотрим, доченька, что у тебя получится.

Через неделю, держа в руках готовое, тщательно отшлифованное изделие, поражается:

– Невозможно, чтобы девчонка могла сделать этот молоток! На него любоваться надо, а не работать им. Ай да доченька, ай да мастерица!

Так, в процессе освоения слесарного дела, девчата группы шахтовых электрослесарей ЭС-31 научились готовить весь слесарный инструмент: плоскогубцы, циркули, тиски, ножовочные станки... Затем этот инструмент поступал в магазины на реализацию.

Училась два года. В группе были почему-то в большинстве девушки, парней всего пятеро. После теоретических занятий началась практика непосредственно в шахте. А сначала научили пользоваться респираторами. Проходили через задымленный штрек на бывшей шахте № 2.

На практике побывала на трех шахтах Прокопьевска: имени Ворошилова, «Черной горе» и на «Центральной штольне». Первый спуск в шахту им. Ворошилова запомнился тем, что проезжавший мимо электровоз с вагонетками зацепил ее за юбку. Еле удержалась на ногах, хорошо, что юбка порвалась. Так что на себе испытала, что в шахте одежда должна быть такой, чтобы не цеплялась за посторонние предметы.

А на «Центральную штольню» девчонок послали разбирать конвейер. По печи поднялись на параллельный штрек. Круто, трапов нет, какой-то канат привязан сверху за срубину. С помощью этого каната и вскарабкались одна за другой. Кругом все завалено: уголь, поломанные стойки, обломки плах. Инструктор производственного обучения показал, где и что раскрутить, и ушел дать задание другой группе ремесленников.

Стали разбирать конвейер, увлеклись. Быстро управились. Довольные, что так хорошо выполнили задание, уселись здесь же, кто на чем, и давай песни петь! В шахте, в замкнутом пространстве, песня звучит по-особенному, не так, как наверху.

Вдруг откуда-то сверху голос:

– Эй, это кто еще там распелся? Убирайтесь поживее оттуда, сейчас уголь перепускать начнем! Вас же засыплет к едрене-фене!

Перепугались девчонки и словно горох по канату через узкий лаз-печь попрыгали на основной штрек. Кроме Ани. Не может и все тут. Очень перепугалась и не сообразит, как спуститься. Боится на канате повиснуть.

Побежали подружки за помощью. Хорошо, что инструктор недалеко был с другой группой ребят. Заскочил он наверх:

– Ты что это, Аня, расселась? А ну-ка быстрее шевелись!

Обхватил ее одной рукой, другой за канат держится. Крепкий, сильный был мужчина. Словно котенка вытащил девчонку.

Не успели отдышаться, как в лаве что-то обрушилось с грохотом. Аж под сердцем захолонуло – это ж чуть не попали под завал...

Училась Аня с охотой, была старостой группы. Строгая была, признается Анна Степановна, все слушались беспрекословно.

А на выпускных экзаменах случился казус. Преподаватель по электротехнике «товарищ Попов» (к преподавателям и мастерам производственного обучения в те времена принято было обращаться «товарищ») предупредил:

– Чтобы не списывали! Поставлю обоим «неуд»!

Но как устоять, если подруга взывает о помощи? И Старцева, решившая все примеры задания раньше остальных, дала переписать сидевшей позади ее Наде Сорокиной:

– Только ты переделай немного, чтобы не заметили.

Однако та переписала слово в слово. Преподаватель уличил в проступке и сдержал свою угрозу – обоим поставил «неуд». Какой рев тут подняла Аня Старцева!

Дошло до директора Михаила Петровича Мокшанцева, который сам был выпускником данного горпромуча. Конечно же, он сжалился и дал девчонкам возможность пересдать экзамены.

Закончила Аня горпромуч и стала дипломированным специалистом. Но в шахте работать больше не пришлось, отец настоял:

– Нечего женщинам под землей находиться, работы и на земле хватит!

Тем не менее осталось в душе уважение к нелегкому труду шахтера. Ведь там, под землей, и муж работал, и сыновья. И сейчас внуки работают... И если начинается за столом разговор о шахтовых делах, то и Анна Степановна с пониманием принимает в беседе участие.

Сейчас, несмотря на возраст, Анна Степановна сохраняет удивительный заряд энергии и оптимизма. Уверенно справляется со своим подворьем – это пара козочек и две безобидные дворняжки.

И подумалось мне, что естественно и интуитивно правильно поступает та молодежь, которая решает идти учиться в профессиональные училища. Потому что получение рабочей специальности, по большому счету, не главное. Жизнь впоследствии поможет определить, кем

стать. Все зависит от тебя самого, от твоего дальнейшего самосовершенствования. Основное же, это возмужание за годы учебы в рабочей и ученической среде, осмысление своего истинного предназначения, чтобы после окончания училища устремиться на последующее покорение профессиональных и научных вершин, которых в человеческом обществе неисчислимо множество.

КАПУСТНЫЙ БУНТ

*Из беседы с Николаем Андреевичем Лобовым,
почетным шахтером, забойщиком шахты «Коксовая»*

В 1947 году, когда вместе с сослуживцами ожидал демобилизации, в срочном порядке погрузили нас в вагоны и повезли в неизвестном для нас направлении. Думали, куда-то на новую дислокацию, может на границу. Однако вскоре пояснили:

— Направили вас, ребята, на самый ответственный пост, на угольные шахты Сибири!

О Сибири я, уроженец Саратовской области, до того и представления не имел.

Вот таким образом и попал в Прокопьевск. Здесь встретили нас представители разных шахт, которые набирали себе рабочих.

Вместе со мной, кстати, приехал Николай Григорьевич Кочетков и Василий Николаевич Рожков, которые впоследствии прославились своими трудовыми делами и стали Героями Социалистического Труда.

Меня с группой ребят на шахту «Коксовая» судьба определила, стали мы горняцкой профессии обучаться в ФЗО № 31. Кормили нас в столовой, что рядом с шахтой располагалась.

Три месяца теоретических занятий и затем началась практика. Здесь прикрепили каждого из нас к опытному рабочим, и через некоторое время стали мы неплохими помощниками, потому что шахтеры не жаловались на нашу работу. Однако в брезентовом костюме, по сути дела, на голом теле, работать в шахте было очень даже неудобно и холодно.

И в столовой нас кормили неважно, прямо надо сказать. И вот в очередной раз накормили нас одной капустой. Щи пустые, а на второе квашеная капуста. И вдобавок без хлеба.

Вся наша группа, двенадцать человек, решили, что с такой едой работать в шахту не пойдем! Мы же, по сути дела, мужики. Каждому по 20–22 года уже. И вернулись в общежитие.

Вскоре приходит наш мастер производственного обучения:

– В чем дело? Почему в шахту не пошли?

– Какая шахта, мастер! Это после капусты-то! Мы же голодные, нам мясо есть надо!

Что с нами мастер может поделать, тем более понимает, что непорядок голодному работать.

– Ну, хорошо, во вторую смену пойдете, после обеда. Я договорюсь с начальниками участков, на которых вы работаете.

Однако в обед снова предложили нам то же самое меню: капуста на первое и второе и чай.

Как ни уговаривал мастер, мы и на этот раз вернулись в общежитие.

– В ночную смену пойдём... если накормят!

Однако и сами беспокоимся, как бы не переборщить. Потому что если в течение суток не выйдешь на работу, то будет прогул, а за это могут и под суд определить. К прогульщикам, хотя время было уже не военное, по-прежнему относились очень строго.

Дождались ужина, все то же! Мы и есть не стали. Но на шахту пришли, и прямо в кабинет начальника шахты. Начальником шахты был в то время Александр Федорович Кучин. Выслушал он нас внимательно и берет телефон:

– Соедините меня с директором столовой!

Потом, видать соединили, уже голосом, не терпящим возражений:

– Сейчас к вам придут ребята. Накормите их! Никакой капусты! Капусту в сторону! Это шахтеры, а шахтеров надо мясом кормить!

Накормили нас, наконец-то, как следует, и, кстати, в дальнейшем питались мы вполне сносно.

Утром, поднявшись на-гора после рабочей смены, пошли в мойку. А здесь для нас приготовлена спецовка: фуфайки, белье нательное... Оказывается, Александр Федорович вошел в наше положение: ведь мы здесь без семьи и найти белье для нас было проблемой.

– С таким начальником можно работать! – сказали мы.

СУДЬБА ШАХТЕРА

Как-то довелось мне попасть в больницу с немудрящей болячкой. Без хирургического вмешательства никак не обойтись. Как сказал хирург Валерий Иванович Сотников:

– И что же это ты, батенька, затынул с операцией? Сделал бы полгода назад, когда дал направление, так уже здоровым бы ходил! Так что

заруби себе на память и другим скажи: что следует вырезать, надо вырезать без колебаний, не доводя до худшего!

Что ж, деваться некуда, стал готовиться к госпитализации: приобрел по настоятельной рекомендации врачей (такие ныне времена — платные) несколько квадратных метров марли, бинт, новокаин, лейкопластырь, зеленку, перчатки хирургические и все такое прочее, захватил три сотни рублей за общий наркоз и с содроганием в коленях отправился на операцию.

Однако нет худа без добра. Судьба преподнесла подарок — соседом по палате оказался хороший, душевный человек, в прошлом шахтер, Тимофей Тимофеевич Лехнер.

Имея слабость «собирать» шахтерские истории, я, естественно, постарался разговорить старого шахтера. А он и сам не прочь. Все у него в памяти запечатлено, словно на видеопленке.

— Я своих напарников по работе, товарищей, словно на фотографии вижу. Все они у меня здесь, в голове запечатлены... Ночами не спится, жизнь свою перебираю, всех знакомых вспоминаю.

1102740 Ближе к ночи вся больница постепенно замирает. И мы с Олегом, еще один наш сосед по палате, тоже начинаем дремать. Время позднее, пора и поспать. Но из вежливости не хочется прерывать Тимофеича. А он присел на стуле у окна и бормочет вполголоса свои воспоминания. То ли нам рассказывает, то ли для самого себя.

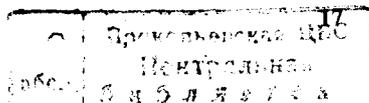
И становится жаль его и обидно: всю-то жизнь проработал под землей, имел хорошие заработки, в почете и у друзей, и у начальства. Семья была... Куда все ушло? Похоронил жену. Вздыхает горько:

— Лучше бы сначала я помер. Все же тяжело мне без нее жить... Сын непутевый вырос, стал выпивать, потом попал под следствие и получил срок.

Теперь вот, на восьмом десятке, стал прихварывать. И что же получается, для чего жил? Один остался... И для чего ты, жизнь, дана мне? — вопрошает вполголоса Тимофей Тимофеевич у стремительно темнеющего горизонта за окном, думая, что мы с Олегом уже спим.

ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ!

В Прокопьевске я оказался в 1959 году. До этого из-за своей фамилии в самом начале войны был депортирован в Новосибирскую область. Дело, видите ли, в том, что хотя сам по происхождению и русский, но получил немецкую фамилию после того, как усыновил отчим. Вот так

и получилось, что шестнадцати лет вместе с матерью был депортирован в Сибирь из-за этой фамилии. От греха подальше — а вдруг с врагом какие отношения имел?

Жили и работали в совхозе до 1955 года, до поры, когда Никита Хрущев после смерти Сталина отменил комендатуру. И получили мы, бывшие поднадзорные, свободу перемещения. Поехал я вместе с друзьями «на разведку» в угольный Прокопьевск и устроился здесь на шахту имени Сталина, сейчас «Коксовая».

Освоил профессию забойщика. Стал, прямо скажем, хорошо получать, прогрессивку за перевыполнение. Для меня, вчерашнего колхозника, который гроши получал за свой труд, это было приятно.

Получить жилье и тогда было непросто — очередь большая. Поски-тавшись по квартирам и надумав жениться, решил построить свой дом. Тем более что опыт строительства у меня уже имелся. Сразу после прибытия с Украины вместе с матерью «слепили» такой домик: жить-то где-то надо было.

Для начала выписал на шахте две машины лесоматериалов и привез на склон Прокопьевской сопки, что сразу за шахтой. Решил построить с таким расчетом, чтобы быть поближе к работе. Вкопал по четырем углам столбы и стал к ним прибивать плахи, снаружи и изнутри, засыпая пустоту глиной. Благо, что в Прокопьевске глины более чем достаточно. Уже к августу у меня вполне приличный получился дом из двух небольших комнат и кухоньки.

Друзья-товарищи по работе отправили в первый мой отпуск в Новосибирскую область, проведать мать с сестрой, пообещав за время моего путешествия произвести окончательную отделку дома.

Купил я матери пальто, а сестре костюм. Большой чемодан подарками заполнил. И предстал я перед своими родными этаким богачом-шахтером, у которого денег полным-полно. Да и мне приятно было помочь — столько матери за ее жизнь довелось натерпеться от бедности и недоедания...

Когда вернулся в Прокопьевск, и самому не верится, как мои друзья постарались. Пол покрасили масляной краской и лаком покрыли. Стены снаружи и изнутри побелили. Не дом, а игрушка! Вскорости женился. Долгое время в этом домишке жили, пока не получили квартиру на Тыргане.

РАБОТА БЕЗ РУКАВИЦ

В шахте всегда работал без рукавиц. Впрочем, почему в шахте, вообще работу в рукавицах не признаю! Согласен, нарушение техники безопасности, и в иных случаях без рукавиц просто опасно работать. Допустим, когда имеешь дело с тяжелыми предметами. Но вот такой уж я: рукавиц не признаю.

Однажды, еще по молодости, занозил по этой причине палец. Рана загноилась, пришлось вскрывать в больнице. Врач обработал, как положено, рану и наказал не мыться некоторое время. А как же в шахте работать и не мыться?

Но я нашел выход. Зашел в аптеку и купил, извините за выражение, обычный презерватив. В те времена презервативы из скромности именовались «изделием».

Спрятал я в это «изделие» свой пальчик и решил проблему: ранка не марается и можно после работы помыться в мойке.

Прихожу в очередной раз на прием к врачу, как мне велено, для контрольного обследования. Врач взглянул на мое изобретение и кричит молоденьким медсестрам, проходившим у него практику:

– Взгляните, девушки, на этого молодого человека! Какой неграмотный! Презерватив куда надо одевать?! А он его на руку натянул!

С юмором хирург попался, а я с конфуза готов был под землю провалиться!

КАК МЕНЯ ЧУТЬ НЕ УВОЛИЛИ

За свои двадцать семь лет подземной работы в качестве забойщика в лаве и под щитами приобрел я, поверите ли, особое чувство опасности. Бывало, пройду по лаве к завалу, и если мои руки начинают вот так, непроизвольно вибрировать, а в ушах звон стоит, то наверняка скоро «сядет» лава. И товарищи мои знали – если Тимофеич сказал, то в лаву лучше не ходить.

Возможно, это чутье помогло мне отработать все свои двадцать семь лет без единой травмы. А однажды из-за этого чувства даже поссорился с начальником участка, Петром Осиповичем Скориком, заслуженным шахтером РСФСР, Героем Социалистического Труда.

Тогда я уже на шахте имени Калинина работал. Встал однажды щит в аварийное положение, как мы говорим, «встал на коня». И появилась

опасность того, что щит просто-напросто перевернется, следовательно, потеряем щитовое перекрытие.

И в этой аварийной ситуации посылает меня Петр Осипович в шахту оценить ситуацию и возможность поправки дел. И сам пошел со мной для контроля.

Поглядываю я из сбойки на оцетинившуюся породу. Хотя и с опаской, а все же чувствую нутром, что есть возможность поправить ситуацию, вывести щит в нормальное рабочее положение. Залез под щит, а Петр Осипович за мной наблюдает.

Стал электросверлом по лежащей почве шпур бурить. Карабкаюсь от секции к секции, стараюсь не потревожить нарушенные участки горной массы.

Заволновался Скорик, приказывает:

– Немедленно уходи! Если тебя на моих глазах собьет, мне не оправдаться!

Надо вам сказать, что я сызмальства ни к кому старше себя на «ты» никогда не обращался, да и к незнакомым тоже. А здесь, в горячке, отмахнулся:

– Пошел ты, знаешь куда! Не мешай!

От возмущения он дар речи потерял, пока соображал, как меня из опасной зоны убрать. А я уже последний шпур зарядил взрывчаткой.

Опытный щитовик знает: чтобы щит, вставший на дыбы и готовый перевернуться, выправить, надобно сделать выемку по лежащему боку. И тогда щит, дернувшись по лежащей, соскользнет по висячему боку. Так и получилось. После отпалки щит через пару смен принял рабочее положение.

Петр Осипович еще не остыл от гнева и, прежде чем уйти из забоя, промолвил сердито:

– Выйдешь на-гора – пиши заявление на расчет!

Спустился я на основной штрек, а рабочие сочувствуют:

– Ох и рассердил же ты начальника!

– Все, – говорю им. – Больше с вами мне не работать... Что-то есть настроение выпить!

После мойки пошли мы в ресторан. Тогда, в те застойные времена, в ресторан было недорого ходить, обычное дело для рядового рабочего. Посидели немного и стали разбегаться. Втроем поехали домой, на Тырган. Пока ехали и вели душевные разговоры, показалось нам, что со-

вершенно протрезвели. Естественно, решили добавить. В какой-то подворотне распили еще одну бутылку и здесь попали на глаза блюстителям порядка. Ничего не скажешь – нарушение общественного порядка распитием спиртных напитков! И доставили нас в медвытрезвитель.

Очнулся утром и прошу дежурных милиционеров:

– Только на работу не сообщайте!

Вроде бы дали твердое слово не сообщать.

На работу, естественно, опоздал, наряд уже дали, и смена ушла в шахту. А Петр Осипович, увидев меня, говорит:

– Явился! Почему с опозданием?

– Да вот, заявление принес «по собственному»... Как вы сказали вчера.

И протягиваю бумагу. Глянул он на меня исподлобья и рыкнул:

– Я тебя за пьянку уволю! А не по собственному!

Как он узнал так скоро?

Однако все обошлось благополучно. Остыв немного, он сказал уже миролюбивее:

– Отправляйся домой и отоспись. А завтра чтобы без опоздания! Надеюсь, впредь будем работать с тобой без фокусов!

НЕВЫПОЛНЕННЫЙ НАРЯД

Однажды дает мне начальник участка наряд: разбутить углеспускную печь. И подчеркивает:

– У тебя опыт, Тимофей Тимофеевич, большой. Так что поручаю тебе разбутить печь. А для контроля и помощи вместе с тобой пойдет горный мастер Никашин. Все же разбучивание печи – дело серьезное, соблюдайте все меры осторожности. Не торопитесь, аккуратно все делайте!

Спустившись в шахту и добравшись до места назначения, с промежуточной сбойки заглянули снизу в печь. Действительно, метрах в семи вверху расперлись промеж собой деревянные затяжки и пара срубин.

Хотел было без промедления залезть в печь. Чтобы на месте рассмотреть, что надо делать. Но горный мастер не пустил:

– Не суетись, Тимофеич! Смена большая – успеем! Давай немного отдохнем!

Что ж, согласился. Устроились здесь же, на сбойке, «тормозки» развернули, перекусили. О том, о сем поговорили. Собрался было вновь в печь лезть, а Никашин снова не пускает:

— Ну и куда ты торопишься! Давай-ка лучше с полчаса вздремнем. Когда еще такой наряд перепадет, а я сегодня рано поднялся, не выспался...

— Как знаешь, — отвечаю. — Можешь дремать, если не вмоготу, а я пока пойду, лес для крепления лавы заготовлю для второй смены.

Одним словом, стал я топором лес заделывать, подхват на борту поставил дополнительный. Заработался и про мастера забыл. Спихватился, спускаюсь на сбойку, а он фуфайкой прикрылся, пригрелся и посапывает себе. Толкнул его. Подхватился Никашин и говорит бодро:

— Ну вот, теперь можно и за разбучивание печи браться!

— Ну уж нет! — отвечаю. — Теперь, когда смена закончилась, я в печь не полез! Спешка может травмой обернуться, если не хуже. Может быть, ты полезешь разбучивать?

После мойки, едва зашли в кабинет, начальник сразу спрашивает:

— Что случилось? Почему печь не разбутили?

Я же без утайки, откровенно отвечаю:

— А вы у горного мастера спросите, почему он на работу ходит не выспавшись!

В БУНКЕРЕ

Однажды, зачищая забой после отпалки, слышу: скребковый конвейер на промштреке замолчал. Не иначе как у мастера возникли проблемы с выгрузкой угля.

Спускаюсь на основной штрек — так и есть, горный мастер Григорий Кокнаев с люкогрузчиком Леней суетятся возле маневровой лебедки: канат заклинило и вагонетки перебурились.

Навели мы порядок сообща, и мастер просит:

— Тимофеич! Последи, чтобы уголь в бункере не останавливался. А мы с Леней выгрузим быстренько уголь из банок.

Дело в том, что пока уголь идет из банок непрерывным потоком, так сказать, напролет, то все нормально. Но если банки загружены снизу доверху, то ситуация складывается совершенно иная. Никак не хочет уголек идти самотеком. Приходится носком сапога подталкивать его, чтобы дать импульс движению в месте выхода из банок. И вот погрузка в вагонетки идет без проблем до очередной перестановки вагонеток.

Вот и приходится дежурить в бункере, пока все банки не опорожнятся. А чтобы в бункере было удобнее держаться, то со сбойки спустили кусок электрокабеля, завязанный одним концом к стойке крепления.

Но вот беда, при моем росте длины этого кабеля явно недостаточно. Только держась одной рукой за самый кончик кабеля, могу носком сапога дотянуться до того места, где следует подталкивать уголь.

Однако не теряю бдительности, просчитываю ситуацию на случай, если вдруг не удержусь и меня присыплет углем?

— Если что, думаю, успею к висячему боку прижаться. Там углю не хватит силы наглухо запечатать.

И что вы думаете! Так и случилось! Не успел я уголек толкнуть, как он тут же, в мгновение ока, всей своей массой «фукнул» из банки, сбил меня и, естественно, кабелек из моей руки вырвало!

Засыпало всего, однако, когда прижимало к висячему боку, я успел голову повернуть к висячей кровле, где оставалось свободное пространство в десяток сантиметров. И воздуха для дыхания вполне достаточно.

Одним словом, не смертельная ситуация. Отдыхаю я, значит, зажатый со всех сторон углем. Внизу, слышу, загружается очередной вагон. Леня неторопливо, основательно работает. Но вот заметил мои ноги, которыми я делаю изящный шпагат, показывая тем самым, что жив, не пугайся очень-то!

Как он зашевелился! Мигом уголь из бункера выпустил!

Выкатился я в щель люка, а Леня за мной тут же закрыл шабер.

Григорий Матвеевич Кокнаев подскочил:

— Тимофеич! Ты в порядке?

— А что со мной делается? Ты бы лучше веревку подлиннее привязал в бункере!

В общем-то, ничего особенного не произошло. Так, ситуация. Но под банки в бункере все же на другой день уложили эмалированные решетки. Чтобы уголь больше не стопорился.

ВСТРЕЧА В ЗАБОЕ

*Историю эту рассказал мой брат, Семен Иванович Давыдов,
механик, ветеран шахты «Центральная»*

Всем известно, что шахту без присмотра не оставляют. Даже когда шахтеры два месяца «лежали» на центральной площади города, отстаи-

вая свои права. За состоянием шахты в дни простоя продолжают следить: служба подземной вентиляции, служба главного механика. Да и как иначе, всякое может случиться: обрушение выработки, загазование, затопление... да мало ли чего непредвиденного?

Вот, к примеру, на нашем участке подготовительных работ каждый тупиковый забой проветривался вентилятором местного проветривания, всего же на одном только нашем участке было их до полутора десятков. Это довольно мощные машины, которые непрерывно нагнетают воздух в выработку, создавая нормальные условия для пребывания человека под землей.

Если вентилятор остановится, то произойдет загазование выработки метаном. А чем это грозит, каждому понятно.

В настоящее время на помощь шахтерам пришла электроника, и все шахтовые вентиляторы управляются с поверхности, с главного пульта, расположенного у дежурного по шахте. А в году так примерно семидесятом было сложнее. И в общешахтовые выходные или праздничные дни на участок, для обеспечения контроля работы этих вентиляторов, назначались по графику люди.

Особого желания в праздник идти в шахту, сами понимаете, никто не изъявлял, даже за двойную оплату. Поэтому роль дежурного на участке обычно доставалась нашему безотказному деду, как мы его называли, Андрею Ханакаеву. В сравнении с нами, двадцати-, тридцатилетними, он в свои шестьдесят лет вполне сходил нам за деда. Черкес по национальности, жил в Прокопьевске без семьи. Насколько помню, на рацию не возвращался из опасения кровной мести.

На нашем участке его уважали за трудолюбие, уважительное отношение к товарищам. Тем не менее мы с готовностью уступали ему дежурство в праздничные дни вне всякого графика!

Однажды в один из таких дней Андрей Ханакаев обходил подготовительные забои, проверяя вентиляторы. Если где-то вентилятор стоит, то включает его, либо включает резервный.

Очередная выработка была сильно обводненной, практически из воды выглядывали одни рельсы. Ханакаев неторопливо бредет по выработке, торопиться некуда, смена большая. Балансирует на рельсе. В одной руке трамбовка, на которую упирается, словно на тросточку, а в другой руке головка светильника, так удобнее светить себе под ноги.

И надо же было такому случиться, прямо на него по этому же рельсу бежит огромная крыса! Очевидно, она не впервой здесь путешествует, уверенно передвигается, иногда приостановится и, уткнувшись к самой воде мордочкой, обнюхивает ее, убеждается, что надо двигаться дальше.

Ослепленная светильником Андрея, прижалась к рельсу, длинный хвост ее свесился в воду. Глаза, словно раскаленные угли, ярко светятся. И не может крыса сообразить, что ей следовало бы развернуться на 180 градусов и дать деру. Вместо этого она медленно продолжает двигаться навстречу человеку.

В такой непредвиденной ситуации поступаешь неосознанно, не раздумывая, времени нет. Андрей крутанул шнуром, намереваясь головкой светильника, словно хоккейной клюшкой, сбить крысу с рельса. Но не рассчитал, головка светильника, со всей силы врезалась в рельс, и стекло вместе с лампочкой рассыпались вдребезги.

Наступила крошечная темнота, то, что естественно для крысы. Но не для Ханакаева.

Случаются ситуации, когда светильник во время нахождения в шахте отказывает. И только тогда полностью осознаешь, каким становится человек беспомощным в темноте. Не проблема, когда рядом товарищи, которые помогут выйти на-гора. Но остаться в шахте без света одному..

Сколько времени брел Андрей на ощупь, проваливаясь по колени в канаву, спотыкаясь о невидимые препятствия, трудно сказать. Через какое-то время добрел наконец до выработки, в которой, знал наверняка, есть телефон. Который, к счастью, оказался в рабочем состоянии. Дежурный по шахте, услышав гортанную речь с сильным кавказским акцентом, понял его положение и выслал на помощь дежурного машиниста подземного электровоза.

Как все-таки приятно ощущение, когда после полной темноты появляются на стенах выработки слабые отблески света приближающегося электровоза. Затем свет становится все сильнее и ярче! И наконец свет!

ПРОУЧИЛИ!

В конце 60-х работал я (рассказывает Василий Егорович Юдин, ветеран шахты «Зенковская») на шахте «Комсомольская». Точнее, так называли один из очистных участков шахты «Зенковская».

Работал участок, как помню, с хорошими показателями, даже был участником выставки на ВДНХ. Все потому, что коллектив здесь подобрался слаженный, народ в подавляющем большинстве молодой.

Но не зря говорится: «в семье не без урода». Был среди нас один мужичок. Василий Сычугов, по прозвищу «музыкант» — то ли люко-

грузчик, то ли проходчик, точно не помню. Очевидно, воспитывался он в каких-то экстремальных условиях. Речь его человеку с обычной психикой непросто было воспринимать, одни матюги из его рта вылетали. Очевидно, оттого и прозвание такое получил: «музыкант» — за «музыкальное» сопровождение своей речи. Шахтеры, что скрывать, в забое могут в пылу работы крепкое слово вставить, но и те считали, что это непорядок. Пытались вразумить — все напрасно. Василий не знал никаких пределов.

Особенно доставалось от него бедным женщинам: ламповщицам, ствольным-рукоятчицам, откатчицам. Только подходит к стволу, сразу кроет матом рукоятчицу, невзирая на возраст — молодая или старая, все одно. До слез, бывало, доходило.

Сколько это может продолжаться, решили однажды три молодых дивчины, Дина Ермолова, Надежда Сорокина и Марина Поспелова, разнорабочие шахтного транспорта, проучить парня — терпеть больше нельзя, с хамом надо бороться его же методами.

Клеть поднялась наверх, еще не открылись решетки, а уже слышится знакомый грубый голос:

— А, такие-растакие, в крест простирания пласта... Что, как телки, стали, не шевелитесь?..

Выйдя из клетки, направился было вслед за шахтерами, но Марина взяла его крепко за рукав и неожиданно для него повела в дальний угол галерки, за состав вагонеток.

— Что ты вцепилась, стерва! — рванул было Василий.

Но тут подскочили поджидавшие за вагонетками остальные девчата. Заранее договорившись, кто-то держал за руки, кто-то за ноги. Не успел охальник понять что-либо, как уже лежал на спине и его брюки сползли с ног. Яростно забился Василий-музыкант, извергая такой поток мата, что впору затыкать уши. Но все тщетно. Вскоре вся его нагота предстала наружу. Дуся обеими руками зачерпнула инертную пыль из стоящего рядом ящика и яростно принялась этой пылью натирать промежность Василия, приговаривая:

— Это тебе за твой безобразный язык, чтобы век помнил!

Отпустили его, и пока он дрожащими руками натягивал штаны, дружно скандировали:

— Не матерись никогда, не матерись!

На следующий день начальник участка Николай Иванович Островский, зайдя в кабинет для наряда, сказал:

– Мужикам выйти! Я побеседую с женщинами и с Сычуговым.
Мужики, ясное дело, запротестовали:
– Почему это мы должны выйти? Мы примерно в курсе дел и хотим тоже присутствовать.
– Ну, как хотите, оставайтесь... Василий вот жалуется на вас, девчата! Это что же такое вы с ним сотворили?
Вот как достали его женщины – пожаловался начальнику. Когда Марина все подробно рассказала, то в кабинете долго стоял дружный хохот. И Николай Иванович, вытирая глаза рукой, проговорил срывающимся от смеха голосом:
– Молодцы, девчата! Таких действительно учить надо!
Выскочил Василий из кабинета. И с тех пор я его на шахте больше не видел. Рассчитался бедолага.

ШУТКИ «НЕЧИСТОЙ СИЛЫ»

(Тут хоть плачь, хоть крестись!)

Захожу иногда в гости к Кириллу Савельевичу Рябинину. Работали вместе на «Центральной» на подземном транспорте. Общественными делами занимались. Спортом в свободное время увлекались. Так что много общих интересов. Заскочишь на минуту в гости, а пролетает час, другой за партией шахмат или просто в беседе.

Как-то зашел у нас разговор о непонятных явлениях в нашей жизни. Я случай вспомнил. В юные годы начал работать в кузнице транспорта шахты «Коксовая» по ремонту шахтовых вагонеток. Мой наставник Паша был постарше, сейчас, конечно, Павел Гаврилович Бабичев.

Однажды, работая во вторую смену, вышли на улицу покурить. Погода стояла теплая, разгар лета. Присели за кузницей. Наблюдаем за стрижами, стремительно мечущимися высоко в небе в погоне за мошками. А по соседству с кузницей – галереи технологического комплекса. И смотрим: рабочая выходит из галереи с охапкой веток и недалеко от нас садится на рельсы. Видно, тоже на свежем воздухе побыть потянуло, заодно и полезное дело сделать, связать парочку веников.

Сидит она спиной к нам. Собрала один веник, положила на землю позади себя, за другой принялась. Аккуратно так работает, неторопливо хворостину к хворостине кладет.

Подмигнул мне Паша и по-пластунски пополз к ней. Ловко так у него получилось, что женщина совершенно ничего не услышала. Взял Паша осторожно этот веник и быстренько назад. А женщина как раз второй веник связала. Осмотрела его удовлетворенно и потянулась рукой назад, чтобы взять первый. Не нащупала. Оглянулась — нет его! Озадаченная встала, внимательно все вокруг осмотрела. А что смотреть-то, когда вот они — рельсы и шпалы, да еще гравий вперемешку с углем. А веника нет.

Такая растерянность во всем ее облике, озадаченность — не передать словами. Мы же, дурачье, катаемся по земле, давимся беззвучным смехом.

Ей даже в голову не придет посмотреть подальше. Да и в самом деле: вот здесь же, за спиной, лежал веник. А рядом никого нет. Не иначе, работа нечистой силы!

— Это что — веник, — улыбнулся Кирилл Савельевич. — У меня однажды в шахте подобным образом целый двигатель пропал. В 1943 году меня назначили механиком участка на шахте имени Сталина. Для механизации проходческих работ потребовалось как-то спустить в шахту конвейер. Как помню, марки П-4, легкая конструкция. Привезли на шурф конвейер, разобранный на части, загрузили в скип, еще кое-какую мелочевку и спустили вниз. Два слесаря побежали следом по ходку в шахту, чтобы разгрузить. Выгрузили они конвейер, затем взяли рештаки и отнесли в сторону на несколько метров.

В это время мимо проходил проходчик. И что ему в голову стукнуло! Взял он двигатель конвейера, который весит около 60 килограммов, и засунул его здесь же, за затяжки над огнивами. Силенкой его Бог не обидел, играючи все это проделал. Да быстро так, пока ребята повернулись, он уже как ни в чем не бывало шел дальше к себе в забой.

Спустили мы в шахту остальные рештаки, цепи, стали собирать конвейер, чтобы ко второй смене запустить в работу. И тогда хватились — нет двигателя. Куда подевался? Мы же грузили. Да и ребята не отпираются — выгружали мотор из скипа. Вот здесь, на этом самом месте был.

Я ругаю ребят:

— Не провалился же мотор сквозь землю! Куда дели?

На всякий случай наверх выскочили по шурфу, может, у всех в головах заклинило, и мы его оставили в вагонетке? Но и наверху, естественно, двигателя не оказалось. Стоим растерянные, совершенно обалдевшие. Что делать, не знаем.

Подходит этот самый проходчик и ехидно спрашивает:

— Хотите, найду ваш мотор? Только пообещайте хороший «тормозок»!

А я, честно говоря, тогда в шахту как раз с хорошими «тормозками» ходил. Дружил в то время с официанткой столовой.

— Хорошо, — говорю. — Вот тебе тормозок, будешь доволен. Говори, где мотор?

Он тут же раздвинул над нашими головами затяжки и снял двигатель. Силен был, нечистая сила!

Поругались мы на него, это сколько же нервов испортил нам! А потом посмеялись вместе: в конечном счете, ничего же страшного не произошло.

Так и в самом деле в нечистую силу поверить недолго.

ОКНО, НО НЕ В ЕВРОПУ

Оно стало соблазном «прихватизации»

Слесарей-то в подчинении у механика подземного участка и сейчас немного, а уж в военные годы, как у меня в 43-м, вообще было несколько человек. Так что в работах по ремонту оборудования, чтобы все «крутилось» как положено, участвовал вместе со своими слесарями.

Накануне знаменательной даты, 1-го Мая, в одном из проходимых штреков сгорел двигатель на ленточном перегружателе П-4. Ни раньше ни позже. Не дай Бог сорвать график работы по проходке промштрека, голову в парткоме оторвут.

Где срочно найти двигатель? А мой слесарь Обухов и говорит:

— Все сделаем как надо, механик, не волнуйся. И двигатель найдем, только за это дашь нам отгул.

Какие могут быть возражения? Это же самый благоприятный выход. Согласился.

Они сразу стали отсоединять от конвейера вышедший из строя двигатель, а я поднялся на-гора, чтобы второй смене дать наряд на работу. Ожидаю, когда неисправный двигатель выдадут из шахты, а сам размышляю, где же это они запасной двигатель возьмут, если даже я, механик, не знаю?

Вскоре из шахты проходчики позвонили:

— Механик, твои ребята поставили новый двигатель на конвейер, можешь в третью смену направить людей в забой!

На следующий день мои слесари, по уговору, отдыхали. По тем временам выходной день, когда в шахте находились по двенадцать часов, было явление редкое. Дома у каждого дети, дел по хозяйству множество.

Когда ребята появились на работе, то первым делом интересуюсь:

— Скажите, шустрые молодцы, и где же это вы резервный мотор нашли?

Отмахнулись:

— Тебе-то что за забота, Савельич? Забой работает, перегружатель качает, что еще требуется!

И только по прошествии времени, уже после окончания войны, как-то проговорились.

Оказывается, они «позаимствовали» двигатель у соседей, проходчиков с шахты № 3-3-бис («Центральной»). Тогда выработки верхнего горизонта этих шахт сбились друг с другом на границе шахтных полей. По пласту Внутреннему в районе поселка Поварниха. И через эту «дыру» запросто стало возможно с одной шахты попасть в другую подземным способом.

Вот мои слесари и воспользовались этим, сделали, как сейчас модно говорить, «несанкционированную приватизацию», прихватив чужое имущество. Действие по тем временам далеко небезопасное. Вполне можно было бы расценить как диверсию. Потому благоразумно и молчали от греха подальше.

А у проходчиков — «3-3-бисоцев», как потом узнал, этот двигатель долгое время находился в той выработке как резервный. Они, понятное дело, недоумевали, куда он мог пропасть. Но за текучкой дел вскоре позабыли о неприятности. Однако ту злополучную сбойку между шахтами на всякий случай вскоре заперемычили.

ЛА-ЛА... ЛА-ЛА

(Это не песня популярной певицы, а след давнего испуга)

Работал я тогда на шахте имени Молотова («Ноградская») механиком участка. Случилось это в 1952 году. К этому времени опыт руководящей работы приобрел уже солидный, стаж более десяти лет. Так что в случае производственной необходимости замещал горного мастера или даже помощника начальника участка.

В тот воскресный день предстояло мне спуститься со слесарями под землю для производства ремонтных работ участкового электрообору-

дования. Работать в шахте в выходной, когда никто не мешает, одно удовольствие. Вместе с нами в шахту пошли и забойщики Зенкин и Ярославский. У них была задача — произвести посадку лавы.

Угля к тому времени из пласта двухметровой мощности было взято много. И теперь предстояло обрушить висячую кровлю, то есть произвести принудительную посадку. Для того чтобы можно было безопасно отрабатывать угольный пласт и дальше.

Начальник участка Игорь Петрович Засыпкин дает мне поручение:

— Помимо слесарных работ проследи за тем, как забойщики произведут посадку лавы.

Для принудительной посадки лавы требуется взрывчатка. Так что забойщики направились напрямиком в лаву, чтобы там набурить в кровле шпурь. С тем чтобы, как только принесут взрывчатку, зарядить эти шпурь для отпалки. Тем самым спровоцировать обрушение кровли.

Вместе с взрывником и сумконосом я зашел в аммонитный склад, чтобы помочь донести взрывчатку. Прибыли с аммонитом на участок и спустились на промштрек, с которого работает лава. Вот уже к самому борту лавы подходим, что-то подозрительно тихо. Знаете, как тихо бывает порой в шахте? Тревожно так, что даже неприятно становится. Забеспокоились: в чем дело? Смотрим — фуфайка валяется. А забойщиков нет. Сунулись было в лаву, видим — проход полностью запечатан породой. Значит, лава обрушилась! В голове одна мысль: где люди?

Бросился к скату, почти кубарем спустился по ходку до нижнего параллельного штрека. Снова к лаве. И здесь нет прохода в нее. Какая мысль могла прийти в ту минуту? Естественно — забойщики попали под завал!

Холодный пот прошиб меня. Сам не свой спустился на основной штрек. Подошел к телефону, звоню диспетчеру.. Пытаюсь сказать, что лава села, и о своих подозрениях. Сказать пытаюсь, а не могу. Только что-то нечленораздельное получается: «Ла-ла...ла-ла...»

Хорошо еще, рядом газомерщица оказалась. Видит она, что я с перепугу говорить не в состоянии, взяла трубку. Когда пояснила диспетчеру, с какого участка звоним, то он ей и говорит:

— Ваши забойщики заходили ко мне только что. Сказали, что если механик будет звонить, передать ему, что лава не дождалась. Обрушилась еще до их прихода. А раз им в шахте делать больше нечего, то они пошли в мойку.

Вздыхнул я с облегчением, а вот заикался довольно продолжительное время. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, при волнении, все еще слегка заикаюсь. След того давнего испуга.

МОНОЛОГ ПОПУТЧИЦЫ

Иногда в общественном транспорте люди разговаривают между собой, словно бы они здесь находятся одни. И это несмотря на то, что трамвай переполнен. На днях выслушал интересную историю. Одна женщина рассказывает ее другой. Не у таких ли людей берут сюжеты сатирики? И подумал я: не попытаться ли передать монолог этой попутчицы?

— Мой муж умеет работать. К сожалению, все портит увлечение пьянкой. Из-за этого часто менял место работы. Почти на всех шахтах поработал. На «Зенковской», боюсь сглазить, давно уже работает. Но и здесь не все было хорошо.

Первые полгода прошли нормально, я про себя радовалась: наконец-то мой мужик поумнел, перестал пить.

Потом стал с работы возвращаться что-то раньше времени. Утром, как обычно, собирает «тормозок», берет полотенце с мылом и отправляется на шахту. А через пару часов уже возвращается. Волосы мокрые, как после мойки. Спрашиваю:

— Чего так рано вернулся?

Отвечает:

— Так я всю работу, что по наряду дали, выполнил. Вот меня и отпустили пораньше.

На другой день то же самое. Чую, что-то здесь не так. Звоню в отдел кадров своей знакомой:

— Как там мой Василий работает?

— Так его же вроде бы по 33-й статье с шахты собираются уволить.

Только он домой заявился с мокрыми волосами, я к нему:

— И до каких же пор ты, словно напроказивший школьник, намереваешься делать вид, что работаешь? Да ты хотя бы осознаешь, что если тебя уволят за прогулы, то уже ни на одну шахту не возьмут?

Насупился Вася:

— Что теперь поделаешь... Просить же не пойду. Если хочешь, то сама иди к начальству.

Я вспылила, сказала ему все, что о нем думаю. Однако рано утром беру его за руку и, как он ни упирался, веду на шахту.

Удачно так сложилось, что в кабинете вместе с директором только главный инженер был. Я к ним. Вид такой простодушный сделала:

— Так, мол, и так, моего мужа вы уволили по 33-й статье...

Глянул на меня директор, тогда был Гаранин, сейчас-то он стал главой города, и спрашивает:

— А что вы предлагаете, по головке погладить? Значит, заслужил.

— Теперь его с этой характеристикой нигде на шахту не возьмут. А мне детей кормить надо.

Вижу, доходят мои слова до директора.

— А вы бы какое ему наказание предложили?

Недолго думая, я выпалила:

— Заставьте его в шахте все полы перемыть!

Переглянулись директор с главным инженером и давай смеяться:

— Да какие же в шахте полы могут быть? Там нет пола, одни тротуары.

— Ну, так пусть тротуары моет!

— Вы и представить себе не можете, поясняет директор мне, — сколько километров тротуаров в шахте проложено. Одному человеку помыть их не под силу. А что, детей-то сколько у вас?

— Да трое же, — отвечаю.

Уважительно так посмотрели на меня.

— Трое детей! К сожалению, в наши времена не многие семьи отваживаются на такое количество детей. Согласен, нелегко растить, воспитывать детей. Если сам папаша нуждается в воспитании. Хотелось бы побеседовать с вашим муженьком.

— Так он здесь ожидает, рядом.

Выскочила в приемную, схватила Васю за рукав и снова в кабинет. Директор глянул на мужа, потом на меня. Словно не веря своим глазам, спросил:

— Это ваш муж?

А Вася мой совсем от конфуза сник: он и так-то на полголовы ниже меня, а здесь, когда я на каблучках, а он еще голову опустил, то совсем, наверное, невзрачным смотрится.

Попросили меня выйти. Хорошо, видать, побеседовали. Через некоторое время вышел муж взъерошенный, красный. Но сколько ни пыталась, о чем шел разговор, так и не сказал. Только и узнала, что дал ему директор еще одну возможность исправиться.

И что вы думаете, как бы не сглазить, словно подменили мужа. И, кстати, не дает мне мыть пол в квартире. Говорит:

— Это теперь моя обязанность.

... По всему было видно, что женщины засобирались на выход. И я, невольный слушатель, извинившись, сказал:

— Вы отличный рассказчик. Не возражаете, если вашу историю опубликую в газете?

Засмеявшись, ответила, уже выходя из вагона:

— Пишите, если не лень. Только гонорар пополам!

— Согласен. Но как я вас найду?

— А вы не волнуйтесь, если будет напечатано, то я сама вас найду.

НЕУГОМОННЫЙ ГАВРИЛЫЧ

Непривычно тихо на подземном участке. Шахтеры только что ушли на «пассажир», с которым приедет следующая смена. Однако на верхнем промштреке задержались два слесаря.

Старший неторопливо орудует гаечными ключами, затягивая фланцы водяного става. Капля пота показалась из-под каски и скатилась по покрытой угольной пылью щеке. Младший, наблюдая за ним, нетерпеливо переминается с ноги на ногу, с самоспасателем на плече.

— Гаврилыч, бросай, пошли на-гора. Наряд мы свой выполнили, а ты еще взялся с трубами возиться...

Михаил Гаврилович, убедившись, что течь ликвидирована, удовлетворенно потирает руки и поворачивается к напарнику:

— Что задержались, переживаешь? Но ты подумай о том, что люди теперь здесь будут проходить спокойно, не шарахаясь от струи воды. И не будут вспоминать нас с тобой недобрым словом....

— Подумаешь, — отмахнулся Сергей. — Никто и не заметит. Теперь вот снова пехом придется к стволу идти.

Он первым шагает к ходку, движением плеча перебросив самоспасатель за спину.

Шаги гулко раздаются по штреку. Луч головного светильника ярким «зайчиком» шустро бегает под ногами, освещая тротуар. Равномерная ходьба успокаивает Сергея, и он уже не сердится на своего старшего товарища, мысленно рассуждая: «А все же хорошо, что есть такие неугомонные «старрики». Даже завидно, до чего жаден до работы, не зря его называют «профессором» слесарного дела. Повезло, что в паре с ним работаю...».

Незаметно дошли до вентиляционных дверей. Неожиданно струя воздуха потянула вдвое сильнее, резко надавив на барабанные перепонки.

Гаврилыч, упершись в ходовую калитку, напряжинил тело, и дверь, казалось, без сопротивления открылась. Воздух, словно обрадовавшись свободе, ринулся в проем двери и по пути, озорничая, сдернул каску с головы Сергея. Тот, неожиданно для самого себя, ловко крутанулся и на лету схватил ее. Чертыхаясь и придерживая каску обеими руками, он ринулся в проем двери, преодолевая струю воздуха, словно совершая прыжок с парашютом.

Гаврилыч отпускает двери, и они звонко хлопают. Воздух, навалившись на вентиляционные двери со всей силой, поет разными голосами, требуя свободы.

— Похоже, вторые двери оставлены незакрытыми, — предположили слесари.

Так и есть, у вторых дверей двигатель, работающий на открывание, натужно гудит, натянув канат до предела. Какой-то разгильдяй под кнопки пускателя подсунил щепку и тем самым вывел автоматику из строя.

Михаил Гаврилович подбежал к пускателю и поставил рубильник выключателя в нейтральное положение.

Сергей, разглядывая барабан лебедки, произносит:

— Врезался канат, так просто не размотать... Оставим все как есть, а завтра слесари с транспорта разберутся что почем.

— Как у тебя все просто. Да за это время найдутся еще ухаи, которые окончательно порвут канат, и машинисты электровоза будут вынуждены подпереть двери в раскрытом положении. Следовательно, нарушится проветривание всей шахты.

Всего-то и потребовалась четверть часа, чтобы освободить канат. И Сергей чувствует в душе удовлетворение от устраненной неисправности. Он нажимает по очереди на кнопки пускателя, и двери послушно открываются и закрываются.

...Гаврилыч с Сергеем продолжают свой путь на-гора. Через сотню метров выходят на главный квершлаг, освещаемый дневным светом люминесцентных ламп. До клетьевого ствола уже рукой подать.

КАК В ДОМ К СТАРИКАМ ДЫРКУ СДЕЛАЛИ

На каждом предприятии были свои знаменитости: люди, которых до сей поры помнят за их трудолюбие, какую-то особую притягательность. Одним из таких был на «Центральной» Василий Иванович Кош-

кин, забойщик и проходчик, почетный шахтер. Ростом небольшой, но силен, физически хорошо сложен, смекалистый. В любой ситуации сохранял спокойствие.

Поручалась ему самая ответственная работа в шахте. В годы войны зачастую из шахты по две — три смены не выходил. Печь для нарезки лавы в одиночку за сутки проходил. Одним словом, в числе самых первых стахановцев города был. И заслуженно получал премии и грамоты на всех торжественных собраниях, приуроченных к праздникам или годовщинам вождей.

Однажды подшутили над ним. При выходе из шахты сообщили:

— Василий Иванович! Тебе велено зайти во Дворец Артема. Видишь ли, тебя премировали охотничьим ружьем! Надо тебе его забрать.

Василий Иванович, не ожидая подвоха, пришел в клуб и стал там добиваться своей премии. Когда понял, что подшутили, спокойно сказал:

— Глупая шутка!

Но тем не менее товарищи иногда интересовались:

— А что, Василий Иванович, ружье-то не заржавело? Стреляет?

Однажды в районе Черногорского поселка работал участок. «Били» печку. На языке шахтеров в данном случае слово «бить» означает «проходить». Почему так говорят? Может оттого, что при проходке за каждый метр приходится биться как в сражении?

Но, скорее всего, это отголоски старины, когда взрывчатки еще не знали, и уголь били обушком или кайлой, в буквальном смысле: «тюкали» по углю острием, удар за ударом. Вот и пристало — «пробить печку».

И вот, значит, поднимает Василий Иванович очередную печь метр за метром. Пора вроде бы и пробиться. Когда отпалили в очередной раз — что такое?! Вместе с углем табуретка прилетела, следом картошка посыпалась! Не иначе, к кому-то в дом попали!

Вышли на-гора, пошли на поселок. В том доме дед со старухой живут. Сидят и горюют:

— Что ж вы натворили — в дом к деду дырку сделали!

— Сижу, рассказывает дед, — что-то под полом скребет и скребет. Не иначе, думаю, мыши? А потом как ахнет! И ничего не видать — дым с пылью всю хату заполонил.

Насилу сумели дед с бабкой найти дверь и выскочить на улицу.

— Ладно еще, что печь в угол дома попала, а если бы посередке... Улетели бы в вашу шахту, будь она неладна!

Начальник шахты Иван Ефимович Стахеев лично извинился за причиненное беспокойство. Выделили старикам лес, помогли построить новый домик, получше старого.

Конфликт был улажен, а на месте прежнего дома был налажен лесоспуск в забой подземного участка.

ПАРА САПОГ

Перед каждой очередной сменой дается наряд на выполнение определенного вида работ, но основное, пожалуй, чем озабочен горный мастер, это нагрузить определенное количество угля. В зависимости от состояния очистных забоев. Пять или сто двадцать тонн, не имеет значения, основная задача рабочей смены участка — это выполнить наряд по добыче угля. Как любит повторять мой начальник участка:

— Уголь, не загруженный в вагонетки, еще не является углем!

Уголек сам собой не дается в руки, надо усердно попотеть. К тому же у горного мастера есть один коварный фактор, с которым постоянно конфликтует, это время. Оно на смене так стремительно уходит, что едва успеваешь выполнить наряд.

Моему коллеге, горному мастеру Виктору Павловичу Ханину, к удивлению и зависти многих, всегда хватало времени на то, чтобы успешно справиться с заданием. И директор шахты К. Ф. Санкин постоянно ставил его нам в пример:

— Вы же мастера! Не люкогрузчики, как некоторые себя именуют, стремясь уйти от ответственности за состояние дел в доверенной смене, а именно — мастера! Вдумайтесь в смысл вашего звания — Мастер! Так и работайте как мастера, не столько руками и ногами, сколько, в первую очередь, головой!

И я спросил Виктора Павловича:

— Поделись своим опытом работы головой!

Он охотно поведал мне о нескольких самых неожиданных ситуациях, возникающих в процессе работы, и о том, какой выход находил, чтобы справиться с ними. Одна такая ситуация показалась мне интересной. Вот его рассказ.

«Работал наш участок на дальнем пласту. Под землей добираться больше часа на пассажирском поезде. Мы предпочитали спускаться по шурфу, куда приезжали на шахтовой «вахтовке». Есть своя прелесть

в том, что, выскочив после окончания смены на-гора, в ожидании машины, успеешь выкурить пару сигарет.

В тот раз спустился в шахту с путевкой в кармане, в которой значилось, что предстоит загрузить 45 вагонов, то есть 135 тонн угля. Для нашего щитового перекрытия добыть этот уголь — не проблема. Было бы время, потому что уголь под ногами не лежит. Его еще надо добыть забойщикам. Чем быстрее они это сделают, тем быстрее подсобные рабочие выгрузят этот уголь из забоя.

Сделали забойщики первую отпалку, и откатчики Саша с Петром загрузили два состава вагонеток. Остается загрузить еще один состав — 15 вагонеток, и наряд мой будет выполнен. Но забойщики все что-то копаются, пробирают канаву под щитом, долго бурят.

Звоню на основной:

— Как, Петро, боевая готовность?

— Порожняк под люком, Петрович, так что не волнуйся! Загрузим моментом, только где уголь? Давай уголек!

С дежурным электрослесарем Сашей Овечкиным на конвейере, как на иголках, сидим:

— Ну, когда же отпалят в конце-то концов! Если не успеем за сорок минут загрузить, опоздаем на машину. А идти по тридцатиградусному морозу что-то не тянет.

Наконец взрывная волна прокатилась по выработкам, плотно надавив на барабанные перепонки. Уголь хлынул из печей на привод. Саша немедленно включает привод. Но можете представить нашу досаду: двигатель работает, а скребки на конвейерном ставе неподвижны. Что за черт?

Слесарь у меня опытный, сразу констатирует:

— Турбомуфта работает вхолостую. Не иначе как эмульсии нет.

Открутили пробку на заливном отверстии турбомуфты, из нее пар валит — точно, предохранительная пломба расплавилась и вся жидкость вылилась наружу. А без наполнителя, как известно, турбомуфта работает вхолостую.

— Что делать, мастер? Если за эмульсией на основной штрек идти, то и за час не управимся! Давай наберем воды из противопожарного крана.

Открыли вентиль, а из труб ни капли — где-то на обрезном перекрыт став.

И тут Саша вспомнил:

— Есть здесь вода... в соседней выработке, которую недавно про-

шли, там целое озеро стоит. Но в чем принести, у нас же никакой посуды под руками. А в каске много ли принесешь! Нам надо хотя бы с ведро водички...

— Сейчас будет! — говорю, и побежал в тупик. Точно, стоит в углублении водичка, вот она! Скинул я сапоги с ног, портянки за пояс брюк засунул. Зачерпнул воды в оба сапога с верхом и бегом назад.

Залили мы эту водичку в турбомуфту, и турбомуфта заработала, потянула послушно скребки с углем к скату.

Через пятнадцать минут выбило электроэнергию, и остановился привод. Это наш уговор с откатчиком: он загрузил состав и отключил электроэнергию участка.

Натянул я сырые сапоги на ноги, выскочили на поверхность, а машина вот она, готова отправиться в дорогу.. Нас только и поджидали.»

На участке еще долго подшучивали над тем, как добыли воду. Володя Зенцов как-то, придя в забой, подозрительно всматривается в почву:

— Смотрите! Какие-то следы босой ноги... Не иначе, в шахте неандертальцы объявились!

КУВЫРКОМ С ПОВАРНИХИ

Перед спуском в шахту, когда позволяет время, жаркими летними днями так приятно покурить, полежать на теплой земле. И тогда возникают самые разнообразные разговоры. В том числе и истории о жизни горняцкой, о любопытных происшествиях. В моей памяти закрепилась одна история об умельце Игошине.

Давно нет на свете Михаила Петровича Игошина, который работал на первых шахтах Прокопьевского рудника. Мне не довелось с ним встречаться. Но что будоражит любопытство к этой личности, так это его пристрастие к конструкторской деятельности.

Прибыл Михаил Игошин, как рассказывают, в Прокопьевск в начале тридцатых. В деревне тяжело было жить, а тут, кстати, вдруг вербовщик оказался. И сладко очень про городскую жизнь рассказывал, про большие и легкие заработки на угольных копях.

Подался Михаил с семьей и малолетними детишками в Прокопьевск. Поселились Игошины на склоне Поварнихинской сопки, на которой из землянок и закопушек образовался целый Поварнихинский поселок.

Даже небольшой огород имелся, однако огородом Михаил неохотно занимался. Отчасти из-за тяжелого восьмичасового труда в шахте, а отчасти оттого, что голова была занята думками: а как бы что-то интересное сделать. Такое, чтобы и полезное было в хозяйстве, и чтобы людей удивить можно было.

Вот так и появилось в огороде Игошиных пугало. Да такое, что люди со всего города приходили посмотреть! И было на что.

Постарался Михаил основательно. Вид пугалу придал красноармейца: нарядил его в солдатскую амуницию. Лицо красками разрисовал. На расстоянии посмотришь, ну точно солдат!

Да что еще придумал! При сильном ветре, благодаря нехитрой конструкции, солдат поворачивается, словно флюгер, и поднимает то одну руку, то другую.

Жена, правда, была недовольна:

— Ты что же это, Миша, натворил? Смотри, сколько любопытных толпится постоянно у нашего забора! Как бы не «помогли» собрать урожай!

Урожай устоял, но однажды темной ночью солдата раздели. Украли все обмундирование. И остался солдат голым.

Рассердился Михаил Петрович и разобрал конструкцию от греха подальше.

Конечно, выходец из крестьянской среды, вынужденно ставший шахтером, грамоте совершенно не был обучен. Но, очевидно, глубоко в нем жила творческая жилка, которая не давала покоя.

Добросовестно отработав положенное время под землей, Михаил запирался в обветшалом сарае вместе с малолетним сынишкой Иваном и весь остаток дня чем-то там самоотверженно занимался. На все вопросы соседей сынишка Иван отвечал загадочно:

— Батя запретил говорить о том, что делаем!

Спустя какое-то время двери сарая распахнулись, и оттуда, к изумлению любопытных, выкатился настоящий самолет. Конечно, сейчас бы никто не посмел назвать то создание самолетом. Но в начале сороковых, когда полет «кукурузника» заставлял каждого останавливаться и смотреть в небо, позабыв о времени, это было приемлемо.

Жажда полета неосознанно живет в каждом. А у некоторых, подобно Михаилу Петровичу, выражается стремлением самому попытаться взлететь.

Крылатое создание на старых велосипедных колесах, созданное из непонятого переплетения проволоки и бамбуковых палочек, скорее напоминало планер.

Мужики долго почесывали головы, сомнительно проверяли на прочность крылья и говорили:

— Ты что это, Михаил, всерьез намерен взлететь? Разобьешься ведь! Али надоело жить?

В ответ на это Михаил Петрович вынес из сарая небольшую модель планера, копию созданного им «самолета».

— У ребят-школьников на время взял. Вы что думаете? Я же строил точно по этой модели, только все детали увеличил в десять раз! Вот посмотрите, привязываю груз, условно — человек, и кидаю.

Он плавным движением придал модели ускорение и бросил над головами присутствующих. Крохотный планер пролетел какое-то расстояние, правда, затем, потеряв скорость, резко повернул к земле и ткнулся носом в грядку.

— Летит! — торжественно заключил Михаил. — Значит, и я полечу! Вот только помогите затащить самолет в гору.

Желающим принять участие в поднятии самолета на гору был каждый. Еще бы! Такое событие, самодельный самолет!

Поварнихинская сопка знаменита сама по себе. Возвышаясь над городом выше остальных сопок, высотой более трехсот метров, она все годы советской власти являлась объектом для расположения всевозможной рекламы восхваления советского образа жизни. Здесь в годы стахановского движения, летом 1936-го, комсомольцы-ударники совместно с Иваном Акимовичем Борисовым выложили камнями, которые затем побелили, слова, видные далеко окрест: «Превратим Кузбасс во второй Донбасс!» (Снимки горы с этим лозунгом помещались во многих журналах и газетах).

Вот на эту-то знаменитую возвышенность и затащили самолет Игощина. Мужики еще раз попытались отговорить смельчака:

— Может, одумаешься?

Михаил тем временем завязал на груди переплетение крепких веревок и ответил:

— Если все будем бояться, то кто же воплотит в жизнь наши мечты? Так что не обессудьте, если что со мной случится... А я верю, что полечу!

Однако полет не состоялся... Едва Михаил ступил к краю горы, поток воздуха подхватил планер и швырнул его вместе с незадачливым пилотом на склон. И покатился кубарем планер под гору увлекая с со-

бой конструктора. Через пару метров Михаилу каким-то чудом удалось отвязаться. А остатки планера докатились до самого подножья горы.

Михаила подняли на ноги, заботливо ошупали: если не считать синяков и ушибов, то повезло.

— Теперь буду строить с мотором, — решил Игошин некоторое время спустя. — Надо только достать специальный мотор — для самолета.

И он написал в Москву конструктору Н. Н. Поликарпову письмо с просьбой выслать двигатель.

Вскоре пришел ответ. Письмо начиналось словами: «Миша, в каком классе ты учишься?» И далее шел совет записаться в кружок планирования...

СПОР НА ГАЗИРОВКУ

Мой сосед, Геннадий Егорович Острогло, шахтер с большим подземным стажем. Проработал на шахте № 5-6 тридцать лет, да не кем-нибудь, а забойщиком. И в лаве ему довелось поработать, и под шитым перекрытием.

Удивительный человек. Не представляет себе, как это можно сидеть без дела, играть, допустим, в сквере в домино? Трудолюбия и смелки ему не занимать — от рождения, видно, даны.

— Никогда не поверю, — убежденно говорит он, — что человек не может найти работу, пусть даже в наше непонятное время!

Действительно, для него с этим проблем нет. Он постоянно чем-то занят. И в шахте работает с шуткой, с прибауткой. Довелось и мне с ним в одной смене поработать.

Однажды на угольном пласту Горелом готовили мы добычное поле. Предстояло пройти очередную печь по скважине. Нехитрое, в общем-то, дело: набурил сверлом вокруг скважины несколько шпуров, заложил в них взрывчатку, и взрывник производит отпалку. Остается затем разобрать кое-где лишний уголь да закрепить срубом. И двигай дальше по уходу.

Да вот незадача: на этот раз пласт попался нам очень пологий. Стало после отпалки захлестывать скважину углем.

А без воздуха, понятное дело, получается тупиковая выработка. Кислород вытесняется угарным газом. Дышать практически нечем.

Чем выше поднимается печь, тем сложнее прочистить скважину, чтобы воздух через нее тянуло нормально. Почему сложнее? Да потому,

что чем выше поднимается забой печи, тем больше времени требуется туда взобраться.

Я как горный мастер вместе с проходчиками суечусь. По очереди, набрав побольше воздуха в легкие, карабкаемся вверх по печи, к забою. Но воздуха в легких едва хватает только на то, чтобы вскарабкаться, а на то, чтобы ковырнуть уголь раз-другой кайлом, чтобы прочистить скважину, не хватает!

В висках стучит, легкие того и гляди лопнут. Так что приходится кубарем скатываться вниз, на свежую струю воздуха.

Попробовали в скважину воду лить с вышерасположенного штрека, на который пробиваемся. Эффекта мало – возможно, что через сутки и промоет. Но ждать-то некогда. На всем участке стоят дела из-за этой скважины.

Один из проходчиков и говорит:

– Надо Острогло позвать! Без него здесь не обойтись!

– Что он может сделать? – сомневаюсь я. – Однако позвать можно, рядом, в разрезке лавы работает...

Пришел Геннадий Егорович, заглянул в печь, пожевал свои усы и заявляет:

– Ну что, горе-проходчики, и вкуче с ними горный мастер! Из-за такого пустяка отвлекаете профессионала-забойщика от выполнения производственного задания!

– Посмотрите на него, какой знатный шахтер нашелся! – заворчали возмущенные проходчики. – Ты сначала попробуй разбутить скважину, а потом мы и скажем, какой ты профессионал!

– Суший пустяк! Разбучу в два счета!

– В два счета? По рукам! Спорим, что за пару часов не разбутишь?

– На ящик газировки!

Здесь надо напомнить, что во времена «застоя» некоторые горняки с собой вместе с «тормозком» брали флягу с кофе, чаем или просто бутылку лимонада. Кстати, до сей поры не прочь поесть хлебушек, запивая газированной водой.

Ударили по рукам. Геннадий Егорович куда-то побежал по приводу на выход:

– Сейчас вернусь!

Вскоре бежит назад, в руках водопроводный шланг, метров двадцать. Вручает шланг мне:

– Держи, Иванович, я тебе доверяю! Будешь ответственный за воздух, которым буду дышать!

Берет он один конец шланга в рот! Немного потренировался: вдох через шланг, выдох через нос, торжествует:

— Работает мое «изобретение»! Словно изолирующий самоспасатель!

И полез неторопливо в печь, а я снизу разматываю шланг. Наблюдаем за ним, направив вслед ему яркие лучи своих головных светильников.

Вот он добрался до груди забоя, стал работать кайлом. Через какой-то десяток минут потянул воздух в печь, значит, очистил устье скважины!

Вскорости весь газ из печи протянуло, Егорович скинул нам шланг, а сам по-хозяйски продолжал орудовать кайлом, приводя забой в полный порядок.

Спустился:

— Ну и что, орлы? Учитесь и перенимайте мой драгоценный опыт, покуда жив! А если будут еще какие вопросы, обращайтесь без стеснения — так и быть, выручу!

И отправился на свое рабочее место.

Проходчики, сраженные его находчивостью, качали в удивлении головами:

— Это же надо! Словно водолаз! Пожалуй, если бы не скудость нашей угольной отрасли, следовало бы сконструировать такие скафандры — незаменимая вещь в подобных случаях!

Кто-то из ребят напомнил:

— А ведь мы ему проспорили! Придется теперь Егорыча целый месяц поить газировкой!

ДЕЛО — ТРУБА!

*Со слов Леонида Петровича Елисеева, ветерана труда,
бывшего начальника очистного участка шахты «Ноградская»*

Встречаюсь как-то с давним знакомым Алексеем Павловичем Полозком, горнотехническим инспектором. О том, о сем потолковали, и он говорит:

— Понимаешь, Леонид, — говорит он мне, — прочитал я недавно о том, что один забойщик с шахты Ворошилова, фамилия у него еще такая интересная... да! Острогло! Так он с помощью шланга разбучивал

захлестнувшуюся скважину при прохождении печи. Теоретически, вроде бы, все верно. Однако берет сомнение, никогда о таком способе разбучивания не слышал.

Отвечаю ему:

— Рабочая смекалка неистошима! Как в той пословице: «Голь на выдумку хитра!» Лично у меня имеется еще один способ, как не допустить забучивания скважины при отпалке, рассказать?

Так вот, было это еще в 1954-м, когда после горного техникума пришел работать на шахту имени Молотова («Ноградская»). Поставили горным мастером. Наш участок отрабатывал угольный пласт на двух горизонтах: верхнем и нижнем. Забоев много. За смену так набегаешься, что с ног валишься.

Много приходилось «бить», то есть, проходить печей. Пласт был тоже очень пологий. И каждый раз при отпалке захлестывало скважину углем. Мало того что нарушалось проветривание, так еще могли наказать за загазование.

Мои проходчики, помню, Павел Киселев и Саша Молотов, размышляют:

— Что бы такое придумать, чтобы скважина при отпалке не бутилась?

Жил я тогда на поселке Ясная Поляна, на шахту ходил напрямую, по узкоколейке. Спешу однажды на работу, смотрю, лежит в железнодорожной колее труба примерно полуметровой длины. Толстенная такая, по краям отверстия. Очевидно, кожух от домкрата. Вот, думаю, что нам нужно. Поднял эту трубу на плечо — ох и тяжелая дура!

Пронес, сколько сил хватило, и закопал в снегу.

Получили наряд на работу, переоделись в спецовку. Говорю ребятам:

— Нашел я трубу, которую следует испробовать в работе...

— Не волнуйся, мастер, — отвечают проходчики. — Мы поняли, где она лежит. Захватим с собой в шахту.

И вот подвесили мы эту трубу на канате в скважине, сантиметрах в восьмидесяти от забоя.

Поверишь ли, после отпалки уголь со всех сторон сжал трубу, а внутри ее свободно! И в результате проветривание не нарушено!

Отработав смену, эту трубу, словно сокровище, спрятали в канаве.

Через пару дней стал Александр Ильич Сыромолотов, начальник Участка, допытываться у меня:

— Леонид! В чем дело? Твоя смена четко даёт восемь метров ухода по печи, а остальные смены топчутся на месте!

— Да ничего особенного, — отвечаю. — Все дело в трубе!..

— Не морочь мне голову! — махнул рукой начальник, приняв мои слова за шутку. Но в ту же ночь пришел к нам на смену. Как раз после очередной отпалки. Залез он в забой печи, а там труба торчит. Замерил он четвертями длину трубы и ее диаметр, спустился на промштрек. Уходя с пласта, кинул мне:

— Каков! Все дело в трубе... Ну-ну!

Утром же, когда после смены зашли в кабинет, то увидели на полу две пары подобных труб, в мехцехе уже изготовили. Стенки, правда, потоньше. Но все равно помогали при проходке печей безотказно.

— Ну и что, Алексей Павлович, про такой способ проходки слышал? Согласился А. П. Полозок со мной:

— Поистине, шахтерская смекалка не знает предела! Но теперь любопытно, был ли ваш опыт доведен до других шахт! Очень интересное и полезное предложение, так я думаю!

РОЗОВАЯ ПУТЕВКА

*Вспоминает Федор Антипович Тищенко,
бывший машинист подземного электровоза*

Больше трех десятков лет отработал под землей, а вот, поди ж ты, до сей поры самому удивительно: это же надо, на что способны люди! За многие годы прорыли под землей бесконечные ходы-лабиринты. И люди на поверхности даже не догадываются, что у них под ногами не только ходят, но даже и разъезжают на электровозах.

Моя профессия как раз и есть такая, я машинист подземного электровоза. Пожалуй, мы, машинисты подземных электровозов, всегда отличались особой сплоченностью. И я надеюсь еще рассказать о своей работе и товарищах как-нибудь на досуге.

Так вот, спускаемся мы в шахту в очередную смену. Заходим, естественно, в подземное депо. Здесь, осмотрев машину и убедившись в надежности тормозной системы (под землей, между прочим, тормоза не менее важны, чем на поверхности), расписываемся в получении электровоза.

В тот раз дежурным слесарем в депо оказался молодой парнишка, наверное, первую неделю отработал самостоятельно.

Нас, машинистов подземного транспорта, в смену выходит человек шесть. Друг за другом подаем наряд-путевки. Слесарь записывает нас в журнал. Подходит мой черед. Берет он мою путевку и с удивлением вертит в руках:

— У всех путевки на белой бумаге отпечатаны, а эта какая-то розовая!

Надо же, цвет путевки его озадачил! Подморгнул я товарищам и говорю с невинным видом:

— Так я же не с вашей шахты, а с шахты «Коксовая». Видишь ли, у нас на «Коксовой» мне не хватило электровоза. Так меня послали к вам, на 3-3-бис. Здесь недалеко есть сбойка, такая дыра между нашей и вашей выработками. Вот я через эту сбойку и пришел...

Смотрю, парень трубку телефона снимает и звонит механику подземного транспорта Олегу Степановичу Вечер:

— Олег Степанович! Здесь машинист за электровозом пришел... Говорит, что с «Коксовой». Можно выдать?

ПРОТИВ ЛОМА НЕТ ПРИЕМА

Чтобы скоротать время ожидания трамвая, решил собрать желудей для внучат. В аллее, что напротив гостиницы «Центральная», когда-то были совсем молодые дубки, которые за пару десятков лет превратились в солидные дубы. И каждой осенью с них осыпается множество желудей.

Увлечся, и тут кто-то трогает меня за плечо. Оглядываюсь, а это мой давний знакомый Заки Мингалеевич Шакиро. Когда-то жили по соседству, а потом на одной шахте довелось работать.

Это потом уже он был направлен с шахты служить в органы МВД. И вот недавно вышел в отставку в чине майора, отличник всех степеней.

Тем не менее, хотя и ветеран милицейской службы, на нашей шахте его по-прежнему считают и ветераном шахтерского труда. Тем более что семья Шакиро — это целая шахтерская династия, начало которой положил его отец Мингалей Шакиро, известный ударник-стахановец начала сороковых.

Коротко перебросились о житье-бытье, разговор зашел о шахте, которую так неожиданно закрыли. И здесь же, в аллее, поделился Заки Мингалеевич своими воспоминаниями о работе на шахте.

В 1956-м довелось мне работать на горизонте +215 метров, еще контактные электровозы в шахте бегали. Я в бригаде крепильщиков работал, мы перекрепляли основной квершлаг. Заменяли деревянную крепь металлической. Горное давление было очень сильное, дерево такой нагрузки не выдерживало. А металлическую крепь мы сами из обычных рельсов готовили на поверхности.

В тот день мы в шахте быстро управились, израсходовали весь запас металлокрепей. Загрузили хлам в вагонетку, прицепили к электровозу и помчали к стволу. Чтобы на-гора для очередной смены заготовить новые огнивы и стойки.

Подъезжаем к закруглению квершлага у клетьевого ствола, а навстречу несколько рабочих с большими сумками через плечо. В этих сумках осланцовочная пыль. Производят осланцовочные работы. Сейчас-то трудные времена настали, и, наверное, даже простая инертная пыль тоже стоит больших денег. Но в мое время этой пыли на шахте было полно, и даже требовали, чтобы расходовали как можно больше. Чтобы предотвратить возможность взрыва угольной пыли.

И вздумал десятник транспорта, руководивший осланцовочными работами, пошутить с нами. Стал бросать пригоршнями эту самую пыль нам навстречу. А воздушная вентиляционная струя в шахте, сами знаете, не слабая, пронизывает насквозь. В ограниченном пространстве квершлага от струи воздуха не увернуться, не спрятаться. Подхватывает струя воздуха инертную пыль, кружит ее вихрем и нам в лицо швыряет. Ладно бы еще глаза запорошило, но ведь вдобавок и дышать же невозможно!

Закричали, ругаемся на чем свет стоит, чтобы прекратил безобразничать. Но у него, как говорится, видать, в мозгах заклинило. Смешно ему стало отчего-то, как мы в одно мгновение ока превратились в белых мельников. Еще пуше кидает пыль.

Рассердился я, молодой был, горячий, выдержки совершенно не было. Схватил ломик и чуть было не запустил им в десятника. Хорошо, что у моего напарника Васи Жулдыбина реакция сработала мгновенно. Выхватил он у меня ломик, да еще крепкого подзатыльника дал. Действительно, через пару минут, когда остыли, все вместе посмеялись над дурацкой шуткой и над нашей реакцией.

Василий так с этим ломиком и выехал на-гора. С помощью этого ломака мы винт прессы крутили. Пресс у нас был специальный для ломки рельсов. Сначала надрубаем кузнечным зубилом головку рельса, а затем на рельсе, в месте надрубки, устанавливаем пресс, с помощью которого и ломаем этот рельс.

Вокруг Церковной сопки, что рядом с шахтой, было проложено железнодорожное полотно, по которому маневровый паровоз доставлял на шахту лесоматериалы. А сразу за мехцехом была тупиковая ветка.

Вот в этом тупичке мы и пристроились ломать рельсы. Как всегда, предупредили стрелочницу, что будем здесь работать

Стали мы с напарником рельсы надрубать, а Вася Жулдыбин, как самый могучий из нас и по телосложению, и по силе, стал прессом орудовать, ломать эти самые рельсы, словно сосульки, на нужные куски.

Вдруг из-за поворота сопки показался поезд! Шпарит прямиком на нас. Для нас, естественно, совершенно неожиданно. Словно бы нарисовался, только что все было так тихо и спокойно, и вдруг надвигается железная машина.

Крикнули Васе, он спиной к поезду находился. Обернулся он неохотно, дескать, что от дела отвлекаете? И оторопел. И что бы вы думали? Схватил он этот самый ломик и бросился навстречу паровозу:

— Куда прешь? Не видишь, я здесь работаю!

И запустил ломиком в паровоз. Лязгнуло железо... и паровоз остановился! Машинист бледный спустился на землю. Оказывается, стрелочница так усердно наводила чистоту на путях, что совершенно позабыла о том, что скоро паровоз должен пойти назад. Перевела стрелку в направлении тупичка, в нашем направлении! Чтобы тщательно все промести метлой. Спихватилась только тогда, когда паровоз подоспел. Ей только и оставалось, что причитать:

— Ой-ой-ой! Куда?

Машинист, конечно же, сразу понял, что стрелка не туда переведена, дал торможение. Но ветка-то совсем короткая и затормозить совсем не просто. Но все же паровоз остановился, в самый раз над прессом. Пронесло, слава Богу!

А на будущее я вынес, что в любой ситуации надо сохранять не только хладнокровие, но и быть предусмотрительным.

ГОЛОС ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Рассказывает Марат Михайлович Зинатуллин

Готовила как-то наша бригада поле под погашение по пласту Пятитетка. Проходили печи с промштрека на вентиляционный штрек. Снизу вверх в угольном массиве бурится специальной машиной сква-

жина полметра в диаметре. Работа, в принципе, несложная: буришь вокруг этой скважины несколько шпуров, заряжаешь взрывчаткой и взрываешь.

За одну отпалку подвигаешься на метр, больше — меньше, в зависимости от крепости угля. Получается такой «колодец», на шахтерском языке именуется «печь», сечением полтора метра на полтора.

Каждый раз после отпалки положено закрепить, пока уголь со всех сторон не стал отслаиваться. За смену два-три раза палили, все это пространство крепили специально заделанным срубом, «поднимая» печь на несколько метров. Вот сказал «поднимая» и подумал, что для непосвященного непонятно, как это можно поднять печь (колодец)! Так что язык шахтерский имеет свои выражения, которые непосвященному не всегда понятны. В данном случае выражение «поднять печь» означает, что шахтеры своим трудом продвинулись вверх на какое-то расстояние.

На участок приезжали обычно по верхнему горизонту. Один оставался «на борту», второй спускался по скату на промштрек, затем с этого промштрека поднимался в забой печи.

Когда печь пройдена почти вертикально вверх на полтора — два десятка метров, то подниматься по ней, сами понимаете, становится не то что лень, а время терять жалко: надо спуститься по скату, пройти по штреку, затем вскарабкаться по печи, минимум полчаса теряется. Мы делали проще: спускались непосредственно по скважине, придерживаясь за веревку, которой крепежный лес спускаем. Пара минут — и на рабочем месте!

Однажды в первую смену вместе с напарником Сергеем Пшеницыным пришли в шахту. Не теряя времени, я спустился по скважине в забой печи. Работа спорилась, смена пролетела быстро. Закончив крепить забой печи после последней отпалки, Сергей спрашивает меня:

— Поднимешься вверх?

— Спусти мою куртку и самоспасатель, я низом пойду, — отвечаю.

Привязал Сергей все мои придамбасы к веревке и спустил, крикнув напоследок:

— До встречи в мойке!

Он быстренько собрался и пошел к пассажирскому поезду. А веревку, как и положено, наверх вытащил.

Спускаюсь я по печи вниз, и — что такое? Никак не врублюсь — печь-то под ногами заполнена снизу углем!

Мать честная, оказывается, откатчики не успели у нас отгрузить уголь, и у меня под ногами лежит, по крайней мере, пять-шесть тонн угля. Скажем прямо, нелепая ситуация, хотя в принципе безопасная. Просто-напросто оказался в ловушке: вниз не спуститься, запечатан выход углем, а наверх не подняться, потому что невозможно без веревки по гладким стенам скважины выползти, не за что ногами оттолкнуться, нет опоры.

Стало досадно: придется ждать сменщиков. И то, если им наряд дадут в этот забой. А то, как бывает, срочно понадобится в другой забой послать. И что же, придется ждать до утра?

Поднялся снова до скважины, кричу на всякий случай напарнику. Того, естественно, и след простыл.

Делать нечего, попав в дурацкую ситуацию, остается только ждать. Рассуждаю: долго здесь не просижу, рано или поздно хватятся и выручат. А вот если представить, что помощи не будет, можно ли самостоятельно выбраться? Время есть, а делать больше нечего. Так что решил поэкспериментировать. Разобрал ниже себя несколько срубин, сделал полог под скважиной. Встал на это перекрытие и пробую в скважину протиснуться. Однако все мои попытки не увенчались успехом, уж очень тесно — никак не удается распереться о стенки скважины.

Безуспешность попыток компенсировалась тем, что я так и не успел продрогнуть. И время промелькнуло, часа два не прекращал попыток выбраться самостоятельно.

В шахте далеко слышно — раздаются шаги сменщика Яши Изова. Подходит он к скважине и сразу, не теряя времени, берется за топор, чтобы заготовить сруб, пока его напарник с взрывником принесут взрывчатку.

Я обрадовался, кричу:

— Яша, кинь веревку!

Представьте себя на его месте. Находится человек под землей, совершенно один, вокруг только стены выработки, могильная тишина, и вдруг неизвестно откуда голос «Кинь веревку». Есть от чего «офонареть»!

Я-то об этом как-то не подумал. Кинулся было Яша с перепугу бежать из забоя. Тогда снова кричу:

— Яша, куда ты! Это же я, Марат! Я здесь, в печи сижу!

Только тогда он остановился, осознав ситуацию. Вытащил меня веревкой и признался:

— Мне показалось, что черти кричат.

Позвонил я сразу на участок, говорю начальнику:

– Не теряйте меня, сейчас выйду на-гора.

А тот удивился:

– Как! Ты еще в шахте? А мы тебя и не хватились – горный мастер уже отчитался, что у него все люди вышли из шахты! Придется с ним побеседовать на эту тему!

В РУБАШКЕ РОДИЛСЯ

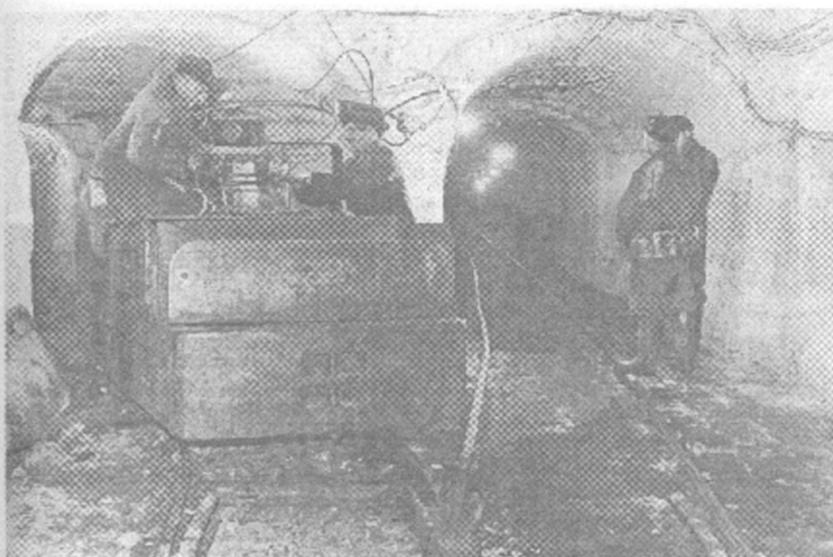
Рассказывает Масленников Николай Алексеевич, не просто забойщик с тридцатилетним стажем работы непосредственно в забое, он был бригадиром щитовиков в течение 20 лет!

Работать довелось под началом семи или восьми начальников участков, это Михаил Григорьевич Парханюк, Артур Константинович Гринимеер, Вячеслав Евгеньевич Тизенгаузен, Август Владимирович Коршунов... Бригада Масленникова, независимо от условий работы, постоянно перевыполняла плановые задания.

На шахту № 3-3-бис пришел в 1957 году, сразу после службы в армии. В течение года работал откатчиком на опрокиде подземного транспорта. Окончив курсы забойщиков, перешел на подземный очистной участок, на котором трудился вплоть до закрытия шахты, до 1989 года. О его работе убедительно говорят награды: полный кавалер знака «Шахтерская слава», ордена Почета, Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, медали Трудовой славы и Трудовой доблести.

В году примерно 1969-м, или около этого, готовился наш участок к высокопроизводительной работе. Замахнулось руководство шахты на мировой рекорд добычи угля из-под КГП (комбинированного гибкого перекрытия). Мне как бригадиру дали возможность подобрать в бригаду толковых людей по всей шахте.

Выемочное поле для высокопроизводительной работы готовили по всем правилам горной науки. Выгрузку угля на погрузочном пункте продумали с таким расчетом, чтобы велась как на конвейере, непрерывно. Для этого прошли сразу два откаточных штрека: по висячему и лежащему бокам, благо, что такую возможность пласт Мощный, который предстояло отработать, давал. Представляете, мощность пласта Мощного, то есть толщина угольного прослойка составляла целых двадцать метров!

На смену конной откатке пришел троллейный электровоз. 1950 год

Электрослесари транспорта В. И. Горбузов и К. И. Забнев,
специалисты -высшей- категории. 1976 год

Под гибким перекрытием

Старшая табельщица ламповой Т. А. Ткач, 1989 год

Начальник участка М. Г. Парханюк, механик участка Д. В. Белаш
и начальник шахты № 3-3-бис И. Е. Стахеев. 1978 год

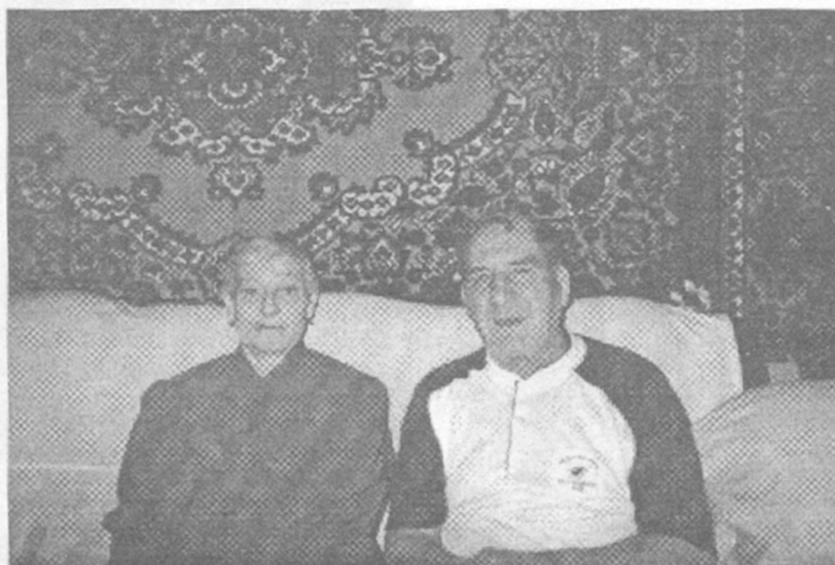
Бригадир забойщиков
Н. А. Лобов. 1965 год

Бригадир забойщиков
Н. А. Масленников. 1988 год

Забойщики А. Х. Гибадуллин, Г. А. Отинев и С. А. Сулейманов
перед спуском в шахту. 1974 год

Александра Ивановна и Владимир Васильевич Степченко. 2002 год

Таким образом, тупика как такового на основном штреке у нас не было, потому что эти откаточные выработки соединялись друг с другом плавным закруглением. Надо признать явное удобство при эксплуатации, когда проложили рельсовые пути, от подземного транспорта требовалось только одно: подавать порожняк без заминки. Таким образом, маневровые работы на участке были сведены к минимуму.

Особенно тщательно был смонтирован погрузочный пункт, который армировали рельсами. Чтобы, несмотря на большую массу угля, которой предстояло пройти через бункер, он мог бы выдержать без ремонта весь эксплуатационный срок.

Выше бункера, в грузовом отделении ската, уложили углеспускные банки. Причем примерно на половину этажа были уложены полубанки. Поясняю: это те же самые углеспускные банки, только разрезанные автогенном вдоль.

Идея уложить банки в таком виде пришла по причине пологого падения в верхней части этажа. Потому что падение пласта в верхней части составляло всего около 40 градусов, критический угол. При таком падении погрузка угля велась благополучно только в случае наличия порожняка. А если уголь накапливался в банках, то уже самостоятельно в этом месте он не уходил. Требуется его подтолкнуть. Так вот, наши инженеры-рационализаторы и выдвинули такую идею, что уголь, в случае остановки, легче будет пропускать, поскольку он снаружи. Не надо будет ползать по банкам и простукивать наугад кувалдой.

Подготовка участка шла полным ходом. Конечно же, основной уголь ожидался с пуском в эксплуатацию гибкого перекрытия. Однако и монтажная лава, работавшая на полную мощность, угля давала порядочно. Так что наш участок и во время подготовки больше всех на шахте давал угля.

В один из рабочих дней на нашем участке случилась неприятность. На вентиляционном штреке прорвало водопроводный став. Да так, что вода по монтажной лаве рекой текла. На нашей работе это не слишком отразилось, работали в обычном режиме. Однако отбитый уголь перемешался с водой, сплошная каша получилась.

Почти весь уголь-то перекачали по приводу в скат, но, как на грех, транспорт подвел с порожняком. А раз нет вагонов, то уголь находился в банках. Да еще часть угля осталась внизу лавы.

Закрепил я с напарником сверху лавы, а внизу крепить уголь не дает. А закрепить всю ленту желательнее, чтобы новая смена сразу же могла бы приступить к бурению.

Спустился на промштрек — привод не работает. Прошу проходчика Кудланова:

— Виктор, спустись вниз, посмотри, в чем дело? Почему уголь не отгружают. Если что, помоги люкогрузчику.

Сам я поднялся в лаву, кое-как лопатами расчистили почву лавы, крепим. А у самого на душе беспокойно — что-то долго на промштреке тихо. Не выдержал, побежал вниз, чтобы самому все разузнать.

Спустившись на нижний промштрек, вижу, что и здесь скребковый конвейер не работает, а на головной конвейера сидит китаец Миша (тогда у нас на практике работали два студента-практиканта из горного техникума, молодые ребята-китайцы). Спрашиваю Мишу:

— Почему уголь не качаешь?

Он рукам разводит:

— Мне сказать: — Не качать! Я — не качать!

Бегу дальше, по ходку вниз. Попутно заглядываю в сбойки. Верхние закупорены углем. А вот предпоследняя снизу сбойка, смотрю, чистая. Я по ней, свечу своим светильником вверх, вижу, Виктор над полубанками находится. Ногами в края банок уперся, и уголь руками перепускает. Перепустит под собой, и дальше вверх передвигается. И снова ковыряет уголь. Кричу ему:

— Виктор, а ты подумал о том, что будет, если уголь вдруг пойдет всей массой? Ведь тебя же собьет!

А он отвечает:

— Да я все понимаю! Но что мне делать? Я уже не могу спуститься!

И действительно, стены ската отполированы углем до блеска, уцепиться практически не за что. И единственное, что оставалось ему делать в данной ситуации, так это карабкаться вверх... Как в том анекдоте про человека на бегущем тигре: самое опасное, это соскочить с него.

Как только мы перемолвились, случилось то, что и должно было неминуемо произойти: безобидный до сей минуты уголь сорвался и сплошной лавиной рванулся вниз. И передо мной яркой молнией промелькнул луч светильника Виктора.

Перепугался я от ужасной мысли: как же он на такой скорости попадет в банки. Если угадает в аккурат на край банок, то неминуемо разрежет пополам...

Кинулся я по ходку вниз. Кричу не своим голосом откатчику:

— Выгружай весь уголь немедленно!

Он мне еще возражает:

— Да у меня же только два вагона! Не войдет весь уголь...

— Выгружай, тебе говорят! Грузи прямо на рельсовые пути — в бункере человек!

Открыл люкогрузчик бункер, уголь с полвагона сыпанул и стал. Мокрый все же уголь, спрессованный. Стоит в бункере стеной, а из этой стены ноги торчат! Ухватились мы за ноги и рывком вытащили проходчика. Закрыв шабер, сразу стали приводить в чувство Кудланова. Рот перво-наперво от угольной мелочи очистили. Стали было искусственное дыхание делать, да тут он сам пришел в чувство. Застонал, открыл глаза. Смотрит на нас, кругом оглядывается — где это он.

Говорит:

— А что, банки все прошли?

— Да какие еще тебе банки? — отвечаю ему. — Это же надо, про банки беспокоиться! Ты лучше скажи нам, у тебя болит что-нибудь?

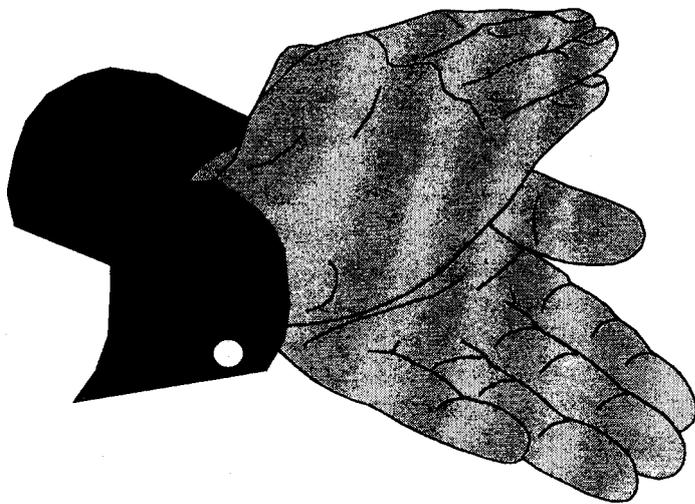
— Вот здесь болит, — показывает на правый бок. — И нога сильно болит.

Пока мы с ним занимались, медсестра подъехала. Поставила обезболивающий укол, и повезли мы пострадавшего на-гора.

А в больнице сделали рентген и установили, что сломано у него четыре ребра и нога, вдобавок еще и черепно-мозговая травма. Одним словом, «целый букет». Но главное — остался живой! Не зря говорят, что иной человек в рубашке родится, что помогает ему ангел-хранитель.

У Виктора Кудланова наверняка такой ангел имеется, который спас его и в дальнейшем охранял. Через некоторое время Виктор поправился и продолжал работать на шахте. До самой пенсии. Меня же, как увидит, то всегда улыбается и непременно скажет: «Мой спаситель!»

Часть вторая
УНИКАЛЬНАЯ СУДЬБА

УНИКАЛЬНАЯ СУДЬБА

(Из беседы с Михаилом Григорьевичом Парханюком)

В моей жизни случилось так, что заимел я себе сына из студентов. Было это в 1937 году. Дали мне группу студентов на производственную практику. Шесть ребят из горного техникума. И один, шестнадцати лет, паренек по фамилии Загребельный. Шупленький, в ситцевой рубашке, маленький, конопатенький, на вид моложе даже своих шестнадцати. Одним словом, ребенок еще. Он мне понравился, и я ему предложил стать горным мастером по возведению закладки.

Период взросления моего подопечного совпал с широко развернувшимся стахановским движением. Трудовые свершения шахтеров-забойщиков побудили Степана стать горняком. Чувствуя в себе уверенность, что вступительные экзамены сдаст, решил поехать в Прокопьевск, чтобы попытаться поступить в горный техникум. И не ошибся, был зачислен после успешной сдачи экзаменов.

Жизнь студента без поддержки родителей, которые в колхозе едва концы с концами сводили, была безотрадной. Но настойчив был Степан и к учебе серьезно относился, мечтая о том времени, когда самостоятельно начнет работать.

После второго курса предстояла первая производственная практика. Попал он по распределению на шахту № 3-3-бис, на которой я работал начальником седьмого участка. Вот по такому стечению обстоятельств мы и встретились.

А за три дня до встречи с практикантами на моем участке произошло ЧП. Мы отработывали пласт Горелый «зонами». Система не из легких. Сложная система с последующей забутовкой отработанного пространства породой нередко сопровождалась аварийной обстановкой. В тот раз прорвало заилровку, в зоне же находилось восемь человек, в основном женщины. Паника, крики, ужас перед возможной гибелью. Но обошлось, как говорится, испугом. Кого засыпало по пояс, кому только ноги. Тем не менее происшедшее было рассмотрено как происки врага. При выезде из шахты горного мастера Ардатова забрали люди в штатском. С тех пор семья его больше не видела. А на участке место горного мастера оказалось вакантным.

Ничего этого практиканты, конечно, не знали. Посмотрел я на студентов:

– Куда же мне вас приспособить? Поидете на забутовку. Будете тачкой забутовочный материал возить в «зону». Подзаработаете денег, заодно мышцы накачаете.

И здесь по-отечески посмотрел я на Загребельного и подумал: «Куда ему с тачкой справиться!» Советуюсь с горным мастером Чупрасовым:

– А что, если мы поставим студента горным мастером? Будет тебе подмена!

Тот сомнительно так пожал плечами:

– Конечно, надо бы мне помощь. Однако давайте сначала в работе посмотрим, возможно, что и справится...

Три дня я вместе со Степаном в шахту ходил, показывал, что и как надобно делать, с людьми знакомил.

Втянулся в работу Степан. А после завершения производственной практики попросился остаться работать на весь период летних каникул. Так и отработал у нас горным мастером четыре месяца. А ровно через год, после третьего курса, вновь к нам на практику пришел и еще ровно четыре месяца работал горным мастером.

Наверное, самый молодой горный мастер во всем Советском Союзе был! И в техникуме его в пример ставили. Как же, студент на практике и уже в должности горного мастера. Имеет подземный стаж работы восемь месяцев.

Рабочие кадры на шахте в те годы были весьма разношерстные: спецпереселенцы, тылополченцы, заключенные, военнопленные немцы, вербованные со всех республик и областей, китайцы. Много женщин было в шахте, они трудились запальщиками, на подсобных работах, некоторые даже забойщиками работали.

Молодой мастер умел найти общий язык со всеми, его слушались и команды выполняли без нареканий. Люди на смене все были трудолюбивые, и мастерить особых сложностей не представляло. Степан справедливо закрывал наряды на проделанную работу и вскоре заслужил, несмотря на молодые годы, всеобщее уважение. В результате с производственным заданием его смена всегда справлялась.

Заработок горного мастера и плюс хорошая премия существенно поддержали материальное положение студента.

Казалось, что впереди у парня ясная жизненная дорога. Но жизнь непредсказуема. В связи с напряженной международной обстановкой все явственнее чувствовалось приближение войны. И в 1939 году, когда война с белофиннами началась, весь курс, на котором учился Степан

Загребельный, был призван в Красную Армию. 67 студентов. Остались только четыре девушки и два больных парня.

Военную службу проходил на маньчжурской границе. В 1942 году военная часть получила запрос из Прокопьевска. Начальник отдела кадров шахты № 3-3-бис Усков на основании приказа о мобилизации специалистов угольной промышленности затребовал к себе Загребельного. Все правильно: угольная промышленность стала «вторым фронтом» и остро нуждалась в специалистах.

Так неожиданно вновь распорядилась судьба Степана Артемьевича работать со мной, его наставником. А затем, по производственной необходимости, Степану иногда приходилось оставаться за помощника начальника участка. С обязанностями справлялся успешно, но я предложил ему все же завершить образование.

И вот в 1948 году Степан вновь в стенах родного техникума, где так удачно началась его горняцкая профессия. Заведующий учебной частью Николай Степанович Иванов, который на двух начальных курсах был руководителем группы, вспомнил Загребельного сразу: «Вашему поколению выпало много испытаний. Не дали доучиться — помешала война. Но я помогу тебе».

По всем предметам в соответствии с учебными программами назначили шесть преподавателей, и стал Загребельный готовиться к сдаче экзаменов экстерном. В июле 1949-го состоялась защита дипломного проекта по теме «Отработка пласта Горелого в условиях шахты № 3-3-бис». Защита проекта прошла на «отлично».

Кстати, вскоре в техникум, вернувшись с фронта, пришел поступать Павел Михайлович Яровой, также шахтер с «три-три-бис», который был приятно обрадован тем, что в зале выставлена дипломная работа его друга Загребельного, рекомендованная специалистами к практическому применению.

Директор шахты Иван Ефимович Стахеев, узнав, что на шахте появился шестой по счету дипломированный горный специалист, пригласил Загребельного к себе на беседу: «Выбирай любой участок, очистной или подготовительный. Назначай начальником участка!»

Стал Степан Артемьевич «по наследству» начальником щитового участка № 7, меня направили выводить из прорыва отстающий участок.

Коллектив же седьмого участка продолжал работать только с перевыполнением плана, дважды становился победителем всесоюзного социалистического соревнования.

Вспоминается трудовая вахта в честь дня рождения вождя И. В. Сталина. Каждая смена тогда давала суточную добычу! Причем весомый вклад в добычу угля внес участок № 7. При плане 4400 тонн в сутки шахта выдала 14200 тонн!

Потом механизаторы объединения даже расчеты производили, усомнившись, могут ли механизмы шахты с такой добычей справиться! Но все это было реальностью.

Так и работал бы С. А. Загребельный, если бы не вмешательство в распорядок производства высших инстанций. Министр угольной промышленности В. В. Вахрушев издал приказ об укрупнении подземных участков с целью сокращения ИТР (инженерно-технических работников).

Объединили щитовой участок № 7 с лавным участком № 4 и с подготовительным участком № 12, руководство таким укрупненным участком доверили С. А. Загребельному.

Директор шахты Ф. М. Терехов обещал дать двух помощников, двух механиков и четырех горных мастеров. На деле же пришлось работать только с одним помощником и одним механиком. Да и тех вскоре не стало: помощник заболел, а механик по семейным делам уехал на Украину.

Остался Степан Артемьевич один. На всех трех сменах приходилось давать наряды. На шахте по двенадцать и более часов находился. Только представить себе: забои раскиданы по всей шахте на расстоянии до 15 километров. Непосильно тяжело стало Степану Артемьевичу со своими обязанностями справляться. Районный инженер П. Д. Дисунев старался поддержать: «Ты, Степан, держись... Только людей береги, не дай Бог какая авария... А относительно участка не переживай, это новшество по укрупнению не должно прижиться, поверь – скоро отменят».

Так и случилось, вновь разъединили участки. Но только к этому времени С. А. Загребельный по состоянию здоровья оказался в больнице. Получился у него сильнейший стресс в результате нервной непосильной перегрузки.

После излечения по рекомендации врачей на очистной участок не вернулся. Работал на участке лесодоставки, затем в течение 13 лет возглавлял участок профилактики.

Провожая Загребельного на пенсию, директор шахты Константин Федорович Санкин сказал, что Загребельный был одним из лучших начальников участка, который внес большой вклад в угольную промышленность. За тридцать лет работы в коллективах, руководимых С. А. Загребельным, не было допущено ни одного смертельного случая.

ПЯТИОКТАВНОЕ ПИАНИНО

В музее трудовой славы шахты «Центральная» внимание посетителей привлекает небольшая музыкальная шкатулка, выполненная в виде граммофона. Спрашивают: «А шкатулка играет?»

Я поворачиваю небольшой рычажок, и звучит мелодия хорошо известной песни «Степь, да степь кругом...». Люди внимательно рассматривают шкатулку, восхищаются мастерством умельца. Резная, из дерева, все сделано вручную, за исключением механизма вращения барабана, который взят от будильника. Шкатулка открывается, и внутри можно увидеть механизм, приводящий в движение барабан со штырьками, которые в определенной последовательности щиплют поющую металлическую пластинку.

И, конечно же, вопрос: «Кто это чудо сделал?» Отвечаю, что шкатулку и остальные поделки: миниатюрный стол с четырьмя венскими стульчиками, крошечные тувельки, которые наверняка подойдут на ножку Дюймовочке, несколько картин — все это подарок шахтовому музею от народного умельца Петра Макаровича Антонова. К этому добавляю, что Петр Макарович является инвалидом первой группы после финской войны.

На этом мои сведения исчерпываются. А людям этого мало. Да и самому хотелось бы поближе познакомиться с этим человеком. Тем более что живет рядом, по улице Комсомольской.

Бывал неоднократно в гостях у Петра Макаровича и его жены Ксении Романовны. И продолжались наши беседы порой до самого позднего часа, потому что всего пережитого за долгую жизнь в одной беседе невозможно пересказать.

Оказалось, что помимо таланта художника, резчика по дереву, сапожника-модельера, музыканта и мастера по настройке музыкальных инструментов, Петр Макарович являлся еще и прекрасным рассказчиком.

Откуда у человека такие способности? Способности творить, несмотря на свои увечья и стесненные жилищные обстоятельства. А может быть, именно такие условия, в которые порой ставит жизнь, и заставляют организм усиливать свои скрытые резервы.

Вроде бы на жизнь свою Петру Макаровичу было грех жаловаться, на хлеб-соль всегда зарабатывал достаточно, благодаря своему неустан-

ному труду. Не обходили его вниманием на художественных городских выставках: его работы неизменно вызывали восхищение посетителей.

Но все же думается, каким же напряжением физических и духовных сил приходилось добиваться относительного благополучия инвалиду войны.

Мне очень жаль, что не довелось увидеть то пианино, которое делал этот умелец целых шесть лет, играл на нем в течение пятнадцати лет, а потом... сломал. Вынужден был сломать из-за стесненных жилищных условий — не помещалось в квартире, а в неотапливаемой пристройке от мороза механизм расстраивался и портился.

Придет же когда-нибудь такое время, когда для одаренных людей будут создаваться условия, чтобы ничто не мешало их творчеству..

— Не знаю, чем и объяснить, а трудовая сноровка появилась у меня еще в детстве, — начал свое долгое повествование Петр Макарович. — Начал я помогать своей семье в пропитании с двенадцати лет. Жизнь заставила, или у меня такой талант на изобретательскую деятельность природой дан...

Отец умер от тифа, тифом болели мать и две сестренки. А мы с дедом не болели. Семян не было — продрозверстка из амбаров все выгребла. И как уж я сообразил — иголки для шитья делать. Попробовал как-то, нашел подходящую проволоку и заточил кирпичом, как наждаком. Показал деду, тот одобрительно погладил по голове. Ну я и начал трудиться. Наделал их полный спичечный коробок и пошел по домам меняться.

Жили мы в деревне Буланиха Алтайского края. Большое село, около двух тысяч домов. Ушел я в дальний конец деревни, где меня почти не знают. Подошел к одной ограде, стучусь. Выходит тетка:

— Нечего подавать! Много вас ходит!

— Да я не милостыню пришел просить, я иголки продаю.

Она как всплеснет руками:

— Иголки!

Сами понимаете, в деревне рукодельницам-бабам без иголок просто беда. Кликнула соседок. Обступили меня, хвалят товар. Насыпали мне зерна за иголки. Еле тащу. И вот этой кашей в ту голодную зиму прокормились.

В 22-м году мода пошла на черные рубахи с большими перламутровыми пуговицами. Так я эти самые пуговицы наловчился из ракушек делать. До того освоил это производство — до сотни пуговиц в день!

А вскорости мы перебрались в село Кыргай. Стали осваиваться на новом месте. Старший-то брат с соседом в поле трудятся, по весне па- шут землю. А я с дедом, мне еще только 15 лет исполнилось, дома си- дим. Дед ворчит на меня:

— Чего зря дома сидеть, шел бы в работники!

А я не хотел в работники идти, потому что, признаться, очень грозы боялся. И вот этот детский страх старательно скрывал от родителей. Ка- залось, выйду на улицу, начнется гроза и молния попадет именно в меня.

Однажды, пересилив как-то свой глупый страх, зашел к своему при- ятелю в гости. А его отец, инвалид гражданской войны, предлагает:

— Иди ко мне в работники, за весну два мешка ржи заработаешь!

Я над его предложением размышляю, а у самого мысли в другую сторону идут! Дело в том, что этот мужик сокрушается о том, что нет у него пестерков. Дрожки есть, а пестерков нет. Чтоб вам понятнее было, поясню: пестерки, это вроде кузова, сплетенного из прутьев, который ставится на телегу-дрожки.

И вижу я, у этого хозяина в амбаре дыра, через которую видны об- ломки старых пестерков. И смекнул про себя: вот чем мне надобно за- ниматься! Делать пестерки!

Надо честно признать, да этого и не скроешь, человек я неграмот- ный. Хотя и отчислили меня из школы за грамотность. Вот ведь как получается, кого-то отчисляют за неграмотность, а меня вот, так уж получилось, за «шибкую» грамотность!

Вот как это получилось. Прислали к нам в деревню Кыргай в 1922 году ликвидатора неграмотности. А никто из молодежи не идет на занятия, по- тому что у нас свои заботы. Девки каждый вечер берут свои кудельки и идут на посиделки: сегодня к одной девчонке, завтра к другой, по очереди.

До пятнадцати девчат собиралось в одну хату. А мы, ребята, стоим за порогом, сказки потихоньку рассказываем... И нам нисколько не скуч- но, ни о каком образовании мысли не появляются.

Но вот в одно время сидим мы на вечерке, и вдруг заходят и предсе- датель колхоза, и милиционер:

— Ну что, дорогие товарищи! Ребята и девчата! — обращается к нам. — Собирайте свои кудельки и пошли в школу!

Вот так, под арестом, мы и пришли в школу!

Давалась мне, двадцатилетнему парню, грамота довольно быстро. Сам не знаю, откуда, а я уже все буквы знал. И вскорости почувствовал, что ликвидатор знает немногим больше меня. А то, что он нам показы-

вал: как буквы складывать, решать примеры, я все это с первого раза усваиваю. Пока он пример пишет, я уже решение знаю.

Через семнадцать дней признает он меня грамотным и говорит: «Ты больше в школу не ходи! Ты свою безграмотность ликвидировал!»

И меня исключили с занятий.

Что делать? Девки все и ровесники в школе, один я не при деле!

И надумал жениться. Уговорил свою Романовну и так с тех пор, с 1929 года, и живем вместе!

Жили мы с братом одной большой семьей. Восемь человек и дед с нами. Хозяйство приличное, своим трудом завели корову, четыре рабочих коня и два подростка, жеребеночка, значит, и другую живность. Приобрели свою молотилку, веялку, имели свой посев до восьми гектаров.

Весной, после Гражданской войны, уехали в тайгу. Там лесничий отвел нам делянку, и стали мы с братом на дом заготавливать. Старый-то становился для нашей семьи тесноват. За лето заготовили 130 хлыстов, а осенью свозили в штабеля. Заготовили лес на хороший крестовый дом. Крестовым домом называется хата из четырех комнат. Только строить не довелось.

Весной 1930-го началась коллективизация, и наш лес свезли в колхоз. Сдали мы лошадей и коров. И весь инвентарь забрали. Оставили нам только десять из двадцати овец.

Брат вступил в колхоз, а я не захотел. Устроился работать ветеринарным санитаром. Вдвоем с ветеринарным врачом обслуживали несколько сельсоветов: Красулино, Котино, Соколово, Большую Талду, Карат, Терентьевск, Кыргай. В каждом сельсовете множество деревень-колхозов. Работали как на себя, с утра и до позднего вечера. Ох и работы было! Не то что сейчас наступили времена: нормированный день, в каждом колхозе свои ветеринарные врачи.

Дважды в контролируемом нами районе эпизоотия (эпидемия, значит) приключалась.

В первый раз до падежа не допустили. Когда выявили сибирскую язву, то управились своевременно сделать прививки.

А в другой раз случилась «повалка», это когда скотина стала в массовом порядке гибнуть от воспаления легких. Очень заразная болезнь, быстро передается. А причиной послужило то, что при организации товарно-молочных ферм сгоняли скот из разных хозяйств, и из Монголии пригнали. Среди них попали зараженные.

Мы при первых же случаях падежа сделали анализ, установили: сибирская язва. Что мы могли сделать? В нашем распоряжении сыворотки было всего на сто голов, а требовалось как минимум на 700 голов. Падеж продолжался. Единственное, что могли сделать, так это для предупреждения распространения болезни уничтожить всех зараженных.

В тот раз пало около сотни голов. Нас арестовали: меня с ветеринарным врачом, председателя колхоза и еще несколько человек. За подрывную деятельность.

Продержав десять дней в тюрьме, выпустили меня под подписку. Следователь пожалел, всего 23 года мне было, и отпустил! А остальных увезли в городскую тюрьму, и о дальнейшей судьбе их я больше ничего не знаю.

В Прокопьевск с семьей перебрался в конце лета 1939-го. Рассиживаться не приходилось, на руках двое ребятишек, пошел искать работу. Зашел на конный двор шахты «Черная гора». Смотрю, два старика копаются, сбрую чинят. Разговорились, выпытываю, чем занимаются, да каков заработок.

— Работа самая разная, — отвечают. — Где ограду починить, когда с хлебозавода привезти отруби и овес для шахтовых лошадей. И вот, сбрую надо чинить... Выводят нам зарплату по 85—90 рублей...

И тут же сообщают, что был у них мастер-каретник и что сейчас это место свободное.

Пришел я к заму по хозяйству, представился. Повел он меня на конный двор попытать, к чему я склонен. А я огляделся вокруг, увидел сломанные кошевки и говорю:

— Ну вот, буду вам кошевки делать!

И запросил за свою работу 250 рублей в месяц, жалование, значит, такое себе затребовал. Согласился!

Работаю я, значит, день, другой, мастерю кошевку. Прибегают вдруг за мной:

— Тебя направляют на хлебозавод за овсом, поедешь сейчас.

— Никуда я не поеду, — отвечаю.

Вызывают меня к заместителю зав. шахтой:

— Как не поедешь! Да ты знаешь, что за это бывает! Уволю!

— Увольняйте, — отвечаю. — Только я устраивался к вам кошевки делать, потому что я мастер своего дела. И на посторонние работы не пойду!

Покипятился, покипятился заместитель, потом остыл.

– Давай покурим да все спокойно обсудим. Давай-ка твою работу посмотрим.

Пришли в мастерскую, он осмотрел начатую мной работу – я уже начал плести кошевку. Покачал головой:

– Да, тут надо голову иметь, – сказал он и ушел.

Прошло дня четыре, прибегает рассыльный:

– Тебя зовут в контору!

– Все! – думаю. – Увольнять будут!

А оказалось, что меня разыскивают из леспромхоза, что расположен за деревней Смышляево. Их начальник знал меня еще по Терентьевску, где я мастерил пестерки.

– Знаешь ли, – объясняет он мне, – мы организовали артель, в которой будут производиться очень много поделок. А вот делать пестерки и кошевки некому. Мы тебе дадим людей, а ты будешь только их учить. И зарплату тебе дадим 600 рублей. И дом готовый.

И вижу я, что зам заволновался, что переманивают работника, говорит:

– Но ведь и мы с нового года повысим зарплату! А как только появится возможность, то и квартиру дадим.

Не стал я менять работу по одной причине: в леспромхозе не было школы, в которой мои ребята могли бы учиться.

За небольшое время сделал я на шахте две кошевки. Моя работа понравилась начальству. Заведующий по углю Хренов как-то спрашивает меня:

– Можешь сделать такую пролетку, чтобы подобной во всем городе не было?

– Сделаю! – отвечаю. – Не то что в Прокопьевске, а и в области не найдете! Только дайте распоряжение кузнецам, чтобы они по моим чертежам все мои заказы выполняли! И по моим чертежам чтобы изготовили всякие витые фигурки и железные полозья.

А за прутьями поехал в Зенково (поселок небольшой, сразу за городом Прокопьевском, сейчас там располагается зона отдыха), разыскал я там лесничего, чтобы испросить разрешение на заготовку прутьев, нужных для моего дела.

Подобрал в лесу материал, какой хотел. Лесничий взглянул на «мой лес» и рассмеялся:

– Да это же даже и на дрова никто не возьмет! Какие-то загогулины!

— Для кого-то это и просто загогулины, а для меня первосортный материал, мне ж его ни гнуть, ни ломать — он уже самой природой загнут так, как мне надобно. Остается только распилить в определенных местах.

Смастерил я кошевку для пары лошадей. Красота! Люди всегда вокруг нее толпятся, разглядывают.

Какие вещи делал! С ходу, не имея на то способностей, не сделаешь.

Делать так делать! Со временем я уже не считался и сам себя не подгонял. Известное дело, поспешишь — людей насмешишь.

Проработал я на шахте «Черная гора» всего-навсего пять месяцев. Даже не успел четвертую кошевку закончить, призвали меня на войну с Финляндией. Было это в январе 1940 года.

Полтора месяца меня вместе с другими новобранцами тренировали в стрельбе из винтовки, обучали ведению ручного боя. А непосредственно в боевых действиях довелось участвовать всего двадцать дней.

В тот же день, когда прибыла наша рота, уже вечером попали под обстрел. Был конец февраля. Кругом леса и болотистые места, вдобавок к этому сильные морозы стояли.

Мы в наступлении. Продвинулись на Петрозаводском направлении где-то больше сотни километров. Какие постройки были, финны при отступлении сожгли. Мы, как правило, идем в наступление по глубокому снегу, гуськом. Противник пропускает мимо себя, а затем со всех сторон начинает поливать огнем из автоматов и пулеметов.

Очень сильно стреляли финны. Во всем взводе осталось пять человек. Кто убит, кто ранен. Утром поступило пополнение, а к вечеру следующего дня снова взвод поредел.

Финны бьют нас прицельным огнем, а мы их даже не видим. Командир роты кричит: «Вперед!» А сам находится где-то сзади. И показалось мне, что он крепко выпивши.

Сейчас-то понимаю, что зазя людей губили, бездарно велись боевые действия...

Вот так и воевали... Я солдат, сегодня делаю одно, завтра другое, что прикажут. Беспрекословно. В тот роковой день назначили меня в санитарную команду. Это значит, оказывать помощь раненым, выносить их с поля боя.

И вот под вечер кое-кого из нас постреляли. Пополз я к одному из подбитых ребят, лежащему в перелеске. Добрался, спрашиваю:

— Куда ранило?

— В ногу! — кричит он. — В ногу!

Осмотрел его рану и успокаиваю:

— Ну, ничего! Сейчас все сделаем, как надо: перевяжу рану, а потом уложу на нарты. А там, глядишь, кто-нибудь из наших и поможет.

Сделал перевязку и стал на нарты укладывать. Только приподнялся, как меня из пулемета очередью шибануло. Ногу, как мясорубкой, перемолотило.

Лежу, боли не чувствую, потому что в шоковом состоянии. Ясно сознаю, что через час помру от потери крови. Надо бороться за жизнь, надо что-то делать, думаю. Рассчитывать приходится только на себя. Достал перочинный ножик, срезал ремень от противогаза, обмотал им ногу повыше раны и черенком саперной лопатки закрутил туго, словно жгутом. Ничего не чувствую, ни раны, ни ноги.

Закопался в снежном окопе и так пробыл до утра. И остался жив. Наступил вечер, пришла и ночь. Пролежал я до одиннадцати часов утра, когда наконец-то помощь пришла. Вот только сильно обморозился. Пришлось отнять пальцы на левой руке и на оставшейся левой ноге.

Подобрали меня еле живого, и на этих же нартах вывезли. Ну а тот раненый, которому мне не довелось помочь, умер из-за большой потери крови.

Написал я из лазарета своей Романовне примерно так же, как поется в песне: «Дорогая жена, я калека, у меня нету правой ноги...». И говорил ей, что она вправе решать, жить ли ей с таким инвалидом.

А Ксения Романовна и не колебалась, ей сама мысль об отказе от раненого мужа казалась кошунственной. Только одна забота ее терзала, где жить. Ведь на квартире, где она снимала комнату, конечно же, с двумя детьми и с беспомощным мужем было жить невозможно.

Хорошо, научила подруга:

— А ты пойдешь в военкомат, поплачь там да ударь кулаком по столу! Никуда не денутся, дадут квартиру, ведь не за себя же пострадал, за всех нас.

Сделала, как учили, пришла к военкому. В ответ на свою просьбу услышала: «Нет у нас квартир и ничем помочь не можем...»

Но когда Ксения Романовна применила свои «аргументы», стал ее успокаивать: «Погоди, погоди, не расстраивайся, может, что и придумаем!»

И стал военком Короблев выспрашивать, откуда муж призывался, где работал. Потом позвонил на шахту «Черная гора»:

— У вас работал такой-то? Так вот, он покалеченный на фронте, скоро вернется домой. Дать ему квартиру!

А ему отвечают, что, дескать, пусть жена придет на шахту.

Пришла, и ей выделили комнату в общежитии. Ох и обрадовалась она. После тесного угла в частной квартире эта комната показалась хоромами.

Итак, значит, ранило меня десятого марта, — продолжал Петр Маркович свой рассказ. — Война же с финнами закончилась двенадцатого. Однополчане потом рассказывали, что одиннадцатого марта уже боев не было. Получается, что пострадал я в самый последний день боевых действий!

И сколько бы лет ни прошло со дня ранения, а не утихает в душе боль, досада, недоумение: зачем люди воюют? Зачем убивают, калечат себя? Ведь я бы за свою жизнь мог бы столько совершить прекрасного для людей! Если бы мог только работать в полную силу!

О госпитальной жизни вспоминать особо не хочется, да и интересного мало. Два раза ампутировали ногу, в первый раз что-то не получилось.

Девятого октября недолеченным прибыл с сопровождающим домой. Вскорости навестил меня хирург Белой больницы М. И. Никифоров. Тот самый, который впервые в медицинской практике оперировал под землей на шахте № 3-3-бис «Центральная», за что был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Посмотрел он меня, говорит:

— Отдохни немного, а потом мы начнем тебя лечить.

Он еще немного подрезал мою культю, и нога зажила. Вплелся я в костыли. Приспособил протез поудобнее и пошел. Вздохнула моя Ксюша — до этого она меня на руках от постели до стола носила, почти два года...

Молодость свое брала — никак не хотел я с увечьем мириться. Весной 1941 года с помощью костылей я уже по всему городу ходил. Искал работу. Верил, найду что-нибудь себе по силам.

Однако нигде не берут. Как посмотрят на мои руки и ноги, так и разговаривать перестают. Я уж в сапожной мастерской как просил:

— Возьмите меня без оплаты, учеником! Я рядом только буду сидеть, сноровку перейму...

Отказали! Что делать? Сначала-то, пока я в городе, считай, один инвалид войны был, то кое-какие привилегии еще были. А вот с началом войны с фашистской Германией таких нас стало много. Ну что делать? Ведь в доме ничего нет, один хлеб дают овсяный наполовину с перловкой.

Стал я примеряться шить дамскую обувь. Стало получаться, чем дальше, тем лучше. Сам колодки научился делать. Все через множество ошибок, удач и неудач. И признали меня в народе, уже в 43-м очередь у меня была на три-четыре месяца вперед.

Из всякого материала приходилось шить, из кожи портфелей, дамских ридикюлей. Что принесут заказчики, из того и шью. Не хвастаясь, скажу: шил прочно, красиво и надежно! Фальши допустить не мог, не в моей натуре.

Однажды предложили мне купить американское кожаное пальто за одиннадцать тысяч рублей. Таких денег у меня, конечно же, не скапливалось. Но у меня были люди. Как раз накануне четыре девушки с шахты им. Сталина приходили и просили:

— Как только будет материал, так сразу сшейте, в первую очередь. А то на танцы не в чем ходить!

Позвонил я им, и приносят они кучу денег. Доверяли!

Выкупаю пальто и сразу распарываю. На четыре пары туфель для этих девушек ушло рукав и воротник. А остальное, как говорится, в пользу бедных! И таким образом я вышел из положения.

Да! Из всего шили, не привередничали!

В одном только женщина капризна, во все времена: вот увидит на ком туфли, которые понравились, приходит и просит:

— Вот и мне бы такие!

— Что ж, — отвечаю, — сделаем! И даже получше!

Все бы ничего, да финотдел зачастил ко мне, налог стал с меня добиваться взимать за мою индивидуальную деятельность.

— Вы что, хотите, чтобы я с протянутой рукой пошел на тротуар? — спрашиваю их. — Там никаких налогов не собирают. Так не дождетесь, милостыню просить я не пойду!

Кое-как отбил, пришлось в горисполком несколько раз сходить, доказывать, что нет у меня баснословных доходов.

Занимался я сапожным делом всю войну. А как только война закончилась, надумал сменить занятие. Признаться, тяжело было все же для меня заниматься сапожным делом.

Выполнил я все свои заказы, что еще оставались, от новых отказался. Отдыхал дней десять — не могу без работы!

Сажу как-то на скамейке, аккуратно напротив орса «Кировуголь». Выходят оттуда четыре «туза». Остановились неподалеку от меня, разговаривают. Кемеровский начальник, слышу, критикует:

— У вас в столовых голые стены! Вы бы хоть картины нарисовали, ведь есть же в городе художники!

А Яковлев, начальник ОРСа, ему отвечает:

— Художники, конечно же, есть. Но вот только беда — у них нет красок!

И тут я вклинился в разговор:

— Вы меня, конечно, извините, я не художник. Но у меня есть краски. Если разрешите, то я попробую...

Они сразу же ко мне подскочили, по рукам ударили. Сейчас мне даже удивительно, как это, человек не рисовал, а берется!

Заказал я им, чтобы сделали мне три подрамника и натянули холст на них. С художественных открыток скопировал три вида — пейзажи. Пошел в ОРС:

— Можете забирать!

Прислали людей за картинами. Скоро принесли и поставили в кабинете. Смотрят. Расхвалили! Все картины понравились.

— Будешь эти три вида нам рисовать! В городе столовых много.

Так я и рисовал семь месяцев и заработал неплохо. Только пришло время, когда во всех столовых повесили мои картины. Стали предлагать остаться художником в ОРСе. Но я был вынужден отказаться. Ведь я могу работать только на одном месте, а художник где вывеску должен повесить, где объявление...

Однако что же делать дальше? Зашел случайно в контору «Прокопторга». Сидит бабка, переплетает конторские документы. Стучит молотком на весь «Прокопторг»!

— Что, — спрашиваю, — платят за такую работу?

Она без утайки мне отвечает:

— О! Хорошо платят, по пятнадцать рублей за папку. Я же делаю до шести папок в день!

— Во! — думаю, — заработок и никаких расходов. Пришел домой, сделал станок, коловорот. Все самодельное. Стал пробовать сшивать бумаги. Получается, и никакого шума, стука.

Прихожу в трест «Сталинуголь», обращаюсь к главному бухгалтеру Борису Николаевичу Зауральскому:

— Вам надо такую работу делать?

— Что вы! У нас еще с войны бумаги не переплетены!

Принесли мой станок, и начал я делать папки. Сначала по четыре штуки, потом до десяти дошло. Легко делал. До ста пятидесяти рублей в день.

Работал очень много. Зарабатывал неплохо. С 1946 по 1980 годы переплетал. Весь город обслуживал, дальние шахты привозили бумаги ко мне домой.

И назвал я переплетное дело «золотым дном». Заработка хватало на все.

В 1960 году дали мне путевку в Зенковский дом отдыха. Увидел там впервые в своей жизни пианино. И до того запал мне в душу этот инструмент, что места не находил себе! Попробовал было приобрести в магазине. Не получается, большая редкость. Решил сделать сам. Все свободное время, иной раз всю ночь напролет, мастерил детали. Сколько секретов, сколько головоломок пришлось решать! Ведь все делалось впервые.

Делал я свое пианино ровно шесть лет. Получилось пятиоктавное. В отличие от заводского, шестиоктавного. Потому что пришлось учесть габариты квартиры: пятиоктавное у меня помещается, а шестиоктавное — нет!

Долго бился над настройкой своего инструмента. Прихожу в музыкальную школу, а оттуда меня выставляют вон, не хотят на эту тему разговаривать. Потому что настройка музыкальных инструментов — это же кусок хлеба для мастера-настройщика, как говорится: дружба дружбой, а работа врозь!

Однажды прихожу в гости домой к Кузьме Васильевичу, был такой мастер по настройке. Он сидит за столом, голову руками обхватил и с женой ругается.

— Что такое? — спрашиваю. — Почему пыль до потолка!?

— Да вот, — жалуется он с досадой. — Не дает на чекушку опохмелиться!

Я вытаскиваю деньги из кармана:

— Бери, опохмелись!

А сам с нетерпением жду, чтобы он ушел поскорее, потому что приметил — на столе лежит книжонка. Та самая, что о настройке рассказывает.

Кузьма Васильевич моментом побежал в магазин, а я быстрехонько перелистал книжонку. Вот она, нужная мне страничка! Там всего-то двенадцать нот! Перерисовал их в тетрадку и на место положил.

Вернулся хозяин и первым делом тетрадку в стол спрятал!

...И заиграло пианино! Полюбил я это занятие, много играл, нотную грамоту освоил. А чтобы покалеченная левая рука помогала играть, смастерил для нее механический палец.

Так и играл целых пятнадцать лет, украшал свою и моей Романовны жизнь.

Правда, очень много хлопот было с этим пианино. Дело в том, что оно в комнате занимает много места, квартирка-то наша не барская, всего апартаментов-то — одна комнатенка да пристрочка — мастерская. Самим негде развернуться, а тут эта вещь большого габарита.

Если пианино поставить в пристройке, то за зиму так расстроится, что долго привожу в порядок. А тут еще оглох на правое ухо, так и вовсе не могу настраивать. И решил я — сам сделал, сам и сломаю.

Выбросил я пианино, а вот без музыки места не нахожу. Тем более что с возрастом стала сильно болеть спина, и по городу уже ходить самостоятельно не мог.

Однако и здесь выход нашелся. Подарили мне списанные аккордеон, а затем и баян. Привел я их немного в порядок, сделал кое-какие приспособления и теперь играю для души.

Правду надо сказать, моя Романовна мои музыкальные способности невысоко ценит, критически настроена.

А вот когда на пианино играл, любила слушать...

...Чтобы записать эту историю, заходил в гости к Антоновым несколько раз. И каждый раз заставал его и Ксению Романовну за работой. Такое впечатление, что нет у них свободного времени.

Ясным погожим днем Ксения Романовна в своем крохотном огороде выбирает картофель, которого уродилось богато. Хозяйка сама поражена:

— Раньше я здесь ничего не садила: складывала весь мусор с огорода, ботву разную, сорняки. И надо же, такая картошка уродилась! Пятнадцать ведер накопили!

На веревке сушится белье, а Романовна по половинке ведра носит картофель в погреб:

— Сил-то мало стало! — откровенно призналась тогда хозяйка.

А хозяин, конечно же, на своем рабочем месте в своей пристройке-мастерской, за мольбертом. На мольберте картина «Заброшенная мельница» в завершающей стадии, воплощение в краску воспоминаний о крестьянской жизни в деревне Кыргай.

— Эта картина у меня уже была на выставках. Но я считаю ее незаконченной — какое-то чувство неудовлетворения остается. Поэтому продолжаю работу над ней.

Всматриваюсь в картину. Широкая, раздольная река, на берегу стоит мельница, рядом брошены жернова. И неизъяснимая грусть за неустроенность крестьянской жизни...

Но что это? На резном шкафу, сделанном также П. М. Антоновым, лежат небольшие дощечки-заготовки для резных ларцов.

— Петр Макарович, вы же в прошлый раз сказали, что резьбой больше не будете заниматься! Тяжело стало...

Ксения Романовна опережает мужа:

— Да разве ж он уймется? Утерпит? Ведь в себе это не удержишь. А так-то, думается, зачем это надо? Куда столько шкатулок?

Петр Макарович не без гордости пояснил тогда:

— Во-первых, мне приятно делать красивые вещи, а во-вторых, это мои подарки. Ведь люди, так или иначе, помогают нам. А чем я могу отблагодарить? Вот и дарю свои шкатулки! Вся Россия мои шкатулки знает. И за рубежом: в Германии, Франции, Венгрии, Чехословакии...

...Память на земле оставил добрую Петр Макарович Антонов, народный умелец, творческой жилки человек. Память, которая хранится в его картинах, многочисленных сувенирах. И, думается, благодаря вот этому его повествованию.

АРТИСТЫ – «БУРЖУИНЫ», которым довелось поработать в крупнейшей шахте страны *(Со слов Людмилы Николаевны Черченко)*

Эта история в поселке городского типа Покопьевском приключилась в 1929 году. В ту пору эксплуатация угольного месторождения велась в многочисленных штольнях да небольших карьерах. И уже построены были первые шахты, называвшиеся согласно своему порядковому номеру: шахта № 1, шахта № 2 и № 2-бис, шахта № 3 и № 3-бис, шахта № 4, № 5-6, № 7-8...

И строительство новых шахт шло полным ходом. Одна из них только что была начата на Марсовом поле — шахта «Коксовая-1».

Основные работы велись на поверхности: возводились подсобные здания под компрессорные установки, машинные отделения для будущих подъемных машин, механический цех, кузница... Одним словом, предстояло произвести большой объем работ. Еще бы, строилась шахта

с такой производительностью, что даже дух перехватывает, с проектной мощностью в три миллиона тонн угля в год!

(Справедливости ради, отметим, что такой производительности шахте «Коксовая» с существовавшей технологией отработки крутопадающих пластов достичь так и не удалось. Но и полтора, два с лишним миллиона тонн угля в год — производительность, с которой шахта работала на протяжении ряда лет, впечатляет).

...Шла стройка крупнейшей шахты в стране. На гигантской стройке трудились вчерашние крестьяне близлежащих деревень и завербованные со всех уголков страны, ссыльные люди. Устанавливались дружеские отношения, ходили запросто в гости друг к другу, а молодежь после трудового дня допоздна, порой до рассвета, теплыми летними ночами устраивала гуляния, пела песни и без устали танцевала под гармонию.

Однажды на стройку шахты прибыла концертная бригада из самой столицы! Впервые за все время существования поселения добралась и сюда культура. Для глухой провинции, которой все еще оставался рабочий поселок Прокопьевск, это стало чрезвычайным событием, праздником! Рабочие соорудили сцену-подиум для выступления артистов. Как говорится, прямо под открытым небом, в непосредственной близости от скипового ствола. Ствол к этому времени углубился на несколько десятков метров.

Естественно, никого прийти на концерт уговаривать не приходилось. Едва слух о предстоящем концерте прокатился, народ незамедлительно потянулся к Марсовому полю. Семьями, с друзьями. Шли со своими скамейками, табуретками. Рассаживались, кто где хотел.

По единодушному утверждению старожилов, нравы в те времена намного проще были, и люди на стройке чувствовали и вели себя одной большой семьей. Вот и в тот раз в ожидании концерта кто-то принес с собой похлебку, кто-то только что сваренную в котелке картошку, огурцы малосольные, чтобы на свежем воздухе (когда-то еще концерт начнется!) перекусить после рабочей смены.

Пока артисты готовятся к своему выступлению, публика лузгает семечки, делится житейскими новостями. Дети в ожидании необычного представления никак не могут унять своего волнения и то в одном краю «зрительного зала», то в другом начинают хлопать в ладоши. Хлопки подхватывает остальная ребятня. Раз за разом прокатывается волна аплодисментов, поторапливающая артистов на встречу со зрителями.

Наконец-то занавес-простыню отводят в сторону и к зрителям выходит элегантный мужчина в сопровождении не менее элегантной женщины. Публика недоуменно затаила дыхание. Как?! Это что еще такое! Как можно среди пролетариата, фуфаяк и простой холщовой одежды появиться в черном фраке, ослепительно белой рубашке да еще с вызывающе интеллигентной бабочкой? И артистка выглядит не менее вызывающе в своем ярко-розовом, облегающем стройную фигуру платье, ниспадающем до самой земли. До сих пор в таком одеянии только заморских капиталистов на картинках доводилось видеть!

— Это кого же к нам прислали? — спросил один из рабочих. А весь зрительный зал словно ждал этого вопроса и дружно выдыхает:

— Братцы! Да это же самые что ни на есть настоящие буржуи! Не дадим контре одурачить себя их буржуйской пропагандой! Пали кто чем может!

И в несчастных, ошарашенных таким приемом артистов, летит вареная картошка, малосольные огурцы и помидоры. Однако кто-то в возбужденной толпе находится умнее:

— Вы чего же это делаете? Едой раскидываетесь! Зажрались, что ли? Имейте совесть, дайте артистам хотя бы слово сказать!

За все время суматохи артист хладнокровно стоит на сцене, очевидно, такой прием не впервые переживать. Когда публика немного успокоилась, произносит:

— И что за чепуху вы несете, товарищи? Нашли чем возмущаться! Мы же прибыли к вам сюда, выполняя решение партии и правительства и лично товарища Сталина, приобщить вас к культурной программе!

Да, мы артисты, но в остальном мы такие же нищие, если хотите знать, как и вы. Это же надо, за буржуев нас приняли! Из-за этих костюмов, что ли? Так это же наша артистическая форма. Кстати, на всю нашу труппу мы только и смогли приобрести всего лишь эти два костюма, которые вы своими продуктами только что так изрядно подпортили! А что мы не буржуи какие-то, могу лично доказать даже в вашем забое, что могу не хуже любого из вас работать! И нам даже очень интересно было бы посмотреть на вашу работу под землей!

Упоминание имени вождя сразу охладило пыл. Поверив, что артисты и в самом деле никакие не буржуи, народ вновь расселся в ожидании концерта.

Какое-то время артист глядит на пристыженный зал укоризненно. Но вот он переносится куда-то в другое измерение. Словно бы он и здесь, и словно бы отсутствует для него всякая действительность.

Смотрит поверх голов зрителей куда-то вдаль, за горизонт, словно сливаясь с безграничным простором сибирской земли. И запел:

*Вижу чудное приволье!
Вижу реки и поля!
Это чудная сторонка,
Это Родина моя!*

Вокруг установилась такая тишина, что, казалось, даже птицы перестали щебетать, чтобы не мешать этому пению!

Закончилась первая песня, зрители не хлопают. Они все зачарованы. Это же так неестественно, чтобы человеческий голос мог дойти до самого сокровенного в душе каждого, вызвать такие неожиданные, глубинные в подсознании эмоции! И каждый из них в данный момент почувствовал такой прилив нежности друг к другу, к этой земле и благодарности к этим незнакомым людям-артистам за их чудесный дар.

А артист, казалось, не обращает внимания, что не аплодируют. Очевидно, чувствует состояние публики, и вновь запел:

*Орленок, Орленок!
Взлети выше солнца!
И в степи привольно взгляни!*

До сей поры в этих краях не доводилось слышать такого чудного голоса. Но это же, по сути дела, был самый первый концерт самых настоящих артистов в Прокопьевске!

(Сейчас, конечно же, концертом самого высокого уровня никого не удивишь. Сейчас мы культурные, не то что в те давние времена...)

После исполнения второй песни зрители очнулись и долго аплодировали. А «Дубинушку» артист «вынужден» повторить на «бис». Теперь каждый номер артистической бригады завершается возгласами восхищения и овациями.

После концерта несколько человек, что посмелее, подходят к артистам извиниться за свою недружелюбную встречу.

С гордостью показывают рабочие строительные объекты, рассказывают о будущей шахте. Думали удивить артистов условиями своего труда, а они даже заинтересовались, увлеченно работали отбойным молотком в скиповом стволе. Единственное неудобство: сетовали на головные карбидные светильники, недостаточно освещавшие рабочее место. Больше приходится во время работы полагаться на интуицию.

Да еще во время спуска и подъема в бадье испуганно хватались за края бадьи. Непривычно все же вот так сразу, без подготовки, прокатиться в таком необычном транспорте!

Поднялись из ствола наверх артисты, конечно же, перепачканные пылью. Но зато в прекрасном настроении.

И только жаль, что память не сохранила имен тех артистов. Зато прекрасное ощущение от соприкосновения с высоким искусством пронесли люди через всю свою жизнь.

НОВАТОР КИТАЯ С «КОКСОВОЙ», который внедрил в чужой стране русский топор

Рассказывает Николай Андреевич Лобов, почетный шахтер, ветеран шахты «Коксовая», кавалер ордена Трудового Красного Знамени, Знака Почета и знака всех трех степеней «Шахтерская Слава», а также ордена Отечественной войны.

Среди правительственных и ведомственных наград имеется у него еще одна необычная медаль, серебряная, с гравировкой китайскими иероглифами. Николай Андреевич поясняет:

– Память о творческой командировке в Китай! До сих пор вспоминаю о той поездке, как о самом ярком событии в моей трудовой жизни.

Тогда, в 1956 году, китайцы пригласили специалистов всех отраслей нашей страны для обмена опытом работы. В составе делегации было 50 человек, в том числе двенадцать специалистов угольной промышленности. И я, Николай Лобов, прокопчанин, тоже удостоился чести. Моей задачей было ознакомить китайских шахтеров с приемами работы в проходке.

Скрывать не стану, приятно было внимание китайцев к собственной персоне, словно бы к министру какому! Их учтивость в общении, забота, внимание. К каждому из нас прикрепили переводчика, так что проблем с общением не было. Со мной в течение всех 45 дней пребывания в Китае неотлучно находился мой переводчик, которого я сразу же с его согласия переименовал Петром. Взамен его замысловатого для русского уха длинного, непривычного имени.

Первой шахтой, в которую спустился, стала шахта Чжао-Г-Цзунь. Работаю одну смену, другую. По-нашему работаю, так, что рубашка мокрая. А за мной неотлучно наблюдают больше тридцати китайских

проходчиков. Для них наша работа во многом стала откровением. Они-то в проходку идут по 6—8 человек, когда мы у себя в таком же забое вдвоем управляемся.

Я и не ожидал, что моей работой так будут восхищаться. Хвалят, по плечам одобрительно хлопают.

Все бы ничего, но когда приходится подгонять стойку по размеру, никак не могу их инструментом пользоваться. У них вместо топора что-то вроде узбекского кетменя. Пока оттюкаешь стойку, уйма времени напрасно уходит.

Досаую, говорю Петру:

— Это не работа! Таким топором разве много наработаешь?

Он сразу заинтересовался:

— Топор? Что такое? Давай рисуй, пожалуйста!

Нарисовал я эскиз топора, как мог. Объяснил на пальцах. Через пару недель перебрались в другую угольную провинцию. И здесь перед спуском в шахту вручают мне топор, изготовленный по моему эскизу. Постарались китайские кузнецы на совесть, вполне сносный получился топор. И пошла работа без заминок. Китайские проходчики цокают языком, попробовав топор в деле, по-своему лопочут, но и без переводчика понятно:

— Очень хорошо! Хороший инструмент!

Закончился срок командировки, стали нас уговаривать:

— Оставайтесь еще на месяц-другой! Очень многие шахты хотели бы вас в работе посмотреть!

А мы разве против, но нельзя же, строгий приказ — возвращаться в назначенный срок. Но вот о чем я сейчас задумываюсь: а почему у китайцев тогда топора не было? Они что же, до меня с ним не были знакомы? Получается, я внедрил у них топор?! И может быть, тот первый топор сейчас находится у них где-нибудь в музее?

СОКРАТ

В деревушке Котино, что верстах в сорока от Прокопьевска, в 30-х годах ни одного двухэтажного строения не было, сплошь неказистые избышки стояли. Здесь прошло беззаботное детство Ефима. Не заметил, как вырос в крепкого парня, втянулся в колхозную работу, наравне с мужиками косил и обрабатывал землю. Пока однажды не сказала ему мать:

— Вот что, Ефимушка... Вырос ты у меня большой, теперь и семье помочь сможешь — ведь еще четверых поднимать. Я тебя, конечно, не неволю, но съездил бы ты к дяде своему Василию в Прокопьевск, говорят, там на шахту народ набирают. Может, и ты надумаешь... Только сразу не соглашайся, приглядишься, что к чему.

Больше пятидесяти лет с той поры минуло. А все живо в памяти. Как приехал в город — ахнул: это же надо столько домов понастроить в одном месте! И не просто домов, а один над другим. Этажами называются. Хотя, конечно, оно, поди, дешевле: три дома друг на друга поставлены, а покрыты всего одной крышей!

Сейчас самому диковинно, каким огромным показался захолустный тогдашний городишко (ни одного кирпичного дома во всем Прокопьевске не было).

Дядя встретил радушно племянника, до самой ночи просидели. Все расспрашивал про родню, про товарищей-сверстников, про соседей. Истосковался по родным местам. А на вопрос, что же такое шахта, сказал:

— Долго рассказывать. Поведу туда тебя завтра. Сам на месте разберешься, что к чему. Поглядишь, попробуешь, каково оно, горняцкое ремесло. Поглянется если, тут тебе и дело. Настоящее, мужское. А коли нет, ну что ж, значит, есть в тебе слабина. Поищем что-нибудь еще.

Утром, как и обещал, дядя Вася провел Ефима по всей шахте. В то время брали еще верхние горизонты. Клетью, как сейчас, спускаться не требовалось. Заходи прямо в гору, в дыру (это он так выразился), а дядя посмеялся и говорит:

— Чудак-человек! Не в дыру, а в штольню!

Показал, где что находится и для чего предназначено. Побывали в забоях. Перемешалось все в голове с непривычки. Но главное понял: вот она гора, внутри уголь люди берут. Вглубь идет штольня эта самая. Из ее черной пасти время от времени появляются лошади, шагают между рельсов. Тянут пять или шесть тележек. А зовутся те тележки вагонетками.

Не утерпел Ефим, подошел к лошади. А она теплыми губами зачмокала, к руке потянулась — знать, хлеба просит.

— Видать, парень, коней любишь? — спросил добродушный рыжеусый детина. — Иди к нам в коногоны!

Эта мимолетная встреча все и решила. Дядька пробовал отговорить:

— Тоже невидаль — коногон! Аль в деревне лошади не надоели? Осваивай лучше настоящую профессию — проходчика или забойщика.

Но парень твердо стоял на своем: мол, не уйдут они от меня, профессии. Шахта, по всему виду, дело серьезное. И начинать работать здесь лучше с привычного.

Заведующий конным двором Иван Николаевич Новиков приветливо встретил нового работника. Потом подвел к стойлам:

— Выбирай, вон те три коняги без хозяина.

А Ефим уже выбрал. Сразу же, без раздумий. Вот он, напарник по работе.

— Умного коня себе выбрал, парень, — одобрил заведующий. — Воротило его кличка.

Не стоит долго рассказывать, как подружились человек с конем. Только вскоре стали шахтеры удивляться их дружбе. И трудно сказать, кто к кому сильнее привязался: то ли парень к коню, то ли Воротило к парню. И выходной Ефиму не выходной — спешит в конюшню повидать друга. Потреплет его по загривку, расчесет, даст хлебца кусочек. А Воротило разве только что говорить не может — вздохнет, голову на плечо положит — не хочет расставаться.

С таким напарником работа не в тягость — одно удовольствие. Забойщики ждут приезда Ефима с Воротилой как представления. При погрузке угля, подгоняя вагонетку точно под люк печи, командует: — Примись! — и Воротило, послушно сделав пару шагов вперед, переходит на обочину штрека. — Стой! — и замирает конь. Забойщики подтрунивают: «Говорят, твоя лошадь считать умеет? Продемонстрируй!»

И решили однажды: давай прицепим еще одну, седьмую вагонетку! Прицепили.

— Трогай! — командует Ефим. Напрягает свои мощные мышцы живая машина, и раздается в подземной тишине (забойщики даже дыхание затаили) металлический лязг сцепок: дзинь-дзинь-дзинь... Дернулся состав и стал. Не трогается с места Воротило, стоит как вкопанный. Уговоры не помогают.

Попробовали еще раз. Воротило по команде снова точно «отсчитал» лязг сцепок и остановился. Забойщики гогочут довольные:

— Вот же каков, хитрец! Лишнего не возьмет!

Седьмую вагонетку отцепили. Воротило по команде напрягся вновь. Убедился, что на сей раз без обмана и потянул привычную «партию» (так на горняцком языке состав вагонеток называется).

...Четыре с лишним года потрудились вместе человек и конь. Сколько «товара» вывезли (еще одно старинное горняцкое выражение — уголь в те времена товаром называли!), и не сосчитать, пожалуй. Все подземные многокилометровые дороги наизусть выучили. Знали, где поспешить можно, а в каком месте замедлить ход, иначе забуришь все ваго-

нетки. И в отпуск вместе ходили. Воротило так к Ефиму привязался, что пока того не было, заметно худел.

Всякое бывало в работе: и холод зимой, и, глядишь, верхняк лопнул, породой может сыпануть — смотри, не зевай! А однажды и вовсе пришлось друзьям держать экзамен на мужество и взаимовыручку.

А было дело так. Отрабатывала тогда «Центральная штольня» уголек под самым Лутугинским логом. Старожилы до сих пор помнят, как прорвалось и хлынуло в шахту подземное озеро.

В ту пору стоял Ефим под погрузкой на самом дальнем участке. Животные, известно, чувствуют опасность раньше людей. Беспокоится конь, глухо ржет. Но с места не трогается.

Ефим как заметил, что наводнение началось, не о себе сначала подумал, о друге своем: поскорее отцепить Воротило, дать ему свободу. Пришлось окунуться в воду: ведь надо было обеими руками взяться, чтобы скинуть сцепку с крюка вагонетки. И не повезло — Воротило, волнуясь, переступил с ноги на ногу, дернул состав. И тотчас нога Ефима угодила под колесо. Все это произошло в одно мгновение. Правда, успел он барок отцепить (валик такой, к которому крепились упряжные постромки), освободить коня. Тот и зашагал было на выход. И вдруг остановился. Посмотрел на хозяина и заржал. Как бы проговорил: «Что же, дескать, ты? Поспешай, не то погибнешь!»

А Ефим:

— Да не могу я, видишь, придавило ногу! Выручай, приятель! — проговорил он, словно не к лошади обращался, а к человеку. И тут же его осенило: нужно же дать команду «Грудью вперед!» Такую команду Воротило знал, умел выполнять ее, когда требовалось поставить забурившийся вагон на рельсы. Правда, проделывал он этот маневр с одним-двумя порожними вагонами, а тут...

Ефим все же скомандовал:

— Грудью вперед! — и тихонько прибавил: — На тебя, голубчик, одна надежда!

Конь развернулся, зашагал к хозяину. Подошел, фыркая ноздрями. Надавил на едва виднеющийся из-под воды борт вагонетки. Нога освободилась.

От гордости за своего верного друга у Ефима на глаза аж слезы навернулись:

— Ну, спасибо! Век не забуду!

Обхватил коногон Воротило за шею. И двинулись. Как до выхода добрались, и не вспомнишь теперь. А возле устья штольни стояли толпой вышедшие наружу шахтеры, прибежавшие из поселка люди и все

руководство шахты. Ждали. К счастью, выбралась на-гора благополучно вся смена.

Нога у Ефима зажила. И вновь возил он уголь вместе со своим верным напарником.

...Много позже пришла новая техника в шахту, поступили подземные электровозы и Ефиму, как и многим другим молодым рабочим, пришлось осваивать электрического «коня».

Так что есть что вспомнить. Как в тридцать шестом году экстерном экзамены в горном техникуме сдавал, как потом, до самой пенсии, руководил сперва участком, а позже был заместителем начальника шахты «Зенковские уклоны».

А в сорок втором командовал минометным расчетом на волжском берегу Сталинграда. О тех боевых днях напоминает колодка, составленная из разноцветных ленточек, отождествляющих ордена и медали: ратные — «За боевые заслуги», «За победу над Германией»; «мирные», среди которых орден Трудового Красного Знамени.

А что же Воротило? Долго еще жил он на свете. Его, как и других коней, по возрасту вывели на поверхностные работы. И, наверное, рад был этому бессловесный помощник горняка: все-таки трудно приходится коню под землей. Нашлась ему работа на поверхности.

ЭПИЛОГ

...Недавно разговорился с Геннадием Ивановичем Захаровым, ветераном шахты «Черная гора», о том времени, когда лошади помогали человеку транспортировать уголь из забоев на-гора, о коне по кличке Воротило.

— Ведь я захватил еще то время, когда лошади были в шахте. В 1954 году во время практики впервые попал в штольню. Даже перепугался — светит в темноте огромный глаз. У меня дрожь по всему телу, никаких мыслей, кроме: «Чертовщина какая-то».

И только когда коногон сказал: «Тпру!», понял, что это лошадь.

Потом подружились мы, молодые парни с коногонами, в конце смены непременно заходили в шахтовую конюшню, чтобы скормить добродушному бессловесному помощнику человека кусочек хлеба.

До сих пор передаются рассказы о сообразительности шахтовых лошадей. Действительно, когда животное изо дня в день вывозит партию, скажем, из семи вагонеток с углем, то привыкает к однообразию своего

труда. И учится «считать» до шести (между семью вагонетками шесть сцепок, которые издают металлический звук при натяжении).

До чего же хитер этот конь! Сразу не повезет партию. А начинает тянуть постепенно, чтобы сцепки между вагонетками звук подали. И если раздастся лишний звук, останавливается: «Отцепите вагон. Вы что же, не видите? Лишний прицепили!»

А потом, уже на-гора, наблюдал такую картину. Ребята на телегу погрузили углеспускную банку. Это металлическая тонкостенная труба, почти метрового диаметра.

Довольно увесистая труба, но вдвоем на телегу свободно грузим. Но вот коняга, запряженная в эту телегу, считала, видно, по-своему: «Если габариты внушительные, то и вес, наверняка, соответствующий».

— Неужели действительно из-за этого не трогается? — сомневаемся еще мы.

Решили проверить. Тем более что на уклон надо было отвезти двигатель. Массивный такой двигатель, от подъемной установки, не чета этой трубе. Мы этот двигатель только с помощью тельфера (подъемного крана) смогли погрузить.

И что вы думаете? Взглянул наш Сократ краем глаза на новый груз, удовлетворенно всхрапнул и легко тронул телегу в путь.

— Так что к каждому свой подход нужен, и к лошади тоже! — глубокомысленно закончил свои воспоминания Геннадий Иванович.

НАЧАЛЬНИК МОЛОТОЧНОГО ЦЕХА

Иван Казаков унаследовал от своего отца, Михаила Карповича, привязанность к горной профессии. Так же, как и отец, в шестнадцать лет он пришел устраиваться на работу в шахтоуправление № 3-3-бис имени Эйхе.

В подземные забои не пустили — молод еще. Заведующий шахтоуправлением В. Д. Шалков взглянул на могучего парня:

— Что делать можешь?

Иван смело отвечает:

— Отбойный молоток с закрытыми глазами могу собрать!

Здесь следует пояснить: отбойный молоток в те годы был основным рабочим инструментом забойщика, и немало рекордов по добыче угля было совершено с помощью него.

— Неужели сможешь? — подзадорил Виктор Дмитриевич, а сам тут же достает из шкафа новенький отбойный молоток. Опытными движениями разобрал и рукой перемешал множество деталей по столу.

В это время в кабинет заглянул главный инженер Г. С. Корсак и в удивлении застыл на месте, наблюдая за действиями парня с завязанными платком глазами.

Иван расторопно ощупывал детали, уверенно соединял между собой.

— Все! — выдохнул он с облегчением воздух и снял повязку.

— Ну что ж, почти отлично! — похвалило начальство. — Если не считать «лишней» детали!

Сконфуженный Иван увидел, что действительно на краю стола лежит пружина, которой не нашлось места при сборке. Огорчился:

— Ну, как же это...

— Ничего, не беда, — успокоил Шалков, — мы же понимаем, что ты волновался. Где так натренировался?

— С отцом соревнуемся. Он у меня тоже шахтером всю жизнь работал и мне советует.

Глянул Шалков на главного инженера, тот понимающе кивнул головой и сказал:

— Это то, что нам сейчас как раз позарез надо. Знание молотка. Поставим тебя начальником молоточного цеха. Но уясни сразу — непростое это дело, парень. Уж очень нас забойщики критикуют за то, что не можем держать молотки в исправном состоянии.

Самое просторное помещение комбината шахтоуправления, располагавшегося как раз напротив штольни, было отдано под молоточную. Под началом молодого начальника было четыре таких же молодых парня. С первого дня убедился, насколько это было действительно горячим местом. Забойщики требуют безотказной работы молотка, и их не устраивает объяснение, что конструкция несовершенна. Передовой стахановец-бригадир Иван Борисов, к примеру, после выхода из шахты, не жалея времени, разбирает и собирает молоток, что-то подгоняет, подкручивает. Убедившись, что его инструмент для следующей смены работоспособен, наказывает:

— Мой молоток не трогать! Только испортите!

Обижали его слова. И поэтому решили парни изучить молоток так, чтобы по звуку определять неисправность. А когда почувствовали себя

мастерами, то стали после смены обучать забойщиков правильному обращению с этим капризным инструментом.

Много лет с тех пор пролетело. Иван Михайлович после войны, участником которой был, долгие годы трудился в угольной промышленности. Его сын Виктор Иванович также посвятил свою жизнь добыче угля, являясь руководителем Прокопьевского разреза. К сожалению, болезнь преждевременно прервала его жизнь.

ЧЕТЫРЕ «ОТВАГИ»

Медаль «За отвагу» у солдат Отечественной войны ценится не ниже ордена, потому что присуждалась за исключительное мужество и проявленное героичество. Случайно узнал, что в нашем городе живет старый солдат, у которого за его ратные подвиги имеется четыре таких медали!

Федор Николаевич Иванов вспоминает о днях сражений неохотно: много товарищей погибло, много лишений пришлось перенести за бесконечные четыре года своего участия в сражениях.

Передо мной на столе лежит множество наград Федора Николаевича, среди которых он на ощупь выбирает две медали: «За отвагу» и орден Красной Звезды. К ним присоединяет орден «Знак Почета», которым награжден в мирное время за свой труд на шахте «Коксовая», где проработал 23 года после возвращения из армии.

В его орденской книжке отмечено, что Иванов награжден четырьмя медалями «За отвагу», у каждой свой номер.

— Где же еще две медали? — интересуюсь.

— Украли! — с досадой отвечает Федор Николаевич.

Однажды, когда Федор Николаевич еще мог передвигаться по комнате, но зрение уже отказало, раздался звонок в дверь. На его вопрос ответили:

— Я из военкомата, хочу поговорить с вами.

Впустил в квартиру. По голосу — вежливый мужчина. Но насторожило то, что интересуется только наградами.

— Дайте мне ваши награды, зачем они вам теперь? А мы их в музей выставим...

— Что я, герой, что ли? — отвечаю ему. — И о каком музее говорите?

Отказался Иванов отдать свои награды, кое-как выпроводил незванного гостя. Вернулся к столу, а двух медалей не хватает! Медали за

номером 3155728 и 3157447 были украдены. (Если кому-то доведется держать в руках «отвагу», посмотрите на обороте медали номер, возможно, вместе обнаружим пропажу.)

За проявленный героизм при форсировании Днестра получил «Красную Звезду». Тогда, в окружении фашистов, вместе с командиром батареи лейтенантом Пospelовым корректировал огонь артиллерийской батареи. Когда лейтенанта ранило, вынес его с поля боя.

Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия и завершился боевой путь в Австрии, где бои с остатками агонизирующего врага продолжались до 15 мая 1945 года.

Нелегко приходится бывшему солдату, шахтеру — ослеп, плохо слышит и, самое досадное, парализован. Инвалид второй группы.

— Первую группу еще не заслужил, — невесело шутит он. — Потому что еще могу ложку подносить ко рту! Так заявили мне врачи!

Пролетит еще какое-то время, и останутся только воспоминания о суровой войне, без живых свидетелей — солдат, которые отстаивали мир. Солдат, награжденных «отвагой». И надо ценить то, что они еще рядом с нами — живые герои. А все остальное — суета...

СО СВЕРЛОМ — ПО СКАТУ

Анатолий Андреевич Козлов на шахте «Коксовая» отработал, почти тай, без малого сорок лет. Есть что вспомнить. Взять хотя бы самые первые дни его работы на шахте.

Даже по тем временам, наверное, это было нарушением. В 1943 году 14-летнего парнишку приняли работать в шахте слесарем. Очевидно, могли его рослость да то, что физически развит.

Вот такая история приключилась с Козловым, с его слов.

После нескольких дней знакомства с шахтой и участком механик Козин дает мне наряд-задание:

— Под шурфом дождешься, пока с гор спустят бадьей сверло. Возьмешь его и по вентиляционному штреку притащишь на участок, а там спустишься по скату в забой к щитовикам. Все понятно? Тогда действуй без промедления, забойщики ждут инструмент, им бурить нечем!

Вроде бы все понятно. Благополучно дождался сверла под шурфом, вскинул его на спину, чуть ли не бегом пошагал на свой участок. Так что быстро прибыл на пласт. Смотрю, почти вертикально вниз идет скат. Полез по нему вниз. И что-то подозрительно мне — уж очень скат пока-

зался мне старым, через пару метров трапы закончились, а ниже и вовсе крепление разрушено, держаться не за что.

А сверло тянет вниз, оно, пожалуй, потяжелее своей конструкцией будет в сравнении с теперешними. Тяжело держать, но не в этом дело, силенки-то, слава Богу, хватает. Но ведь и самому держаться надо как-то, того и гляди загремишь вниз.

Делать нечего, вынужден был избавиться от груза. Улетело с грохотом сверло вниз. А я кое-как спустился, цепляясь за что только возможно.

На промштреке подобрал электросверло, а сам волнуясь неимоверно: не пострадал ли инструмент при падении. Подключили забойщики сверло к сети — работает!

С чувством удовлетворения рассказал после смены механику о выполнении поставленной задачи и о своих приключениях. Он огорчился:

— Ты же рабочий скат проскочил и не по тому скату спустился! Тот нерабочий, к нему щит уже вплотную подошел, так что передвигаться по нему не разрешается. Как же это я упустил и не предупредил тебя?

И перевели меня работать на лебедке шурфа, спускать в шахту лесоматериалы.

Кстати, в трудовой книжке тот период моей трудовой деятельности не был зафиксирован. А когда пришло время оформлять пенсию, пришел в отдел кадров за подтверждением. Мне говорят:

— Не может быть, чтобы в этом возрасте приняли на подземную работу!

Подняли архив и убедились, что мой подземный стаж начинается с четырнадцатилетнего возраста. Так требовала обстановка.

ПОЧЕМУ ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР ПЕРЕСТАЛ ЧТО-ТО СО МНОЙ ЗДОРОВАТЬСЯ

(Со слов почетного шахтера Василия Николаевича Сидоренко)

Когда войну объявили, молодежь, которая по возрасту не подходила для мобилизации на фронт, была направлена в так называемую «труд-армию».

Когда нас привезли в Прокопьевск, спросили, куда выбираю: на стройку или в шахту? Выбрал шахту. Так стал трудиться на шахте № 3-3-бис, на которой отработал без малого полвека.

Тогда на шахте остро не хватало рабочих кадров. Поставили меня учеником к проходчику мелкой нарезки Василию Ивановичу Кошки-

ну, легендарному по тем временам шахтеру. Его имя не сходило с газетных полос. Сильный, выносливый мужик и чрезвычайно трудолюбивый. Во время войны по две смены работал.

Впоследствии, когда годы стали сказываться, то все равно темпов не сбавлял. Рука если устает, то он электросверло на голову поставит, сам согнувшись на плахе стоит. Или плечом пристроится. Распрямляется постепенно, пока бур в угольный пласт, вращаясь, входит, и так вгоняет бур в пласт.

Много рабочих сноровок перенял у Василия Ивановича. Потом уже самостоятельно стал работать в бригаде Василия Подосинникова. Здесь моим напарником на долгие годы стал Федя Файзутдинов. Он меня дважды спас, если не от верной гибели, так от тяжелой травмы.

При проходке очередного штрека на скребковом приводе часто вылезала наверх цепь. Такое случается, если привод установлен не строго по прямой. И вот как только в очередной раз цепь вылезла вверх из-под угля, стал протаптывать ее ногами, то есть массой своего тела помогаю скребкам захватывать уголь и протягивать его по рештакам. В этот самый момент рештак, на котором я находился, выдавило. Стало рештаки, словно карточный домик, собирать в гармошку. Еще немного, и прижмет меня к огнивам, а цепь все движется и не ослабляет своей хватки. Все! Пришел мой конец, думаю.

Закричал изо всей силы. До приводной головки, где мой напарник находился, метров двадцать было. А привод шумит. Как Федя услышал мой крик — удивляюсь.

Когда на шахте организовывалась скоростная бригада под началом Николая Кочеткова, брали в нее лучших проходчиков с разных участков. И меня включили. Меня звеньевым поставили. Как успешно работала бригада наша, не стоит рассказывать, все помнят.

Пошел с того времени Кочетков в гору. А мы продолжали с не меньшим успехом работать на скоростных проходках, теперь уже под началом В. Д. Липлянского.

Нам сказали: «Покажите, на что ваша горная техника способна! Выжмите из техники все возможное!»

Мы работать спустя рукава не умеем. Организация труда в бригаде четкая, у каждого члена звена все по минутам расписано, каждое движение словно запрограммировано.

Бывает, что вагоны под погрузку угля из забоя не успевают подавать, так мы уголь через погрузочную машину перебрасываем. Когда

вагонетки поставят, то с разминочной их загружаем, а забой крепится без остановки. Приходит однажды в наш забой главный инженер Леонид Степанович Синько с делегацией. Говорит:

– Ну что, Вася! Расскажи товарищам, как вы по тысяче рублей зарабатываете!

– Сначала, – говорю, – познакомьте!

А сам думаю: «Кого это он нам привел, иностранцев, что ли?»

– Это товарищи из Казахстана.

Ну, раз это свои, то почему я должен лукавить! Какой смысл? И отвечаю:

– Да! Тысячу рублей я зарабатываю... За два месяца работы!

Побеседовал я в тот раз с шахтерами-казахами. Они подробно организацией работы интересовались, выпытывали наши немудрящие секреты.

Все бы хорошо, но после этого Леонид Степанович целый месяц со мной не здоровался.

ПРЯДИЛЬЩИЦА В ШАХТЕ

Анна Дмитриевна Тришечкина, наша соседка по дому, добрая и ласковая женщина, общение с которой наполняет душу покоем. Беседуя с ней, впервые узнал, что, оказывается, в нашем городе в давние времена вынашивались планы относительно создания мануфактурной промышленности. Чтобы трудоустроить жен шахтеров.

В 1939 году Аню Лучшеву, это ее девичья фамилия, по направлению комсомола направили в город Барнаул вместе с другими девчонками для обучения на двухгодичных курсах профессии прядильщиц. Выпуск из стен ткацкого техникума совпал с началом войны.

Таким образом, исходя из требований сложившихся обстоятельств, вместо ткацкого завода в Прокопьевск прибыло оборудование Харьковского машиностроительного завода.

Хотела Аня остаться в Барнауле работать, но получила письмо, в котором сообщалось: «Отчима призвали в армию. А четверо младших братьев (которые после смерти матери были на попечении отчима), осталось без присмотра».

Вернулась в Прокопьевск и устроилась работать на шахту «Черная гора» в личный стол инспектором. В ее обязанности входило вести учет

поступающих на работу и увольняющихся. В годы войны особенно много поступало на шахту спецпереселенцев, в основном немцев из Нижнего Поволжья и из-под Ленинграда. До сей поры перед глазами картины тех дней, когда на работу и с работы приводили под конвоем молодых парнишек. Жалко было.

Тогда, в 1942 году, на своем опыте познала нелегкий труд шахтера. В дни повышенной добычи, которые объявлялись по нескольку раз в месяц, спускалась в шахту. Чтобы помочь горнякам.

Работа поручалась ответственная: выгружать уголь из печей в вагонетки.

Помнится, чаще всего ходили с забойщиком Алимовым. Заходит в контору и говорит:

– Ну что, девчонки! Пошли со мной!

По-отечески беспокоился за них. Забрались однажды Аня с Юлей Расщупкиной под щит, уголь из орта кайлом выковыривают. В этот момент щит пошел на посадку. Все ниже и ниже пригибает накатник девчонок к почве, уже на коленках стоят. Тут и появился Алимов и кричит:

– Девчонки! Вы живы? Убегать надо, а вы медлите!

За руку выдернул их на сбойку.

В другой раз пересыпало на сбойке, когда перепускали уголь в печке. Наглухо запечатало. Сидят с напарницей, особо не волнуются, ждут, когда уголь отгрузят.

А за них уже перепугались – живы ли? Горный мастер натерпелся страху за них.

Зарплаты и пособия как детям фронтовиков едва хватало на скудное питание. Однако на танцы в горсад ходили регулярно. Танцевали без усталости под звуки духового оркестра... в брезентовых тапочках.

Там на танцах и познакомилась с Семеном Тришечкиным. Он хотя и инвалидом с фронта пришел, но шустрый был. Приметил Аню и пригласил на самый последний танец. И провожать домой напросился.

Продолжался их роман ровно восемнадцать дней. Когда собрались идти в загс на регистрацию, то впервые надела новенькие туфли на каблучках. Встала рядом с женихом и оказалась чуть ли не на голову выше его. Семен со смущением говорит:

– Может, наденешь что-нибудь другое?

А что другое, если кроме прорезиненных тапочек ничего больше нет? Так и пришлось регистрироваться в верных стареньких брезенто-

вых тапочках. Начищенные щедро сапожным кремом, они смотрелись на девичьих ножках вполне даже ничего!

Прожили в мире и дружбе 49 лет. Мечтал Семен Иванович отметить золотую свадьбу... К сожалению, фронтовые ранения преждевременно оборвали его жизнь.

НА РУКАХ У ДИРЕКТОРА

Как-то заглянул к родственникам. На столе лежит «Трудовая книжка». Развернул ее, читаю: «Ткач Тамара Андреевна». Пролистал ее бегло и удивился:

— Так ты что же, Тамара Андреевна, на одном месте ровно сорок лет отработала?

Свояченица с гордостью подтверждает:

— Да! В июле 56-го принята на шахту № 3-3-бис, а летом 96-го по старости и в связи с закрытием шахты уволена... Дай Бог так каждому отработать!

— Смотри-ка! Да здесь, судя по всему, и места не хватило для всех благодарностей, все странички исписаны до корки!

— А я и сама не знала, что столько имею благодарностей, пока книжку мне на руки не выдали.

— Небось, и в шахте непосредственно доводилось работать?

— А как же! Целых два года довелось поработать на щитовом участке. Если бы не Постановление Правительства о выводе женщин из шахты, так бы и продолжала работать под землей. Мне нравилось. Когда выводили нас из шахты, так мы даже плакали...

...Сама-то я уроженка Брянской области. Отец с фронта не вернулся, а мать с утра до вечера мыкалась в тяжелом крестьянском гнете, чтобы как-то прокормить нас: трех дочек с сынишкой.

Как только почувствовали в себе уверенность, в свои восемнадцать лет и отправилась в Прокопьевск к тетке. В поисках счастливой доли.

Женщин на шахту брали на подсобные работы охотно, потому что в выработках был всегда идеальный порядок. Мы со смены не уйдем, пока не подметем тротуар, не посланцуем инертной пылью стены выработок...

Шахтеры тогда относились к нам уважительно в шахте. Кто-нибудь заругается рядом невзначай, так его сразу одергивают:

— Ты чего! Девчонка же рядом!

Поставили меня в помощь люкогрузчице тете Эле. Мы с ней все время вместе работали эти два года. Она на основном штреке из печей уголь выпускает, а я на промштреке привод включаю и уголь перепускаю. Как уголь весь выгрузим из-под щита, я к ней спускаюсь и помогаю ей.

Перед началом смены вместе с взрывником заходили на склад взрывчатых веществ за аммонитом. Мужики-то килограмм по 16—18 несут, а мне поменьше — 10—12 килограмм. А все равно, пока донесешь до участка, поднимешься по ходовому отделению под щит, то эти десять килограмм во все сорок превращаются!

Были и в моей шахтерской практике происшествия. В начале мая 1957-го работали мы во вторую смену. Грузим, как обычно, уголь. Тетя Эля и говорит:

— Что-то вода в штреке появилась!

Однако не встревожилась. Мало ли что, может, так и надо. И тут подъехал машинист электровоза:

— Девчата! Убегайте, вода в шахте!

Надо честно признаться, мы очень перепугались. Кинулись к забойщикам, а по печам вода хлещет. Тогда побежали к стволу. Пока я бежала, все порастеряла: портянки, чуни, а как не потерять, если они на тоненьких веревочках держались. Самоспасатель обронила. Даже каску потеряла в панике.

На главный квершлаг выскочили, здесь воды чуть не по пояс. И откуда ни возьмись, директор шахты Вайниканис Николай Вячеславович. Подхватил он меня на руки, словно ребенка, и к стволу понес. Вдобавок, еще в него вцепилась тетя Эля.

Благо, что до ствола не так уж и далеко было. К клети меня поднес директор, а сам назад побежал, вдруг кто еще в помощи нуждается.

Я на больничном потом две недели была, простудилась все-таки.

В первую свою получку купила себе туфли. А то уже весна приближалась, а я в стареньких валенках все ходила. И платье модное. Затем пошла в парикмахерскую и обрезала свою толстенную косу-красавицу, до сих пор жалко. Сделала завивку — уж очень хотелось поскорее стать городской! Сфотографировалась и отправила фото вместе с подарками в свою деревню.

А через несколько лет всех их переманила к себе в Прокопьевск. Так и живем здесь по сей день.

Да... Так уж выпало на нашу долю: война, обездоленное детство, теперь, будь она неладна, перестройка непонятная... Дай Бог нашим внукам жизнь более достойную, потому что и дети наши оказались в таких же жизненных неурядицах.

ТРАВМА ФУТБОЛИСТА

Детство прокопьевской детворы послевоенных лет проходило в горных обвалах, которых вокруг бесчисленное множество. Здесь, среди пьянящих зарослей полыни, без устали гоняли самодельный футбольный мячик. И до хрипоты спорили, кто станет в воротах «Чирой», как мы кратко называли нашего легендарного, непробиваемого вратаря сборной города Григория Чарухина, или же корнером Лакизо.

А в дни футбольного матча всеми правдами-неправдами проникали на стадион «Угольщик» (так он тогда назывался), благо, что щелей в ограждении стадиона было столько, что не хватало дружинников усмотреть за всеми.

В минуты футбольного сражения так болели за наших, что забывали обо всем на свете. Вот мяч получает Петр Лакизо, футболист могучего телосложения, под два метра ростом. Как стремится он к воротам противника, словно не замечая преград на своем пути. Мощным ударом бьет в «девяточку». А мы орем в восторге во всю мощь своих легких: «Лакизо, Лакизо!»

Обратил внимание на то, что болельщики передают букеты цветов куда-то в центр трибуны.

— Кому цветы? — спрашиваю всезнающего товарища.

— Как кому! Да это же его жена с дочкой сидят вон там, напротив нас! Он на поле играет, а им цветы дарят!

Мне помнится, что наша городская сборная играла очень здорово. Каждая их победа окрыляла нас и воодушевляла на страстное желание стать такими же классными игроками. И мы гордились тем, что наши спортсмены все любители, каждый из них работал на производстве. В первую очередь — это производство. А спорт, нет, мы не буржуа, спорт для нас это увлечение, хобби. Мы не ставим цели жить за счет своего увлечения, например, футбола. Но тем не менее стремимся доказать, что и любители могут играть не хуже профессионалов!

Все годы советской власти утверждалось, что наши спортсмены — все любители. Сейчас-то мы прозрели, что в любом деле можно достичь высоких достижений лишь будучи профессионалом. И никто не спорит сейчас, что команды жили и живут за счет дотаций города. Но в те времена об этом стыдливо замалчивалось, хотя всем было известно — каждый из знаменитых спортсменов, в первую очередь — футболистов, устроен работать на каком-либо предприятии. Спрашивается, какая может быть работа у футболиста, если ему помимо игры необходимо постоянно тренироваться, поддерживать свою физическую форму. Невозможно одновременно совмещать два дела, а серьезное занятие спортом — это нелегкая работа.

И Петр Трофимович Лакизо работал, точнее, приписан был на шахте «Коксовая».

В 1932 году, после окончания горнопромышленного училища, работал подземным электрослесарем в течение пяти лет на шахте города Черемхово до призыва в ряды Красной Армии, где и проявились его неординарные данные во многих видах спорта: прыжках в высоту и длину, бросании ядра, метании копья, лыжах и других. В Прокопьевске оказался в 1946-м, здесь посвятил всю свою жизнь служению спорту.

Мне довелось видеть его коллекцию личных наград, завоеванных более чем за 60-летнюю спортивную карьеру: сотни дипломов, грамот, медалей и значков, причем таких редких, что невольно хочется сказать: «Им место в спортивном музее!». Еще бы: Петром Трофимовичем было поставлено множество рекордов города и Кузбасса. Так, в 1948 году на спартакиаде угольщиков в броске гранаты он установил рекорд Кузбасса — 64,76 метра!

Естественно, являясь работником шахты, приходилось и в шахте бывать. Например, в дни повышенной добычи. В 1951 году, в одну из очередных вахт повышенной добычи, направили на очистной участок помочь в выгрузке угля из забоев. Угля в такие дни добывалось обычно в три — четыре раза больше, чем в обычные смены. Так что рабочие руки лишними не были. Только начальник шахты предупредил горного мастера:

— Отвечаешь головой, если травмируется! Основной игрок сборной города, а очередная игра на днях состоится.

Поручили Петру Лакизо выпускать уголь из печи. С его-то ростом несподручно по выработкам лазать.

И надо же такому случиться: в устье люка застрял крупный комок угля. Ковырнул его ломиком Лакизо, кусок развернулся и сполз по ломи-

ку на руку. Да так неудачно, отковырнул ноготь на большом пальце. Снял рукавицу, глянул на руку, смотрит – ноготь целиком отслоился, лишь в самом основании держится.

Прижал плотно ноготь к пальцу левой рукой, соображает, что делать. Горный мастер перепугался, перебинтовал руку и отправил всех «помощников» вместе с Лакизо на-гора:

– Без вас как-нибудь справимся!

Через пару дней состоялся очередной матч со сборной города Киселевска. Лакизо, как всегда, играл самоотверженно, вел за собой команду в атаку на ворота противника. А болельщики даже не заметили, что их любимец играет с перевязанным пальцем. Даже если и заметили, то не придали значения: рука же, не нога. В футболе ногами играют!

Петр Лакизо – целая легенда прокопьевского спорта.

БЕЛЫЕ АТЛАСНЫЕ РУБАШКИ

(Со слов Александры Ивановны Степченко, жены шахтера)

Каждый, кто прожил большую жизнь, неминуемо приходит к убеждению, что с возрастом время начинает сжиматься, и дни мелькают с калейдоскопической скоростью.

Оглядываясь на прожитые годы, и самой не верится, неужто действительно более четырех десятков лет прожили с моим Володей? В мире и согласии жили, троих детей вырастили.

С чувством благодарности вспоминаю те благословенные дни, когда встретила со своим суженым.

Вспоминаю родительский домик на улице Карпатской, 24. Почему улица называлась Карпатской? Да очевидно же, словно ласточкины гнезда, прилепились ветхие дома-землянки по крутому склону Поварнинской Сопки, круто поднимаясь вверх. Ну чем не Карпаты!

Свободные от строений клочки земли разделялись под огороды. Был крохотный огородик и у нас. А чтобы грядки не размыло дождем, со стороны склона вбивались трубы и на них укладывались ребром плахи. И грядки долгие годы благополучно приносили урожай. А созреет плаха, так только и дел, что заменить новой. На этом огороде вместе со взрослыми трудились и мы, дети.

Окончив семилетку, я мечтала работать в аптеке. Но отец настоял:

– Поступай на курсы швей. Потом, когда пойдут дети, будешь им белье шить разное!

Смутилась:

– Еще чего! Я не собираюсь замуж.

Отец усмехнулся:

– Не собираешься, и не надо! Тогда мне будешь рубашки шить! Мнe-то, работая в военные годы в шахте, да и потом, поднимая вас на ноги, времени не было пощеголять в красивой рубашке. А теперь ты мне, как научишься, сошьешь из белого атласа!

Научилась я швейному мастерству, а на работу все равно поступила в аптеку № 30. В Прокопьевске это самая центральная, главная аптека была. И заочно училась в фармацевтическом техникуме.

А на шахте № 3-3-бис в это время в КРО (курсы рабочего обучения) работала двоюродная сестра Валентина Яковлевна Панова. Скорее подруга, чем родственница. И я частенько к ней забегала поделиться новостями.

Зашла к ней как-то в очередной раз, а ее начальник Булкин и говорит:

– Что же это ты, Саша Давыдова, такая видная девчонка, а не замужем?

Отшучиваюсь:

– А вы найдите мне жениха! У вас вон сколько их на курсах!

– Так за чем же дело стало? Давай-ка, Валентина Яковлевна, подберем ей действительно такого муженька, чтобы век благодарила!

И стали они листать свой регистрационный журнал. По списку ведут пальцем и приговаривают:

– Не то... Не то... Этот парень – тихоня, а этот чересчур боевит... Ага. Вот то, что надо! Володя Степченко. Только что окончил курсы проходчиков, сейчас работает в передовой бригаде. Пришел к нам из армии. Серьезный парень, без баловства. Как придешь в следующий раз, так и познакомим.

Испугалась я такому обороту:

– Теперь к вам вообще не приду!

Прошло какое-то время, кажется, в конце апреля, помню, эпидемия гриппа в городе свирепствовала. Заведующая вызывает меня из провизорской, где я лекарства готовлю:

– Тебя парень какой-то хочет видеть.

Я же о разговоре в КРО совершенно позабыла. Выхожу в зал аптеки, смотрю, парень огромного роста, сама-то я невысокая. Одним сло-

вом, показался мне тогда богатырем Володя. Кто такой, думаю. Наверное, за лекарством кто посоветовал обратиться.

А он мне и заявляет:

— Вы уж извините. Очень мне о вас хорошо Булкин и Панова говорили. Захотелось познакомиться. Может, согласитесь сходить со мной в кино в воскресенье? Я уже и билеты взял в предварительной кассе, на два часа дня.

После кино проводил он меня домой. А отец, как только его увидел, так сразу признал родственником и целый вечер вел с ним разговоры о шахте, о работе в забое.

Месяца не прошло, как мы свадьбу сыграли. Хотя и май на дворе стоял (а в мае, говорят, жениться — только маяться), но дай Бог каждой женщине прожить жизнь с таким же ласковым и трудолюбивым мужем, как мой. Словно в лотерею выиграла себе супруга.

А на свадьбе мой жених и отец сидели за столом в белых атласных рубашках.

СПАСИТЕЛЬНИЦА-ГАРМОНЬ

На шахтах «Центральная» и «Черная гора», объединенных впоследствии в одно угольное предприятие, за более чем 70-летнюю историю их существования орденом Ленина было награждено 66 горняков. Высшей наградой страны Советов по тем временам.

В числе награжденных имена таких прославленных шахтеров, как И. И. Кузнецов, Д. А. Алексеев, Ф. И. Пушкарев, Н. М. Замахаев, П. П. Третьяков, И. М. Чарухин, В. И. Кошкин, А. Л. Кожич... Добросовестно работали, умело, со сноровкой, и про их трудовые дела до сей поры легенды рассказывают. Об одном из них, Афанасии Михайловиче Дорофееве, этот рассказ.

Афанасий Михайлович берет в руки гармонь, неторопливо пробегает пальцами по клавишам сверху вниз, словно проверяя звучание. Небольшая тульская гармонь с готовностью отзывается звонким голосом. Афанасий Михайлович, словно оправдываясь, дескать, если не понравится игра, говорит:

— Огрубели пальцы, совсем не слушаются. Наверно, возраст скаывается — скоро 85 исполняется!

А в его озорных глазах читаю:

— Ну, погоди! Сейчас покажу, как надо играть!

И выдаст такие трели, переливы — сердце в восторге замирает. А затем лихо и задушевно звучит «Сербияночка»:

Михайлович откладывает в сторону гармонь и не без грусти в голосе произносит:

— Редко в последнее время играю. А вот раньше... Ни одна свадьба не обходилась без нее. Через нее с хорошими баянистами знаком был. Да что там, можно сказать, что и своим здоровьем ей обязан.

В 1952 году беда случилась. Тогда горняки дружно жили. Ездили семьями в городской парк Зенково, там азартно играли в футбол, соревновались в беге, отжимании на перекладине, одним словом, все поголовно были спортсменами. А потом ныряли в пруду. И вот, купаясь разгоряченным после игры, застудил голову. И врачи подтверждают: такое случается при резком температурном переходе.

Начались после этого сильные головные боли. Заболел, одним словом, крепко. Такая, понимаешь ли, постоянная, занудная боль, да не слабенькая, а такая, что никак не забудешься.

Но однажды, будучи в гостях у своего товарища по работе (на пару работали в одной лаве) Петра Рожнова, взял в руки баян. Поиграл немного и с удивлением почувствовал, головная боль отпустила немного! Сказал жене:

— Наверное, куплю гармошку..

Пришли на базар. Смотрю, два парня стоят в сторонке, «Тулку» продают недорого, всего за тридцать рублей. Тронул клавиши, звучание, что надо!

Говорю им:

— Небось, деньги-то пропьете?

— Нет, — отвечает старший. — Хотим купить ботинки — брат из армии пришел, а у него на ноги нечего обуть.

Стал Афанасий Михайлович играть на гармонике каждую свободную минуту, и словно бы кто с головы снял обруч. Боль отступила и больше не возвращалась.

Беседуем неторопливо. Старый горняк рассказывает, как он, уроженец Орловской области, оказался в шахтерском Прокопьевске.

Двадцатилетним на шахтах Донбасса познакомился он с «горой». Записи в трудовой книжке говорят о быстром мужании, становлении шахтера: вагонщик, бурильщик, крепильщик, посадчик лав, костерщик. Для нас сейчас по этим профессиям хоть историю горного дела изучай.

С освоением каждой новой профессии увеличивался заработок, но достатка в семье все не было, потому что росла и семья, родилось уже трое детей. И тут — война.

Фронт приближался к Донбассу. Двух старших братьев призвали на защиту Родины. А Дорофееву вместе с товарищами в последнюю смену поручили взорвать ствол шахты. Собственными руками довелось выводить из строя родную шахту, чтобы уголь не достался врагу.

После смены вместе с друзьями-горняками пришел в военкомат, где получили повестки. Времени на сборы не оставалось. Обнял детей, жену, наказал перебираться в деревню к родственникам. А у самого сердце разрывается от тоски — доведется ли вновь встретиться?

Однако воевать Дорофееву не пришлось. Тяжелое, угрожающее положение было на фронтах, но многое зависело и от того, сумеет ли страна обеспечить армию и население продуктами и топливом.

С потерей Донбасса основная тяжесть по добыче угля теперь ложилась на Кузбасс. И Афанасий Михайлович был направлен в так называемую «трудармию». 18 июня 1942 года впервые он спустился в забой шахты № 3-3-бис.

По двенадцать часов в сутки работал. Пример брал с земляка — Ивана Алексеевича Голубцова, донбасского шахтера, работавшего вместе с ним. Щитовые перекрытия водили. Дело новое, но освоили и добычу высокую давали. За самоотверженный труд в годы войны обоих наградили орденом Ленина.

Только в 1948 году Афанасий Михайлович получил первое известие от родных. Живы. Жена была тяжело ранена во время воздушного налета. Родные в деревне приютили ее вместе с детьми, выходили. Пришел Дорофеев к директору шахты Ивану Ефимовичу Стахееву. Так, мол, и так. Рассчитайте.

Стахеев отвечает:

— Ты же состоишь на воинском учете, не имею права!

И посоветовал:

— Езжай-ка, посмотри, что да как там, и привози свою семью сюда.

Поехал Афанасий Михайлович и не узнал родных мест. Деревня раньше большая была, а теперь редко какой дом сохранился, люди в землянках ютятся. Соседняя деревня и вовсе вся сожжена дотла. Решил возвращаться в Прокопьевск.

Так и пустил Дорофеев корни в Сибири.

СТРИЖИ

После окончания горнопромышленного училища меня вместе с двумя товарищами направили работать на шахту «Коксовая» им. Сталина. Здесь мы, новоиспеченные специалисты по ремонту промышленного оборудования, стали слесарями — чего бы вы думали? Самых обыкновенных вагонеток! Металлическая емкость на четырех колесах. Никакой сложности — не сравнить с токарным или сверлильным станком, которые ремонтировали во время прохождения производственной практики на «Электромашине». Некоторое время роптали, пошли в горком комсомола. Нас выслушали и направили в комитет комсомола шахты с гневным распоряжением: «Разобраться!»

Незамедлительно были сделаны выводы, в наших учетных карточках в отделе кадров появилась запись о переводе из кузницы в мехцех. Об этом отрапортовали в горком, а нам почему-то не сообщили. Так и продолжали работать в кузнице транспорта, где вскорости даже понравилось, потому что коллектив здесь был исключительно благожелательный к нам, шестнадцатилетним подросткам.

Мы быстро переняли основы кузнечного дела, электросварки, что в дальнейшей жизни очень пригодилось.

До сих пор с почтением вспоминаю кузнеца Якова Ивановича Ремпеля. Как ловко он управлялся с поковкой, раскаленным добела куском железа, который в его руках претерпевал чудесное превращение.

Мы стремились поработать с ним в паре, исполняя роль молотобойцев. В руках Якова Ивановича молоток, словно дирижерская палочка, танцует по поковке, указывая место, куда следует нанести очередной удар кувалдой. В памяти и сейчас звучит тот кузнечный перезвон молотка и двух кувалд.

— Тум-та-та-тум... — солидно так выговаривают кувалды. А молоток в руках кузнеца озорно и шустро танцует — то по наковальне, то по раскаленной поковке, показывая, куда следует нанести очередной удар:

— Тили-тим, тили-тили-тим!

Молотобойцем стать не так-то просто. Большая тренировка требуется, особенно когда одновременно работают два—три молотобойца. Здесь чувство ритма необходимо соблюдать: пока кувалда одного опускается на поковку, другая кувалда находится высоко над головой, ровно на полпути к завершению удара...

Перевернув подъемным краном очередную вагонетку для ремонта, сняли колесо с рассыпавшимися подшипниками. Гера Харитонов, мой напарник, говорит:

— А что, парни, мы уже семь вагонеток отремонтировали — рекорд! Пора и перекурить! Пойдемте на свежий воздух!

Напротив кузницы тянутся высоченные галереи обогатительной фабрики на металлических эстакадах. Нависли над железнодорожными путями. Железнодорожные вагоны, проходя под ними, загружаются углем.

Высоко-высоко в безоблачно-синем небе мечутся стрижи, пронзая стрелой воздушное пространство.

А вы знаете, — говорит наш старший товарищ Павел Бабичев, — что здесь, под самой крышей галереи находятся гнезда стрижей? Хотите посмотреть?

Без особого труда поднялись по железным распорам. Действительно, под самой крышей слеплено множество стрижиных гнезд. Рядом со мной со всего маху ноготками своих лапок ловко цепляется к гнезду стриж и удивленно поглядывает на нас бусинами глаз: «Это еще что за существа!». Здесь, на высоте, где их практически никто не тревожит, мы для них, очевидно, представляем чем-то нереальным.

— Возьмем с собой? — спрашиваю. — Покажем в кузнице!

— Может, не стоит тревожить?

— Да что с ним случится?! Мы же сразу отпустим!

Стриж даже не делает попытки отодвинуться от моей руки, только непонимающе крутит головкой во все стороны. В кузнице отпускаем птицу на пол и ожидаем, что она сразу полетит. Но стриж распростер крылья и беспомощно, отчаянно бьет ими о землю. Размах крыльев очень велик, раза в два больше длины его туловища. И получается, что на своих коротеньких лапках он практически лежит на полу, безуспешно пытаясь создать под крыльями воздушную подушку, необходимую для взлета.

Яков Ремпель укоризненно смотрит на нас:

— И что же это вы над божьей тварью изгаляетесь! Стриж создан для полета и никогда в своей жизни не садится на землю!

Он подкидывает стрижа и тот, словно молния, мелькнул в проеме дверей кузницы, взмыл вверх и тут же затерялся высоко в небе. В стае своих сородичей.

Возвращаемся к опрокинутой вагонетке и прикидываем, как снять с оси обойму подшипника, врезавшуюся в шейку вала. Можно разре-

зять с помощью сварочного аппарата, но тогда испортим поверхность вала. Решили расколоть с помощью кувалды, как зачастую делали и раньше.

Наставляю на обойму кузнечное зубило, насаженное на длинную деревянную ручку. Острие зубила затуплено специально для разбивания обойм. Гера бьет по зубилу кувалдой. Бьет мастерски, как опытный молотобоец, со всего размаха, с оттяжкой. Удар за ударом. Иногда зубило после удара соскальзывает с обоймы, и я тут же возвращаю его на место.

И вдруг происходит непонятное. Такое ощущение, что при ударе кувалды кузнечное зубило своей рукояткой ударило меня в живот. Почувствовал себя нехорошо, охватила слабость.

– Что с тобой? – встревожился Гера.

Я приподнял рубаху, увидел совсем небольшую ранку и каплю крови: – Кажется, ранило меня...

К нам спешит Яков Иванович:

– Ну, что случилось, стрижата?

Заботливо подхватывает меня под руки, уводит на скамейку. Принес аптечку, протер виски нашатырем.

Оказывается, обойма подшипника от мощного удара раскололась, один осколочек, словно пуля, пробил брюшную стенку. А какие повреждения натворил внутри, выяснится только в больнице....

Через полтора месяца вновь появился в кузнице. Какое-то время работать кувалдой опасаясь. Яков Иванович ободряюще говорит:

– Вы, ребята, словно стрижи, еще много встретите неожиданного в жизни. Учитесь предвидеть неприятности и стойко переносить то, что выпадет на вашу долю в жизни.

С ПЕРВОЙ ПРЕМИИ – В ДРАМТЕАТР, или Как я чуть не оказался в «штрафбате» Гебеля

В июле 1959 года, вскоре после того, как исполнилось мне двадцать лет, стал работать непосредственно в шахте. На подземном транспорте самой известной в городе шахты № 3-3-бис.

Для молодого человека работа под землей полна романтики и открытий. Все необычно для восприятия, многокилометровые выработки, возведенные упорным трудом многих поколений, по сути дела, самыми простыми инструментами: топором, лопатой, кувалдой и кайлом.

Впечатляют массивные бетонные своды электродепо, под которыми забываешь о громадном горном давлении и ощущаешь себя здесь в полной безопасности.

Тогда мне казалось, что самый дружный и сплоченный коллектив на шахте — это трудовой коллектив участка подземного транспорта. Впрочем, так и по сию пору считаю, просто, в дополнение к этому, с годами понял, что для каждого рабочего человека дорог его коллектив, в котором он трудится...

По праздникам, когда на шахте проходит торжественный митинг по поводу очередной знаменательной даты, в коллективе внутришахтного транспорта проходит собственное собрание. Потому что здесь свой довольно большой коллектив, более трехсот человек, и к тому же на общем шахтном мероприятии для всех желающих просто нет возможности присутствовать.

На торжественное собрание люди идут как на праздник, с женами и мужьями. За столом с легким вином ведутся душевные разговоры, не обходится без песен и танцев...

Дружные коллективы на ВШТ представляли отдельные службы: машинистов электровозов, механизаторов, служба по ремонту путевого хозяйства. Кстати, в службе по ремонту путевого хозяйства, помимо непосредственного восстановления подземных железнодорожных путей, происходило трудовое перевоспитание провинившихся. Со всей шахты прогульщиков и пьяниц на месяц-два направляли сюда для исправления. Здесь, под строгим наблюдением замначальника транспорта по ремонту путевого хозяйства Александра Ивановича Гебеля, происходило перевоспитание нарушителей трудовой и производственной дисциплины.

Сам будучи добросовестным работником, Александр Иванович имел талант руководителя. Под его началом сформировался коллектив профессионалов — путейщиков. А работа здесь, надо признать, трудоемкая, требующая определенных навыков при укладке рельсовых путей, поддержании в порядке многокилометровых выработок.

Острые на язык шахтеры называли эту службу «штрафбатом Гебеля». И надо отметить, что редко кто из провинившихся попадал сюда дважды. Отчасти из-за специфики работы. К примеру: очистить за смену двадцатиметровую водосточную канаву от ила и грязи лопатой на холодной вентиляционной струе, стоя порой по колено в воде. И вскоре провинившийся слезно просил вернуть его назад, в его родной забой!

Случился и со мной по молодости казус, за который было бы вполне справедливо определить в этот «штрафбат». Накануне очередного Дня шахтера в числе других передовиков дали и мне премию. Небольшое материальное вознаграждение, но, главное, зачитали в праздничном приказе. Представляете, что это значит для молодого человека, когда его имя зачитывают в праздничном приказе на многолюдном собрании? Какое чувство гордости за то, что и тебя отметили!

Чем не повод для торжества? Дома вместе с двумя закадычными друзьями с нашей улицы решили обмыть премию. Купили ни много ни мало — целых три «огнетушителя»! Так тогда именовали семисотпятидесятиграммовые бутылки красного крепленого вина под названием «Солнцедар». Вино, возможно, не столь крепкое, но ведь объем же! И все это мы стоически выпили.

А затем, как и планировали, пошли на танцы. Как добрались до танцевальной площадки Дворца культуры имени Артема, помню смутно. И то, что не пустили на танцплощадку, еще припоминаю. Но затем сознание начисто вырубилось. До тех пор, пока, как в том фильме «С легким паром», не пришлось оригинальное решение улечься спать на ступеньках городского драмтеатра. Хотя, в принципе, не лишено смысла: ступеньки лестницы широкие, а ночи в августе теплые. И мне в белой рубашке вполне даже было комфортно расположиться на одной из ступенек этой самой лестницы.

Как проблеск сознания, вижу склонившегося надо мной Александра Ивановича, который тормозит за плечо:

— Виктор, а ну вставай! Пойдешь с нами?

Оказывается, торжественное городское собрание в честь Дня шахтера завершилось, и участники торжества расходятся по домам, осторожно обходят меня, «отдыхающего» на ступеньках. Вот таким образом Гебель вместе со своей супругой и наткнулись на меня.

В очередной раз мое сознание вернулось после тяжелого, бредового сна-забытья. Очнувшись, с трудом соображаю: «Наверное, около шести часов утра». За окном в предрассветных сумерках колышутся ветви. Мучительно пытаюсь сообразить, что же это за кустарник такой за окном? Потому что надеюсь, если узнаю, что это яблоня, смородина или что другое, то сразу станет понятно, где же нахожусь.

Преодолевая мучительную боль в голове, осторожно приподнимаюсь на постели. Затем рискую встать на ноги. Кажется, что пол под ногами заходил из стороны в сторону, однако равновесие удалось удержать.

Доковыляв к окну, вижу, что нахожусь где-то на третьем-четвертом этаже, а ветки принадлежат тополи! Вот те раз, где же это я?

От мучительных размышлений голова еще больше раскалывается. Хорошо, что в этот момент из соседней комнаты вышел заспанный Александр Иванович, которого разбудило мое кряхтение. Так вот у кого в гостях я нахожусь! Как же неудобно и стыдно!

— Ну что, несчастный! Уже проспался? Рано тебе идти домой, поспи или просто полежи еще часок-другой.

— Нет, пойду! Мать, наверное, потеряла, беспокоится...

— Что ж, раз беспокоишься о матери, то надо идти. Но давай-ка я тебя, пожалуй, опохмелю.

И достает хозяин из холодильника бутылку шоколадного ликера. Налил в рюмки, а я даже смотреть не могу на этот ликер. Но Александр Иванович убедил:

— Все же сегодня праздник — День шахтера! Давай мы его с тобой с самого утра и отметим! Надеюсь, что теперь это пойдет на пользу. Иначе... попадешь ко мне в «штрафбат»!

Выпили по рюмочке, и стала голова моя успокаиваться, тверже на ногах стою.

Побрел я по пустынному утреннему городу на свою Комсомольскую улицу. Едва до двери дома дотронулся, мать распахнула ее, словно всю ночь дежурила в ожидании меня.

Когда снял свою белоснежную рубашку, то ужаснулся, до чего она со спины была черной!

А в «штрафбат Гебеля» за всю работу на шахте я так и не попал, потому что та ночь на всю мою жизнь стала для меня хорошим уроком!

МИЛЛИОНЕР САНКИН

Несколько лет назад заглянул в наш областной центр — город Кемерово и надумал заглянуть к бывшему директору шахты «Центральная» Константину Федоровичу Санкину. Хотя у нас и не было «шапочного знакомства» и, конечно же, он не помнит меня. Более трех тысяч человек в его бытность директором трудилось на шахте. Если встречались когда на планерке или в шахте, то для него это был мимолетный эпизод в череде множества ежеминутных дел и забот крупного руководителя.

Более восемнадцати лет Санкин трудился на «Центральной»: шесть лет — главным инженером и двенадцать — директором. Это в его бытность шахта гремела рекордами добычи из-под гибкого перекрытия,

рекордами мировыми и союзными по проходке горных выработок, шахта работала стабильно, с перевыполнением плана.

Дошли до нас слухи, что его как лучшего среди директоров шахт Кузбасса представляют на звание Героя Соцтруда. Однако в этот самый момент его выдвинули на повышение. И «героя» получил другой.

Бывший фронтовик, он умел поставить дело так, что каждый из его подчиненных четко знал свою задачу, умел предвидеть и своевременно готовить очистной фронт, заботился о переходе на новый горизонт, к новым угольным запасам.

Строг был, но и хитроват, когда требовалось. Помню, перед днем повышенной добычи в честь годовщины рождения Ленина собрал он бригадиров участков к себе в кабинет. И я, будучи внештатным корреспондентом шахтовой многотиражной газеты «В бой за уголь», из интереса пошел вместе с ними. Рассказал Константин Федорович, сколько от какого участка ожидает добычи, чтобы шахта, как всегда, была впереди всех по трудовым показателям. И добавил:

— Только на вас, бригадиров, надеюсь! Как вы сумеете организовать работу в своих забоях, так и шахта сработает!

Следом собрал директор нас, горных мастеров, и заявляет:

— На вас, горных мастеров, у меня вся надежда! Как сумеете организовать работу на своем участке, так шахта и сработает! Не подкачайте!

Воодушевленные такой его речью, бригадиры и горные мастера не подводили его, и шахта во все повышенные вахты добивалась такой высокой добычи угля, что иной шахте и за целый месяц не выдать. Так что от первого руководителя многое зависит.

Всего один день и довелось побеседовать с ним в его домашней обстановке. Он явно был рад моему приходу, что интересуюсь его жизнью. Жена его Полина Ивановна поставила на стол чай. Так за чаем и протекала наша беседа. А вскоре пришло известие, что он умер. И осталось о той встрече всего несколько записей его воспоминаний.

ГОРДОСТЬ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ

Мне легко было работать на этой шахте, потому что вырос я, как и большинство трудящихся шахты, в этой же среде. Жил в поселке Голубевка, все эти люди знали меня. Моего отца в тридцать седьмом забрали, и он больше не вернулся. А в народе уже разобрались, что страдали невинные. К тому же был я участником войны...

И вот еще что немаловажно, на мой взгляд, я уделял особое внимание бригадирам. Всегда перед повышенной добычей к знаменательным датам, а тогда это было очень важно — сработать образцово, высокопроизводительно и без травм и аварий, я приглашал к себе перед сменой бригадиров. И как на фронте обрисовывал ситуацию на шахте и просил их организовать работу в их бригадах.

В течение года старался найти время, чтобы посетить каждого бригадира в семейной обстановке.

Такие поездки заранее не планировал, не всегда свободное время, к сожалению, находилось. Однажды, улучив такой момент, приглашаю с собой парторга Пахаренко Анатолия Ильича и председателя профкома Константина Федоровича Хрибкова и едем навестить одного молодого, опытного бригадира. Адрес: «Сибирь». До недавних пор было такое поселение прямо за шахтой. Дома, словно ласточкины гнезда, прилепились один к другому. В лабиринтах улочек и переулков без помощи не найдешь нужного человека. Поплутали изрядно. Наконец нашли. Тесный домик, скорее, напоминал землянку. Но кухня и комната побелены, всюду чистота и порядок.

Четверо ребятшек мал мала меньше, робко столпившись, выглядывают из комнаты. Жена растерянно тербит передник:

— Да как же это. Директор шахты приехал, а мне и посадить вас негде!

— Что ж это ты, — обращаюсь к бригадиру, — умудряешься с большой семьей жить в такой тесноте?

— В тесноте, да не в обиде...

Но тут его жена перебила:

— Как же, пойдет он просить! Он у меня передовик, а квартиру попросить — гордость не позволяет!

Заурядный случай, но если бы не наш визит, так и продолжал бы скромно жить наш бригадир. Примерно через полгода все же смогли выделить ему квартиру.

КАК Я СТАЛ БОГАЧОМ

Зарплату в наши застойные времена выдавали регулярно. И аванс, и получку. Но все же изредка бывали сбои. Однажды в очередную выплату не хватило денег для выдачи зарплаты техничкам. Ведь кто в пер-

вую очередь получает зарплату — те, кто непосредственно добывает уголь, затем рабочие основных и вспомогательных цехов, а технички потом уже, если денег хватает.

Заволновались женщины, пришли ко мне в кабинет. Пригласил главного бухгалтера Еременко:

— Павел Васильевич, это непорядок! Женщинам надо кормить семьи! Надо найти выход.

— Остальные деньги на днях должны подойти, — говорит Павел Васильевич, дня через три—четыре. Пусть подождут.

— Займи где-нибудь и отдай!

— Да где же?

Тогда пригласил к себе работника шахтовой сберкассы и попросил показать, сколько у меня на счету находится денег. Я переводил на сберкнижку свою «тринадцатую» зарплату и несколько лет не снимал. Принесли мне сберкнижку, и вижу — действительно, хватит средств, чтобы этим 15—20 женщинам выдать их деньги.

Расписался в ведомости за получение денег и приказал бухгалтеру:

— Рассчитайся сейчас же!

И что ты думаешь! Рассчитаться-то рассчитались, а вот с тех пор и пошла в горняцкой среде молва: Санкин — миллионер!

...К нашему разговору подключилась жена Константина Федоровича — Полина Ивановна:

— Это сейчас начальство без зазрения совести себе устанавливает высоченные оклады, прикрываясь коммерческой тайной. А в наши времена все было на виду. Конечно же, зарплата директора была неплохая — все-таки шахта постоянно план выполняла, премии были. Однако превышала зарплату передового забойщика совсем ненамного.

— Кстати, — дополнил с улыбкой Константин Федорович, — недавно в госпитале для ветеранов войны лежал — старые раны не дают покоя, так сосед по палате, узнав, что я шахтер из Прокопьевска, спросил:

— А ты случаем не знавал такого директора шахты Санкина-миллионера, который своей зарплатой рассчитывался с шахтерами?

ВНИЗ ГОЛОВОЙ

После войны поступил в Томский политехнический институт и после его окончания направили меня работать в Черемховский угольный бассейн. А я по Прокопьевску соскучился. И недолго думая, сел на по-

езд и покати́л в Москву. Сумел попасть на прием к замминистра по уголю. Выслушал он меня и пишет на направлении: «Город Прокопьевск, шахта «3-3-бис».

В первую смену спустился в шахту с Павлом Гузеевым, начальником участка. Зашли в квершлаг для закладки, и тут взрыв. Ребят-проходчиков пересыпало, откопали мы их кайлом. Был шокирован таким случаем, но ничего, отошел постепенно. Однажды, будучи главным инженером, спустился в шахту. Навстречу начальник участка:

- Лава плохая, сорит и сорит сверху. Никак не дает работать!
- Ну пойдем, посмотрим.

Пришли на борт лавы. Решил по лаве спуститься. Лезу спиной к лежащему боку. Падение крутое. Наступил на плохо закрепленную распорину и полетел вниз. Лечу, а в голове одна мысль об исходе моего падения: «тяжелый» будет случай или «нулевой»? (В сводках смертельный случай на производстве именуется «нулевым», а травма с последующим излечением в больнице — «тяжелым случаем»).

Однако до самого низа лавы не долетел, зацепился ногой за стойку и повис вниз головой. Начальник следом за мной ринулся.

Тут же помог встать на ноги. Все обошлось, отсиделся я и пошел дальше.

ПРИЗВАНИЕ БЫТЬ ГОРНЯКОМ

Михаил Григорьевич Парханюк, персональный пенсионер, ветеран партии и труда, запомнился мне беспокойным человеком, болеющим за состояние производственных дел на шахте. И с молодежью охотно встречался в подшефной ли школе или непосредственно на шахте.

Любил делиться воспоминаниями, поговорить о своем призвании, о своей профессии шахтера, которой посвятил всю свою жизнь. Некоторые его воспоминания я записал, думаю, что эти воспоминания интересны будут для молодого поколения горняков.

Впервые познакомился с тем, как добывали уголь, в 1930 году, когда стал работать откатчиком в штольнях Прокопьевского рудоуправления. И с тех пор для моей души не было ближе профессии.

Иногда задумываешься и видишь — всякое дело находит своих сподвижников, преданных ему людей. Ведь что характерно, будь это дело сапожника, печника, пекаря, строителя, водителя, портного... — каж-

дое из них имеет своих приверженцев. Таких, которые не променяют своей профессии ни на какую другую. Следовательно, для этих людей их профессия — их призвание. Они признают необходимость других, но самой главной все же считают свою профессию.

Так вот, моя профессия — быть горняком. Счастлив, что не только добросовестно и честно отработал на родной шахте «Центральная» (раньше — № 3-3-бис) более 40 лет, но и сумел внести ряд технических новшеств по совершенствованию технологии отработки угольных пластов.

Так вот, в 1930 году начал я свою трудовую деятельность на штольне «Центральная» откатчиком. В память врезалось то, что все забойщики усатые, как на подбор. Уголь рубят кайлами. А я у люков соображаю, как его полегче выгрузить. Забойщики еще на наряде, а я уже в шахту спешу, чтобы посмотреть, с какой лавной ленты в какую печь уголек направить. Проложу, где надо, по моим соображениям, плахи ребром, люки надежно перекрою. Зато потом выгрузка идет легко, без особых хлопот. И рельсовые пути, по которым одностонные вагончики ходят, чистые. Так что с удовольствием вспоминаю свою работу откатчика. Через полгода перевели меня забойщиком.

Забойщиком трудно было — на себе испытал. Система отработки угля была такая: брали уголь уступными забоями, то есть потолкоуступная система. Четыре — пять уступов, один другой опережает. У каждого забойщика своя потолочина.

Тогда взрывчатку очень экономно расходовали. Если оторвет уголь в забое некачественно, то кайлом натюкаешься. Кайлишь, кайлишь...

Потом стали работать без уступов (отрабатывали угольные пласты лавами). Нам в забой освещение провели. Потому что новое дело осваивали. Светло. А до того у каждого лампа Вольфа была. Подцепишь ее к огниве и работаешь, словно впотьмах.

Освоили постепенно лаву, стали по два человека ходить, а угля больше давали, чем раньше в уступах вчетвером. Особенно легче стало, когда ручные буры электросверлами заменили.

Работали с закладкой, внедряли щиты Чинакала, гибкое перекрытие... А ведь образованных инженеров на шахтах в те времена было раз два и обчелся. Я, к примеру, более тридцати лет работал начальником добычного участка, придумывал и испытывал новые системы отработки, принимал участие во внедрении нового, а ведь образование имел начальное, всего три класса. Секрет прост — мы своему делу всю душу отдавали, штудировали литературу по своему профилю, изучали опыт

работы шахт не только Кузбасса, но и Донбасса и стремились усовершенствовать свое дело.

И я обращаюсь к вам, горнякам нового поколения. Вы имеете образование не в пример нам. Так трудитесь же, будьте в постоянном творческом поиске, чтобы продолжить наше горняцкое дело. Не ждите разработок только от научно-исследовательских институтов. Потому что на своем рабочем месте вы лучше всех можете творчески осмыслить ситуацию и предложить интересное решение проблемы. Дерзайте сами смелее!

Часть третья
СПАСЛИ ЦЕНОЙ ЖИЗНИ

ВСЯ НАДЕЖДА НА ВАС

*Владимир Николаевич Черных,
инженер-инспектор Энергосбыта,
стаж работы механиком подземного участка
на шахтах Прокопьевска более 15 лет*

Не стих ещё сирены вой,
А отделение всё в сборе.
Там, под землей, горит забой,
Прокралось в шахту снова горе:
Метан взорвался, следом пыль,
Завал... за ним остались люди.
Не сказка это. Это был.
Бог знает, что же с ними будет...

Люди в чёрных бушлатах,
Вся надежда на вас.
Люди в чёрных бушлатах,
Вы последний наш шанс.
И живым или мёртвым,
Вы поможете нам.
Здесь не место быть гордым –
Доверяем мы вам.

Вы пробиваетесь в забой,
Играя собственной судьбой.
Когда спасаете вы нас,
За каждым смерть стоит из вас.
Но, поборов смертельный страх,
Вы выполняете свой долг,
С одной лишь фразой на устах:
– Вперёд, ребята! С нами Бог!

Люди в чёрных бушлатах,
Вы последний наш шанс,
Мы вам верим, ребята,
Вы достанете нас!
И живым или мёртвым,
Вы поможете нам.
Здесь не место быть гордым –
Доверяем мы вам.

Сбив пламя, разобрав завал,
Один вопрос у вас в сердцах:
– Что с ними, кто туда попал?
Все живы иль на небесах...
Но вот выходят горняки,
У многих слёзы на глазах:
– Да всё нормально, мужики!
Ведь позади смертельный страх...

Люди в чёрных бушлатах,
Вы последний наш шанс.
Люди в чёрных бушлатах,
Вся надежда на вас!
И живым или мёртвым,
Вы поможете нам.
Здесь не место быть гордым –
Доверяем мы вам!

СПАСЛИ ЦЕНОЙ ЖИЗНИ

Самоотверженность — вот, пожалуй, главная черта характера спасателей. Готовность в любой ситуации прийти на помощь, даже рискуя собственной жизнью. Не исключением являются и бойцы военизированного отряда горноспасателей. В самом слове «горноспасатель» заложена специфика обстановки: готовность прийти на помощь в горных условиях, где порой и развернуться невозможно.

Эта трагедия случилась в годы войны, 21 июля 1943 года. В горные выработки участка № 16 шахты № 5-6 города Прокопьевска прорвалась вода, скопившаяся в горном провале во время таяния снега.

Вскоре выяснилось, что в забоях в данный момент находится девять шахтеров, среди которых и начальник этого участка Иван Акимович Борисов.

Иван Борисов, легендарная личность, известная в сороковых годах каждому прокопчанину, от мала до велика, как свой, кузбасский Стаханов. Школьники-пионеры приглашали его на свои пионерские сборы, о нем слагали песни.

Еще бы, бригада Борисова славилась по всему Кузбассу своими трудовыми успехами. Бригадир Сталинской бригады первым из шахтеров в Кузбассе был награжден высшим орденом страны — орденом Ленина.

Сразу после знаменитой трудовой вахты А. Г. Стаханова совместно с десятью крепильщиками организовал рекордную добычу и 18 ноября 1935 года установил мировой рекорд добычи угля на один отбойный молоток — 778 тонн угля.

Имя Борисова стало символом стахановского движения в Кузбассе, вслед за ним ещё больших результатов добиваются Шайх Зайнутдинов, М. Асмодьяров, Роман Мачихин, Илларион Шемякин, Фёдор Парамошин... сотни передовых рабочих, и не только в угольной отрасли.

...В каждом горняцком коллективе, в каждом шахтерском доме с волнением ждали вестей о ходе спасательных работ.

Вот что рассказал товарищ Борисова, начальник соседнего подземного участка № 10 Петр Степанович Шеледа (наш разговор состоялся в сентябре 1983 года):

«Иван Акимович — человек серьезный. Из рабочих вырос. Тогда непосредственно в трудовом коллективе происходил отбор — если можешь организовывать коллектив, то выдвигают на руководящую должность.

Его шестнадцатый участок специализировался на монтаже щитовых перекрытий, а мой десятый непосредственно производил добычу угля с помощью щитового перекрытия. В этот раз Борисов готовил щит для нас, для завершения отработки пласта IV Внутреннего. С северной стороны от ската щитовое перекрытие моего участка отработало больше половины этажа, а с южной стороны шестнадцатый участок монтировал щитовое перекрытие на обрезном штреке. Грузили уголь в один скат. Иначе пришлось бы на тачке далеко гонять. Так что Борисов уголь в нашу печь сыпал, а мы выгружали.

Сдружились, планировали работу участков на очередной месяц вместе, потому что соседство требует согласования действий до мелочей. Наряд своим рабочим давали, советуясь друг с другом, так, чтобы не было непредвиденных помех. И в шахту почти всегда вместе ходили. Но вот в тот злополучный день из-за занятости я в шахту не пошел.

Иван Акимович, осмотрев в шахте забой своего участка, направился к шурфу, чтобы подняться на-гора. В те годы шахта № 5-6 отработывала уголь верхнего горизонта и расстояние по вертикали от обрезного штрека до поверхности составляло всего полтора—два десятка метров.

Как раз в этот самый момент начала просачиваться заилровка из провала, где скопилась вода. Иван Акимович, несомненно, сразу понял, чем грозит прорыв глины в шахту. Такие аварии на шахтах Прокопьевска случались и раньше, зачастую с жертвами.

Оставалось несколько мгновений до беды, когда он бросился назад в забой, чтобы предупредить своих рабочих — молодых парней. Лавина глиняной суспензии настигла и, сбив с ног, унесла начальника в тупик, где наглухо запечатала. Достали его только на семнадцатые сутки...».

Иван Акимович Борисов погиб, но его сигнал о надвигающейся беде был услышан забойщиками. Здесь их находилось семь человек. Они успели заскочить на накатники монтируемого щита, под самые огнивы монтажного штрека. Здесь вода не смогла вытеснить воздух. В этом воздушном мешке, по плечи находясь в воде с глиной, они могли в течение некоторого времени спастись.

И они выжили! Выжили благодаря Ивану Акимовичу и самоотверженности пришедших на помощь горноспасателей.

...Прибывшие горноспасатели обнаружили, что сверху вентиляционный и подэтажный штреки запечатаны глиняной суспензией. Следовательно, суспензия не нашла выхода вниз. Где-то заперемычило.

Командир взвода Устин Леонтьевич Тёплый оценил обстановку: если шахтеры в забоях живы, то первое, что им необходимо, так это дать воздух. Следовательно, в первую очередь необходимо пропустить воду на основной штрек. Вместе с бойцом своего взвода Петром Степановичем Стёпочкиным спустились на основной штрек. Так и есть, в нижних выработках следов глины не имеется, где-то перекрыло путь.

Поднялись снизу на четвертую сбойку. Вот она где проблема — нет прохода под щит. Устье сбойки наглухо запечатано обрезками плах, затяжками... Устин Тёплый вместе с Петром Стёпочкиным немедленно принялись разбирать завал, а как же иначе — время дорого, для попавших в плен счёт идёт на минуты, если не на секунды. О том же, что сверху находится почти стометровый столб воды, обладающий сокрушительной силой, просто нет времени подумать. Но, возможно, что горноспасатели и представляли себе опасность, но иначе просто не могли поступить. Потому что работа у них такая — неразрывно связанная с риском для своей жизни.

Как только топор перерубил первую затяжку, перекрывавшую устье сбойки, лавина вырвалась на свободу, сокрушая всё на своем пути...

Устин Леонтьевич Тёплый и Петр Степанович Стёпочкин были одногодками, в момент гибели им было по пятьдесят одному году.

...Задыхающиеся от недостатка воздуха парни, взобравшиеся на накатник монтируемого щита, и еще один шахтер в промквершлагае потеряли было всякую надежду на спасение. Но как только жидкость схлынула по печам и потянуло свежим воздухом, воспрянули духом. Хотя оставались в глиняной заилровке по пояс, вздохнули с облегчением — смерть от удушья им уже не грозит.

Сквозь вязкую глину, работая звеньями непрерывно, сутками, горноспасатели добрались до проходчика, находившегося на промквершлагае, на третьи сутки, а до парней-забойщиков добирались целых шесть суток. И только на седьмые сутки достали изможденных, но живых.

Как мне рассказывал Петр Степанович Шеледа, эти парни после выхода из больницы, примерно в августе 43-го, приходили попрощаться перед уходом в армию.

Очень хотелось бы узнать о дальнейшей судьбе этих ребят. Как-то сложилась их судьба, была ли столь же благосклонна к ним на полях боевых сражений... Быть может, кто-то отзовется?

А перед именами погибших горноспасателей при исполнении своего долга, среди которых командир 1-го взвода Устин Леонтьевич Тёп-

лый и боец этого взвода Петр Степанович Стёпочкин (15-й военизированный горноспасательный отряд Прокопьевска), склоним головы за их мужество, отвагу, героизм.

ТРЕТИЙ РАЗ В ГОРЯЩЕМ ТАНКЕ

Федор Антипович Тищенко после возвращения с фронта поступил работать на шахту № 3-3-бис машинистом подземного электровоза. Потому что шахтный электровоз чем-то напоминал ему, вчерашнему танкисту, его боевую машину. Он даже с танкошлемом, который спасал на фронте от контузий, не расставался. До тех пор, пока горнотехнический инспектор не пригрозил вывести из шахты за нарушение правил безопасности. Положено быть в фибровой каске, так будь любезен выполнять общепринятое правило. Хотя, по убеждению Федора, танкошлем спасает от удара намного лучше шахтерской каски.

Но тогда, в пятидесятых, он еще беспрепятственно носил свой танкошлем, потому что касок на шахте не хватало.

Долгое время на пару с ним работала кондуктором девушка Катя Гирш.

Здесь надо бы напомнить, что профессия «кондуктор» на наших шахтах существовала длительное время. С кондуктором, а проще, с помощником машиниста, понятное дело, намного сподручнее работать.

Он во время постановки порожняка под погрузочный пункт стрелку переведет и вагоны, чтобы не забурились, плечом подтолкнет. Одним словом, кондуктор для машиниста электровоза — это «глаза и уши». А отказались от этой профессии опять же из соображений правил безопасности. Работа кондуктора постоянно сопряжена с опасностью, так как рабочего места для него не предусмотрено. Или в кабине электровоза, где и машинисту-то места не так уж много, или же на буфере заднего вагона. Зато из кондукторов впоследствии получались отличные машинисты электровозов.

Красивая, расторопная была Катя. Но неразговорчивая. И не потому, что стеснительная, а по причине сильного заикания. Впрочем, от кондуктора в шахте-то слов и не требуется много. Главное, чтобы исправно исполняла команды машиниста и ясно представляла порядок выполняемой работы.

В тот раз, как обычно, получили наряд забрать груз с пятого участка. Участок самый дальний, на 39-м квершлага Маганакской синклинали. И поставить нужно было очередной состав порожняка для погрузки угля. Только почему-то горный мастер Донец попросил поставить состав порожняка по обводной ветке.

По обводной так по обводной. Свернул Федор с главного квершлага на основной штрэк участка. Обратил внимание, что вдоль путей поставлены стойки — дополнительное крепление огнив. Видно, горное давление усилилось. Очень близко к путям поставлены стойки, даже рама электровоза задевает.

На самый малый ход переключил машину Федор, и в этот самый момент выработка рухнула. Очевидно, все же машина выдавила пару-другую стоек.

Обвал произошел внезапно. Повезло, что центр обрушения пришелся на вагоны, а электровоз почти проехал опасное место. Хотя машина и оказалась засыпанной, но у самого защитного козырька кабины остался просвет, через который Федор незамедлительно стал пробираться наружу, не дожидаясь дальнейшего обрушения.

Что должна была испытать Катя, находившаяся на буфере последнего вагона, когда на ее глазах в одно мгновение исчезли передние вагоны вместе с электровозом, а с ними и машинист электровоза Федор Тищенко?

Обычная женская реакция — закричала в ужасе. Но потом взяла себя в руки, понимая, что в данный момент надо думать о помощи. Побежала на выход штрэка, к телефону.

В шахте был самый разгар первой смены. Обычно в это время начальство идет в шахту лично осматривать рабочие места. Вот и начальник транспорта Дмитрий Трофимович Абрамов вместе с десятником по креплению Савиновым и десятником по ремонту путей Кротовым, спустившись в шахту, заглянули в диспетчерскую транспорта. Как раз в то время, когда диспетчер Петр Глебов старался понять по телефону сбивчивую речь Кати. Он растерянно доложил Абрамову:

— На пятом участке засыпало Федора Тищенко...

Буквально через полчаса после обрушения начальник транспорта был на месте обвала.

А что же Федор? Выждав некоторое время, пока не прекратило сыпать сверху, осторожно расширил отверстие и кубарем скатился по склону завала. Отбежал в тупик выработки и здесь стал размышлять: что же

делать дальше? Ждать, пока восстановят выработку? Это, пожалуй, слишком долго будет. А что если рискнуть и проскочить на выход через завал? Потому что все, чему положено вывалиться, вывалилось и вероятность нового обрушения мала.

Полез по массе угля и породы вверх, в самый купол обвала. На мгновение лучом светильника осветил в разверзшуюся бездну над головой. Неприятно стало от картины угрожающе нависших массивных породин, готовых, кажется, вот сейчас, в сей момент, рухнуть на него. Втянув невольно от ужаса голову в плечи, спотыкаясь о валуны, как можно скорее побежал через завал. И выкатился прямо под ноги прибывшему к месту аварии Абрамову.

– Федор! Так ты жив и в полном порядке?

Не веря глазам, хлопали по плечам, обнимали:

– По твоему виду не скажешь, что только что был в опасности.

Тищенко в ответ коротко бросил:

– Два раза на фронте в танке горел. Будем считать, что в третий раз из горящего танка выбрался...

– Удивительным образом этот случай повлиял на Катю Гирш – она перестала заикаться. Через пару месяцев сдала в учебном пункте экстерном экзамены на право вождения подземного электровоза и долгое время работала вместе с Федором Антипычем в одной смене.

ЗОЛОТЫХ ЧАСОВ В МАГАЗИНЕ НЕ НАШЛОСЬ

История эта случилась много лет тому назад жаркой июльской ночью под землей.

– Стоит ли вспоминать прошедшее? – вопрошают герои этой истории.

– Стоит! – убеждаю их. – Потому что о настоящих поступках людям всегда интересно знать.

Получив наряд в очередную ночную смену, Владимир Степченко с молодым, еще неопытным напарником прибыли на рабочее место. Владимир поднялся со сбойки по печи, осмотрелся. Оставалась всего пара метров, чтобы пробиться печкой на промштрек. Крикнул напарнику, чтобы через скважину на канатике подал стойку для крепления. Уложил лесину поперек печи, чтобы сподручнее стоять ногами. Тронул кайлом по лежащей пачке в место, где намеревался сверлом пробурить шпур

под взрывчатку. И здесь произошло непредвиденное: уголь потек само-теком, словно вода. Редко, но такое в практике у шахтеров случается, когда пласт в результате горного давления сминается, и твердый уголь превращается в штыбу.

Ручеек угольной мелочи стремительно превратился в поток и, под-мыв крепление штрека, запечатал наглухо печь.

Владимира прижало к висячей породе, где образовался небольшой защитный козырек. Так что воздух для дыхания был. Но на тело давила масса угля, каска врезалась краями в голову.

Когда случается беда, то важно, чтобы рядом оказался мужествен-ный, хладнокровный человек. На этот раз таким человеком оказался товарищ Степченко, Василий Давыдов, который в эту самую смену ра-ботал неподалеку под щитовым перекрытием. Он поспешил на помощь.

На сбойке собралась вся ночная смена, все были в растерянности:

– Помочь Степченко нет никакой возможности, не полезешь же навстречу лавине угля!

Давыдов не колебался. Мгновенно оценив ситуацию, поднялся до места, где наглухо запечатало печь. Высветил своим светильником все пространство:

– Работать начнем немедленно, надо только сделать для себя пере-крытие, за которым можно будет прятаться от лавины угля.

Сделав такой полук, Василий стал перепускать уголь. Получив сво-боду, уголь теперь не хотел останавливаться. Сыпал и сыпал. Бесконеч-ным потоком. Загрузили первый состав. Снизу кричат:

– Василий! Постарайся перекрыть печь! Чтобы мы второй состав смогли под люк поставить.

Но разве такую махину остановить? Попробовал рукоять кайла поперек печи вставить, так рукоятка, словно спичка, переломилась пополам.

Печь стремительно засыпало, поскольку уголь внизу не отгружали. И теперь уже сам спасатель полностью оказался засыпанным углем. Закрывшись курткой, Василий Давыдов отвоевал себе небольшое про-странство, в котором можно было бы некоторое время дышать.

Наконец-то поставили новый состав вагонеток и уголь стали от-гружать из печи. Но в этот самый момент отказал скребковый конвей-ер, не выдержала техника. Пришла очередь слесарям проявить свое уме-ние и в считанные минуты заменить турбомуфту. Заменить, не теряя

драгоценных мгновений, потому что на кон поставлена жизнь. Мало того, целых две жизни. А каждое мгновение в такой ситуации кажется вечностью.

Жена Владимира Васильевича Степченко, Александра Ивановна, как обычно, в то утро встала засветло, чтобы перед уходом на работу приготовить еду для троих своих детишек. И отправилась на работу, она тогда трудилась в центральной аптеке № 30 провизором. С отдаленного от города поселка Каменка лучше с запасом выйти, чтобы не опоздать на работу. Известное дело, автобусы график движения не четко выдерживают.

Только из автобуса вышла, как окликает знакомый, на одной шахте с Володей работает. Поздоровался и задает такой странный вопрос:

— А что, Александра Ивановна, какой вы сегодня сон видели?

Удивилась, чего это про сон интересуется? Но он ушел от ответа:

— Да ничего, ничего! Это я так просто спросил...

Однако на душе стало беспокойно. Володя-то еще с шахты не вернулся.

Позвонила в здравпункт на шахту своей знакомой:

— Что там, на шахте, все ли в порядке?

А подруга-то думала, что Александра в курсе дел, и говорит:

— Не волнуйся, Саша! С Володей переговариваются, скоро его из завала достанут!

Бросила трубку Александра Ивановна и побежала на шахту...

А Владимир Васильевич, когда угольный поток на мгновение приостанавливался, молился:

— Господи! Ведь у меня же трое детишек! Не оставь сиротами, дай их поставить на ноги! За что мне это испытание?

Почему-то подумал и о том, кто из близких и знакомых на похороны придет...

А потоки угля не прекращаются. Вот вроде бы приостановится, как с новой силой хлынет, и уже могучая спина Владимира устала принимать удар за ударом. Как только раздавался где-то вверху шум обрушения очередной пачки угля, он готовился к новому удару. Набирал в легкие воздух и напряживал мышцы спины, тем самым смягчая силу удара. Когда запечатывало, выдыхал воздух и молился.

Время летело стремительно, час за часом. Какой по счету состав был загружен углем — это уже потом подсчитают. А сейчас надо было как-то остановить уголь.

Василий дважды спускался на сбойку, чтобы заменить сломанное кайло. Весь побитый кусками угля, он чувствовал, что все, вот-вот кончатся его силы. И ругался, когда же все это закончится! Будет ли у этого угольного потока конец?

И, словно услышав его, из недр земли выползла большая и крепкая угольная глыба. Перед самым входом в печь, наткнувшись на лесину, остановилась, образовав пробку.

Добравшись до пробки, Василий Петрович для надежности еще закрепил эту глыбу срубом и затяжками. Потом ему подали ножовку снизу, и он перепилил бревна, на которых коленями стоял Степченко.

Помог выпрямить затекшие ноги и рывком высвободил Василия. Перенес сперва на полок, потом спустил к сбойке, где ждали товарищи. Был полдень.

Всего же через Степченко и Давыдова за двадцать один час пропустилась 261 тонна угля, 87 вагонеток.

Неделю пролежал в больнице Владимир Васильевич Степченко. Переломов, к счастью, не оказалось. А ушибы и сдавленности тканей постепенно прошли, и ноги стали разгибаться, хотя и с трудом.

Пришел к директору. Спрашивает Константин Федорович:

— Как себя чувствуешь?

Однако и без ответа видит, рано еще забойщику в шахту. Звонит к лечащему врачу:

— Вы почему так рано выписали на работу Степченко?

— Не положено! У него нет переломов!

Вспылил директор, трубку швырнул. Говорит Владимиру:

— Собирайся в профилакторий, отдохнешь месяц на природе. А там и о дальнейшей работе можно будет подумать!

Василия же Петровича искренне поблагодарили за проявленное мужество, пригласили на банкет по случаю счастливого спасения шахтера. Но он, уставший и физически, и морально, когда все тело побито и иссечено, после первой же рюмки водки сразу опьянел и тут же, в кресле за столом уснул.

Профсоюзный комитет вынес постановление наградить Давыдова именными золотыми часами. Да вот беда, на тот момент не оказалось в магазинах таких часов. Пообещали... но со временем забыли.

— Но не это же в жизни главное! — сказал Василий Петрович.

ТРИ ТОЧКИ ОПОРЫ

Давно это было, стоит ли вспоминать... разве только для того, что кто-нибудь, прочитав, поостережется в подобной ситуации.

В КРО (курсы рабочего обучения) перед первым поступлением на шахту новички в обязательном порядке проходят основные правила поведения в шахте, узнают о газовой и прочей безопасности.

Хорошо помню, как по-матерински наставляла нас мастер курсов Тамара Владимировна Сотникова:

— Ребята, особенно будьте внимательны при передвижении по наклонным и крутым выработкам. Следите, чтобы при спуске или подъеме по ходовому отделению ската у вас постоянно было три точки опоры. Как у альпиниста во время передвижения в горах.

Запали в голову ее слова, придерживался этого правила: две ноги на трапе и рукой держусь, второй перехватываюсь, затем двумя руками держусь и стою на одной ноге, пока вторую передвигаю. Но все же порой, когда торопишься или же хочется показать удаль глупую, спускаешься лихо по трапам лицом вперед. В таком положении едва придерживаешься рукой за стены выработки. Достаточно соскользнуть ноге — и рискуешь сорваться. И кто сейчас подсчитает, сколько из-за поспешности, бесшабашности пострадало отчаянных голов...

По этой причине пострадал однажды и мой друг. После окончания 41-го училища Олег К., став неплохим электрослесарем, быстро вошел в шахтерский коллектив. Уже после нескольких лет работы его фотография красовалась на Доске почета шахты. Женился. И мы вместе с ним ожидали того момента, когда он станет отцом.

...Очистное поле по пласту Мощному. Щит попал в аварийную ситуацию, и его стало невозможно вести дальше. Чтобы взять уголь, стали работать погашением. После окончания отпалки запальщики долгое время не могли войти в рабочее пространство.

— Олег, — попросили забойщики, — найди вентиляционную трубу. Вентилятор есть, но надо кусок трубы, чтобы продуть загазование.

— Один момент, — бодро отозвался Олег. — В ходовом отделении, выше нашего промштрека, висят трубы без работы. Сейчас я одну сниму и притащу!

Он пробежал по приводу до ската и попытался приподнять ляду, чтобы попасть в ходовое отделение. Но ляда сверху оказалась засыпан-

ной углем и породой. Потому что пласт был на доработке, и скату оставалось служить совсем немного.

Заглянул тогда Олег в грузовое отделение. Выше, метрах всего-то в пяти-шести, со стороны ходового отделения оторваны плахи, и туда можно было попасть. Присмотревшись, Олег прикинул, что в некоторых местах вполне возможно зацепиться рукой и ногой. Не колеблясь более, выбрался в скат, поплевал на руки и полез вверх, приговаривая про себя: «Две руки ухватились за обшивку, нога крепко опирается на почву, значит, можно переступить свободной ногой. Так, все правильно, теперь зацепиться рукой повыше...»

Вот так, понемногу поднимаясь вверх, приблизился к желанному отверстию. Теперь остается забраться в ходовое, а обратно можно спуститься по ходовому отделению и очистить ляду.

Оставался последний отрезок, но щель между плахами, за которую мог уцепиться рукой, была явно выше, чем можно было бы дотянуться. И тогда Олег решил, оттолкнувшись ногой, подпрыгнуть и уцепиться в прыжке за угол плахи. Его расчет оказался неверным всего на какой-то сантиметр-другой. Но для трагедии этого оказалось достаточно.

Потеряв опору, тело тут же заскользило вниз, стремительно набирая скорость. Выступающие из щелей гвозди и камешки угля рвали грудь, руки. Закричал было, но тут же подумал: какой смысл кричать, на штреке никого рядом близко нет – никто не сможет помочь.

Он упал на стоящую торчком плаху, его перекинуло через углеспускные банки. Хорошо еще, что не попал в это металлическое жерло!

Забойщики, услышав вскрик Олега, спешили на помощь, а он спустил штаны, чтобы посмотреть на рану. И чуть ли не с юмором произнес:

– Ребята! Кажется, яички целы! Живем!

В полушоковом состоянии самостоятельно спустился на основной штрек, заботливо подстраховываемый товарищами, насколько позволяла стесненность выработок.

Когда Олег стал поправляться и вставать, всей сменой пришли проведать его в травмбольницу. Передачу и записку нашу взяли, но в палату не пустили. В те времена очень строгие правила соблюдались в медицинских заведениях, стерильность неукоснительно соблюдалась. (Это сейчас больничные палаты превратились в проходной двор...) Сказали медсестры:

– Ступайте на улицу и смотрите в окно палаты, он лежит на третьем этаже.

Скажите, что можно разглядеть на третьем этаже, да еще в декабре, когда окна наглухо задраены? Однако спрашивать бесполезно. Выйдя на улицу и завернув за угол, увидели следующую картину: жена Олега с животом, выпирающим через пальто, что-то чертит на сугробе прутиком.

Мы не стали мешать, наблюдая со стороны. Оказывается, таким образом Олег переговаривается с ней. Большими буквами во весь разворот школьной тетради написал:

– Какое имя?

А она в ответ чертит прутом по сугробу, утопая по самые колени:

– Юра!

ПОТЕРЯЛСЯ

Из воспоминаний Парханюка Михаила Григорьевича

Это сейчас спуск и выезд из шахты строгий учет имеют. Необходимость такого учета продиктована была не раз самой суровой действительностью.

Пришлось мне пережить несколько очень неприятных часов из-за несовершенства такого учета, имевшего когда-то место. И, конечно же, из-за моей личной неосторожности.

В 1944 году это случилось. Как раз в День Красной Армии. Дела на фронте шли хорошо, настроение у горняков было приподнятое – ожидали скорого окончания войны, возвращения родных и друзей. И седьмой участок, которым я руководил, постоянно перевыполнял план.

В шахту я ходил ежедневно. Вот и в этот день, как обычно, направился к шурфу, чтобы спуститься в шахту и лично убедиться, что на участке все в порядке. Перво-наперво заглянул в верхнюю лаву. У забойщиков работа спорится. Они после отпалки обирают кровлю и готовятся к креплению забоя. Кровля крепкая, надежная – проблем нет.

Спустился я в тот день, как обычно, в шахту. Осмотрел забои, по лаве спустился и направляюсь к скату по промштреку. Заглянул в печь, пройденную на обрезном. По ней вскорости планировал разрезку пройти для новой лавы.

Думаю: «Дай-ка по этой печи пролезу наверх. Посмотрю, в каком состоянии. А там, по обрезному штреку, и пойду на-гора.

Печь эта была пройдена с перегибом в центральной части — снизу под углом в 45 градусов, а выше пошла круче, уже под углом в 60 градусов. Так угольный пласт здесь залегает.

В месте перелома пласта два рештака вложены были, потому что уголь здесь останавливался и самотеком по почве не хотел идти.

Подлез я к этому месту, а там уголь откосом стоит. И показалось мне, что по нему можно вполне спокойно на обрезной вылезти! Дай, думаю, посмотрю, в каком состоянии крепление находится. Может, какой ремонт требуется произвести.

Подлез я, значит, к месту перегиба, свечу лампой вверх, смотрю, а там все сечение печи углем запечатано. «Это ничего, соображаю, выше не должно быть много угля. Пролезу». Тронул уголь носком сапога, он тихонько скользит по рештакам. Снова ковыряю. Незаметно увлекся. Спихватился только тогда, когда увидел, что путь назад отрезан, и снизу теперь печь оказалась запечатана углем.

Оставалось одно — перепускать уголь и дальше. Так и продолжал — уголь перепускается понемногу, а я продвигаюсь вверх. Перегиб все круче.

Естественно, наступил такой момент, когда уголь больше не мог держаться и рухнул всей массой, увлекая меня за собой. Успел только курткой закрыться. Так, чтобы сразу не задохнуться.

Запечатало — ни рукой, ни ногой не пошевелить. Ну, думаю, неужели погибать придется? Дышать тяжело — сдавило крепко. Однако вскорости полегче стало. Ворочаюсь потихоньку, уплотняю уголь по сторонам. Он влажный, мелкий, как песок, клеится, как глина. И стало просторно, словно в большом мешке. От такой работы разогрелся, тепло, даже каску снял. По-над огнивами воздух просачивается. Повеселел немного — жить можно.

Что делать в такой глупейшей ситуации? Это же надо! Что мои рабочие теперь скажут — начальник участка в мышеловку попал!

Теперь подниматься через уголь вверх рискованно, может и наглухо запечатать, остается одно — набраться терпения и ждать. Ждать, пока не хватятся.

Почти трое суток в угольном мешке, словно в капкане, пробыл. Но самое обидное, что не сразу меня хватились. Слышу, в лаве работают, палят. Потом наступает тишина — смена рабочая меняется. Снова стук кувалды — крепят лаву, бурят и звук отпалки. Считаю: четыре смены прошло, а помощь все не торопится идти ко мне.

Однако моя жена, как и ожидал, тревогу подняла. Она с ног сбилась, не знает, куда я запропастился, где искать меня. На шахту прибежала, требует:

— Где мой Парханюк! С ног сбилась, не знаю, где его искать!

Ей отвечают:

— Все проверили, в шахте его нет, не иначе где «на стороне забурился».

— Такого не может быть! — возмутилась моя Степанида Назаровна. — Ищите в шахте!

Наконец районный инженер П. А. Дисунов, проходя по обрезающему штреку, обратил внимание, что печь была полная до самого верха, а теперь уголь немного опустился. Послали трех рабочих выгрузить уголь из печи. А они не торопятся, не верят, что мог я сюда попасть. Слышу — «ширк» лопатой и тишина. Потом снова «ширк».

Я кричать уже почти не мог, однако пытаюсь. А они услышали и рассуждают: «Это не Парханюк, он же не крот, чтобы через уголь пролезть! Это в лаве разговаривают. Смотри, какая слышимость!»

А уголь тем временем понемногу отгружают. А как стало осыпаться ко мне поближе, так я уже не кричал, чтобы уголь не двинулся снова. Потом, как только щель образовалась достаточно широкая, — я прыгнул. А точнее — выпал. А ребята с перепугу убежали подальше. Не ожидали моего появления вовсе!

А я закоченел, шевелиться не могу. Такие дела!

Михаил Григорьевич задумчиво покачал головой, вновь переживая тот случай, и закончил:

— Ох, ребята! Как важно в шахте не терять чувство осторожности! Это мы потом уже говорим, что случай произошел на ровном месте. А что бы до того, чуть-чуть пораньше поразмыслить? Помните об этом постоянно.

**ИЗ ВАГОНЕТКИ ТОРЧАЛА НОГА,
за которую Федор выгнал оттуда Семена**
(Рассказал Виктор Иванович Козалев,
ветеран шахты «Центральная»)

Мне, как любому горняку с многолетним стажем работы в шахте, есть что вспомнить. Работа есть работа, и случаются непредвиденные ситуации, когда рассуждать времени не остается, интуиция является решающей в выборе действий.

Это было в 1968 году. Я в проходке работал старшим смены. На пару со мной ходил Федя Бойдов. Это был настоящий богатырь. Он не казался очень полным, хотя и весил 120 килограммов с лишним. Проходили мы какую-то выработку с основного квершлага рядом с очистным участком № 8. Крепим забой, как вдруг прибегает откатчик с этого участка и кричит:

— Ребята, выручайте! Моего напарника Семена засыпало в вагонетке!

Как засыпало, времени выяснять нет, бегом за ним. Прибегаем на погрузочный пункт и видим: стоит вагонетка, пересыпанная углем до самого люка. А сверху из угля торчит нога.

Хватаю лопату, намереваюсь откинуть уголь. Федя останавливает меня:

— Мы его лопатой поранить можем. К тому же пока откапываем, он задохнется. Дай-ка я его попробую за ноги вытащить.

Столкнули мы руками уголь с борта вагонетки. Ноги мужику расчистили до колен. Встал Федя на борта, ухватился за ноги. С первого раза соскользнули сапоги пострадавшего и выпали из рук. Федор присел пониже, крепче взялся за ноги. Поднатужился и разом выдернул Семена из угольного штыба.

Посадили Семена на ящик из-под аммонита, привели в чувство. У него глаза неестественно большие и белые, с перепугу вращаются быстро-быстро по кругу. Явно в шоковом состоянии находится мужик. Из фляжки даем попить водички. А его товарищ тем временем рассказывает, как все произошло.

Когда ставили под погрузку очередной вагон, то бункер прикрыли сектором, и он заполнился углем. А когда стали выгружать, то он из бункера не идет. Спрессовался немного, такой был уголь, сплошной штыб. Взобрался Семен на вагонетку и стал специальной шуровкой шевелить уголек. До самых углеспускных банок очистил. А как только непосредственно в углеспускной банке тронул уголь, так тот и ринулся лавиной. Сбил Семена, и он вниз головой нырнул в вагонетку.

Нашли мы сапоги, помогли надеть. Неожиданно Семен, отдышавшись, подхватился на ноги и пустился на-гора.

— Как бы чего с ним не случилось! — забеспокоились мы. Направили следом и его напарника.

Когда после смены поднялись из шахты, то в кабинете нас поджидал спасенный нами откатчик. Уговорил зайти к нему в гости, рядом

с шахтой жил. За рюмкой водки признался, что сильно перепугался и даже задумывается, не уйти ли с шахты. Но страх этот у него был мимолетным, и он продолжал работать в шахте еще многие годы.

В ПОДЗЕМНОМ ОЗЕРЕ

(Это купание могло бы обернуться трагедией, но окончилось таблеткой аспирина и баней.)

Алексей Владимирович Дмитриев в свои 72 года крепок, подвижен и обходится без очков. А ведь отработал не где-нибудь, а под землей 44 года и на одном месте — на шахте № 5-6. Всего лишь шесть лет поверхностного стажа, когда до армии жил в колхозе, так что в общей сложности ровно полвека трудовой деятельности. Работал он все годы исключительно на рабочих должностях. Особых наград и почестей не заслужил, а вот вспомнить есть что...

— Дает однажды, — рассказывает он, — начальник участка наряд: «На «минусе», на котором мы все угольные пласты отработали, надо забрать электрооборудование. Ваша задача на сегодня — вдвоем с Рахимовым вытащить кабель, он нам срочно нужен для подключения электрооборудования на новом очистном поле. Только имейте в виду, там водичка из почвы подпирает, так что сапоги наденьте крепкие, без дырок!»

Ничего вроде бы сложного. Переоделись — и в шахту. Рахимов (не помню как его татарское имя, мы его на русский манер называли Василием) доволен жизнью:

— Сегодня у нас с тобой, дядя Алексей, отличный наряд! Кабель в два счета выдернем, а потом и отдохнуть можно будет!

— Не сглазь, — отвечаю. — Еще неизвестно, сколько там кабеля, да не зажало ли где... Кстати, имей в виду — в шахте легких нарядов не бывает!

Не обмануло меня предчувствие. Спустились мы по уклону на минусовый штрек, а здесь — мать честная! — вода по всей выработке — ступить некуда.

Василий запаниковал было:

— Давай, дядя Алексей, двинем на-гора! Что нам здесь, купаться, что ли?

— Не суетись! — отвечаю. — Для начала замерим уровень. Ткнул палкой в воду, и она почти наполовину скрылась в воде. Однако говорю:

— Как идти на-гора? Кабель-то, если не сегодня, так завтра забирать надо. Подумаешь, ноги промочим! Ты уж посмотри на себя — какой бугай вымахал, никакая простуда не возьмет!

Залезли мы в воду, сначала вроде бы холодно, а потом ничего, разогрелись даже. Бежим по подземному озеру, кабель с подвесок срываем, не обращаем внимания на брызги, которые на нас летят.

Василий в азарт вошел, впереди меня бежит:

— Это даже интересно, дядя Алексей. Кто еще может похвалиться, что купался на глубине семьсот метров под землей? Эх, сейчас бы нам с тобой в баньку!

Мигом полтора метра кабеля с крючков скинули и бегом по уклону вверх. Кабель по воде, словно щука, легко скользит. Смотреть — десяток минут.

Присели мы, воду из сапог слили, портянки отжали. И тут мой напарник всполошился:

— Что-то гарью потянуло. Смотри, Алексей Владимирович, ведь это же дым по выработке валит!

В одно мгновение все заволокло дымом, даже крепление выработки на расстоянии руки не видать. Кинулись мы к самоспасателям, хорошо, что недалеко их бросили. Мой напарник совсем растерялся:

— А я забыл, как в него включиться!

Объяснять некогда, рванул я за крепежный ремень самоспасателя, крышку откинул в сторону и маску помог натянуть на голову. Затем свой самоспасатель надел.

Легли мы в водосточную канаву и поползли по ней на выход. Когда на главный квершлаг вышли, на свежую струю, то скинули самоспасатели.

А на шахте уже всполошились — пожар на участке! Военизированный взвод ВГСЧ спустился в шахту и навстречу спешит. Проводили нас до здравпункта, спрашивают:

— Как самочувствие?

— А что самочувствие? Нормально! — отвечаем.

Однако директор приказал отправить нас в травмбольницу.

Пробыли мы в травмбольнице пару часов под наблюдением врачей. Мало ли, вдруг угарного газа наглотались! Однако все нормально, дали только по паре таблеток аспирина от простуды и отпустили.

И направились мы с Василием напрямую в городскую баню. Ох, и попарились! Кажется ни до того, ни после не чувствовал я такого блаженства от горячего веничка!

СПИРТ НЕ ПО ВКУСУ

Из воспоминаний Леонида Петровича Елисеева

Зимой 1961 года произошел этот случай. Работал я в то время на шахте имени Молотова инженером по технике безопасности.

Среди ночи поднял телефонный звонок. Горный диспетчер Гена Попов коротко сообщил:

— На пятом участке ЧП! Забойщик вместе с углем в углеспускную печь «ушел». Ни до кого пока дозвониться не удалось, тебя первого ставлю в известность.

Сон пропал разом. Отвечаю:

— Сейчас буду. Обеспечь, пожалуйста, без заминок, дорогу в шахту.

Откинув одеяло, сунул босые ноги в валенки, набросил пальто и нахлобучил шапку. Некогда тратить время на одевание, тем более что через минуту предстоит одеться в спецовку. Хорошо, когда живешь недалеко от места работы.

Прибегаю в комбинат, здесь двери открыты, в мойке спецовка на лавке дожидается. Оделся моментом и в ламповую. Бегом к стволу, на ходу светильник к поясу ремнем привязываю.

Клеть наверху находится и решетки открыты. Одним словом, через десяток минут после звонка диспетчера уже был на участке. Поднимаюсь по ходовому отделению, про себя соображаю — падение пласта пологое. Так что уголь, попав в печь, не набирает большой скорости. Значит, шансы на то, что забойщик жив, имеются.

Навстречу сверху спускается напарник пострадавшего Герхард Павлович Вальтер. Обрадовался, что кто-то на помощь пришел. Рассказывает, что Николай Бычик, молдаванин по национальности, попал в переделку, когда пытался пропустить остановившийся уголь.

Посоветовались с Герхардом, решили, что он должен в этот момент находиться где-то немного ниже уровня нижней сбойки.

— Может, стоит разгрузить печь? — предположил Герхард.

Но, поразмыслив, не решились. Потому что кусками угля может перемять Николая.

И тогда решили забить проколоты, чтобы остановить вышележащий уголь в печи.

Вальтер побежал наверх за проколотами, а я стал простукивать со слабой надеждой, что откликнется, и точно! Из-под угля послышалось шуршание и стоны. Живой, значит!

Вальтер с проколотами подоспел. Быстренько забили несколько проколов на уровне огнив и стали откидывать уголь.

Кажется, целую вечность выцарапывали уголь, на самом же деле через каких-нибудь полчаса мы уже добрались до головы Николая. Очистили доступ ко рту, глазам, спрашиваем: — Ну что? Как ты, в порядке?

А он не может говорить, сдавило грудь. Только и поняли, просит поскорее откопать.

И в этот момент подоспел взвод ВГСЧ (военизированная горно-спасательная часть).

Как споро они его отрыли одними руками! Потом взялись за его ремень и одним махом выдернули Бычика из западни. Босого, сапоги остались в угле.

Спустились все на основной штрек. Здесь и медсестра поджидает. Поставили противошоковый укол, как я думаю. Ощупали Николая: руки ноги, ребра проверили — все в порядке, только по виду еще очумелый, не осознает толком, что произошло.

Гляжу, управляющий трестом Николай Вячеславович Вайниканис смотрит на забойщика по-отечески, тоже радуется, что все благополучно обошлось. Шепчет что-то медсестре. Та согласно кивает и наливает в мензурку какой-то микстуры. Наверное, лекарство.

Николай, не ожидая подвоха, сделал глоток и поперхнулся. Закашлялся, стал отплевываться. Отшвырнул он эту мензурку с жидкостью в сторону, подхватился на ноги, обмотанные одеялом, и зашагал к стволу.

Вот оно в чем дело! Оказывается, спирт для согрева организма дала медсестра. Но спиртное Николай Бычик, как и его напарник Герхард Вальтер, категорически отвергают. Потому-то и работают вместе.

А все мужики с шахты долго обсуждали такое кошунственное отношение и переживали, что спирт пропал даром. Ну ладно, не пьешь сам, так зачем проливать, отдал бы кому другому!

...Опять же, ведь и он не виноват в том, что ему налили спирт.

СУТКИ В ЗАВАЛЕ

Это произошло 19 июня 1989 года в три часа дня. На пятнадцатом участке шахты «Центральная» во время внезапной посадки лавы раздавило конвейерный штрек, где работали люди. В момент аварии забойщик Г. В. Шолохов находился на хвостовой части конвейера. Выскочить

в безопасное место у него не было возможности. В борьбу за его спасение немедленно вступили части ВГСЧ, горняки участков № 15 и 12.

Трудовой ритм на шахте не прерывался, но на каждом подземном участке, в каждом забое ждали вестей, звонили дежурному по шахте:

– Как там дела на пятнадцатом?

И словно гора с плеч свалилась при сообщении:

Шолохов жив! С ним перестукиваются!

...Обвал произошел внезапно. Из лавы засорило кусками породы, тут же зашумело сплошным каменным потоком и затем так ухнуло, что заломило в ушах от ударной волны.

Испуга Гена не испытал, просто не успел, так неожиданно и мгновенно произошел обвал. Даже не сориентировался, где безопаснее – отбежать ли подальше в тупик или же остаться на месте.

Осела медленно пыль. Прошло оцепенение. Огляделся. Впереди нагромождения породы, под которой над рештками узкое пространство – щель. До тупика метра три–четыре, там выложена перемычка, обтянутая вентиляционной трубой, чтобы исключить подсос воздуха.

Забойщик зябко повел плечами. Куртка осталась на головной части привода. Прислушался. Где-то над головой глухо пересыпалась порода. Скоро стало совсем тихо – недра подземные успокоились.

Посветил аккумулятором в узкий лаз над самой цепью привода. Что там дальше, можно ли пробраться? Порода сверху угрожающе скалилась острыми краями.

Решился. По-пластунски, как учили в армии, изгибаясь всем телом, медленно преодолевал опасный проход, не задев ни за один коварный уступ. Через пару метров проход расширился. Можно было сесть. Остатки крепления штрека и лавного леса задержали массу породы, создавая впечатление заряженного капкана, подстерегающего жертву. Дальше не было даже малейшей щелки, запечатало выход сплошным. Покричал – прислушивался – никто не отзывается. Так же попластунски вернулся назад, к перемычке...

Артур Константинович Гринимеер, начальник пятнадцатого участка, получив сообщение о происшествии, через час был на пласту. Здесь уже действовало подразделение ВГСЧ, согласовывая свои предстоящие действия с главным инженером шахты Геннадием Анисимовичем Ситниковым. В течение суток главный инженер вместе с начальником участка не покинул места аварии.

В тесном пространстве штрека, казалось, не только работать, повернуться негде.

Разъединили скребковую цепь привода у завала, подсоединили хвостовую. Заработал конвейер. Спасатели и горняки, сменяя друг друга, непрерывно кидали породу на скользящую скребковую цепь. Транспортники дежурили под скатом, загружая вагон за вагоном. Загрузили породой первый состав, двенадцать шахтовых вагонеток. А порода не кончалась, подсыпала и подсыпала бесконечно сверху, не давая продвинуться ни на сантиметр. Пришлось бить проколоты. Так понемногу отвоевывали пространство.

На штрек поднялись горняки третьей смены, чтобы заменить товарищей. В повестке горного мастера на производство работ одна запись «Вести работы по спасению человека».

За пять часов продвинулись на пару метров. В очередной раз попробовали стучать по рештакам, что торчат из-под завала. И вдруг — чуть слышное ответное постукивание. Все замерли, чтобы убедиться: кто-то из забойщиков вновь стучит по рештакам, и в ответ — стучат! Сомнений нет — отвечает Шолохов...

Сколько прошло времени, точно определить Гена не мог. Прикидывал: наверное, новая смена должна прийти, лезли невеселые мысли. Нет, голодной смертью не хотелось бы помирать. Где-то рядом слышно журчание воды — так что если сильно пить захочется, то можно будет раскопать. Вот что бы сделать, чтобы согреться? Сорвал прорезиненную ткань с перемычки. Укутался. Вроде бы потеплее. Есть время поразмышлять о жизни. О том, что сделал полезного, чего не успел. Как-то там дочка? Всего полтора годика ей. Выручат ли его из каменного плена? И как скоро... Гнал сомнения прочь.

Когда перед поступлением на шахту учился в учебно-курсовом комбинате, то, помнится, рассказывали, что в Донбассе с километровой глубины спасали горняков. А здесь всего-то три сотни метров от поверхности. Никаких сомнений не должно быть. Но что это? Вроде бы стук! Забыв осторожность, юркнул в узкий лаз, туда, к самому завалу. Подполз. Точно, стучат. Нашел кусок скребковой цепи, стал стучать в ответ. А затем, прислушавшись, и голос услышал. Далеко, но все же можно разобрать:

— Как ты? В полном порядке?

— Нормально! Только замерз!

— Крепись! — это кричал Артур Константинович. — Мы пробираемся к тебе. А ты уходи к перемычке и жди.

Ждать пришлось достаточно долго. Только через сутки увидел вновь человека Гена Шолохов. Это был Артур Константинович Гринимеер, который, как только образовался проход, пополз навстречу Шолохову. И прополз. Обнялись. Гена хотел пропустить Артура Константиновича вперед, но тот не согласился:

— Полезай первым, только осторожнее, не задевай за породу. А если за тобой завалится, то будете уже меня откапывать...

Но все закончилось благополучно. Спасатели и товарищи по работе протягивают спасенному термоса с горячей пищей, воду. Врач первым делом о самочувствии интересуется, пульс проверяет. Кто-то накинул на плечи телогрейку.

— Сколько же я пробыл в завале? Часов семь? Или все десять?

— Да что ты — больше суток! Сейчас восемь вечера, а тебя пересыпало вчера в три дня...

Аппетита не было. Чтобы не разочаровывать друзей, зачерпнул из термоса горячего супа. Поел нехотя, не терпелось скорее на поверхность. Увидеть небо и солнце. Хотя солнце только завтра, а сейчас на небе одни звезды...

Геннадий Шолохов две недели по решению профкома отдыхал в профилактории, потом вновь вышел на работу. Встретился с ним. Поговорили. Пришли к мнению: да, ничего особенного не произошло. На месте Гены, как говорится, может оказаться любой из нас, работающих в шахте. Но как этот любой повел бы себя в критической ситуации?

Мы знаем немало примеров, когда ученые добровольно спускаются под землю и проводят там долгое время, месяцы. Проводят на себе испытания возможностей человека к выживанию в условиях тишины, одиночества... Только одна существенная деталь — испытуемый знает, что в крайнем случае его в любой момент готовы поднять на поверхность. А в шахте в случае завала? Когда никто не может предсказать последствий? Вот тогда-то разные люди ведут себя неодинаково. К чести Геннадия Шолохова, он не пал духом, начал с того, что расчистил хвостовую, чтобы свежий воздух поступал между рештками. Экономил свет аккумулятора, зажигал только в том случае, когда надо было пролезть по проходу.

— Сейчас я понял, — говорит Геннадий, — что в своей жизни мы не всегда готовы к испытаниям. Но в любой критической ситуации нельзя терять оптимизм.

Ну а дома? Там все нормально. Дочурка не отходит от папы и не подозревает, какие испытания ему пришлось выдержать.

ОТРУБИТЕ МНЕ РУКУ!

Со слов Марата Михайловича Зинатуллина

Случилось это в декабре 1991-го. Ничто не предвещало неприятностей. Пришли на первую смену, как обычно, под гибким перекрытием осмотрелись, стали готовиться к посадке щита. Появился помощник начальника участка Марат Михайлович Зинатуллин. Обратил внимание, что последняя секция гибкого перекрытия выполнена некачественно:

– Это кто же схалтурил – торцевой канат оголен! Порода может в этом месте прорваться.

И долго не размышляя, полез в купол над перекрытием взглянуть.

– Куда ты? – крикнули ему. – Не лезь туда, опасно! Сейчас посадим перекрытие и минуем это место.

Но он не послушался. И в этот момент породная подушка пошла на посадку. Марат среагировал на опасность мгновенно: единственная возможность спастись – прыгнуть в печь ногами вниз. Но не повезло, зацепился курткой за срубину. И отцепиться времени не было – измельченные порода и уголь догнали Марата и его моментально пересыпало, сверху оставалась одна только голова. Благо, что как раз над головой, в створе печи, расперлась лесина, она-то его и спасла.

По верху откоса медленно сползло несколько не менее чем стокилограммовых породин. Прощли над лесиной и телом Марата, расперлись в печи. Следом сползла еще большая порода, которая улеглась аккуратно на груди Марата.

Потом уже он рассказывал, что дышать стало очень трудно. На грани потери сознания думал: «Только бы не полезли ребята откапывать сверху! Тогда вновь произойдет обрушение породы. И может засыпать всех вместе!»

Еще не осела пыль от обрушения, как забойщики стали решать, что предпринять, чтобы скорее и безопаснее спасти попавшего в беду. Кто-то предложил откачать породу приводом. Но бригадир категорически отверг это, потому что Зинатуллина просто размелет кусками породы. Решили вручную выковыривать породу из печи. Нашли рычаг-однорезку и стали расшатывать и кантовать куски породы.

Втроем – забойщик Гена Косых, Саша Андреев и горный мастер Николай Шайдуллин. Откуда силы брались, чтобы суметь выковырять такие породины и скинуть с Марата каменную плиту в полтонны весом! Откопать от мелочи было легче.

Но дело оказалось серьезнее, левая рука по-прежнему была зажата, ее крепко держала нижняя порода. А тем временем следовало ожидать нового обвала. Марат попросил:

— Если надо, ребята, отрубите руку!

— О чем ты говоришь? Не волнуйся, сейчас откопаем!

Изготовили деревянный клин и кувалдой забили под породину, зажимавшую руку. Удалось! Всего-то на сантиметр-другой удалось приподнять глыбу, но этого оказалось достаточно, чтобы выдернуть Марата из плена.

Марат Михайлович, когда его спускали на промштрек, обратил внимание, что рядом с печью в кусок плахи воткнут топор. Значит, и такой вариант не исключался...

В больнице находился Марат всего пару недель, переломы ребер зажили, но вывих руки долго давал о себе знать. А забойщикам Косых, Андрееву и горному мастеру Шайдуллину приказом директора за мужество, умелые и быстрые действия была объявлена благодарность с занесением в трудовую книжку, они были поощрены денежной премией.

Вот уже сколько лет Марат Михайлович Зинатуллин считает 15 декабря вторым днем рождения. И частенько на этот неофициальный день рождения заходят его спасители.

ЕЗДА ПО ШПАЛАМ

Федор Антипович Тищенко, танкист-ветеран войны, ветеран шахты «Центральная», машинист подземного электровоза

Как правило, трудовые вахты посвящались знаменательным датам: дню рождения Ленина и Сталина, красным датам 1-е Мая, 7-е Ноября. Частенько благодаря ударному труду в дни повышенной добычи вытаскивали горящий план всей шахты.

К дням повышенной добычи на шахте готовились основательно, заранее. Начальство проводило участковые собрания с разъяснением задач, важности слаженной работы каждого трудящегося. В фойе комбината гремела медь оркестра, воодушевляя идущих в шахту горняков. На дверях каждого участкового кабинета висели «молнии» с сообщениями об ударных достижениях каждой смены. Не скрою, испытываю настоящую тоску по тем дням, когда трудились с энтузиазмом.

Важная роль в успешном проведении таких трудовых вахт отводилась участку подземного транспорта. В подземном электродепо особенно тщательно готовились к эксплуатации электровозы, батареи получали повышенную зарядку.

В один из таких ответственных дней, 5 ноября 1974 года, спустился в шахту с нарядом поставить порожняк и забрать груз с 22-го очистного участка. Подземные пути изучил до малейшего стыка, так что врубил я контроллер машины до отказа и помчался по выработкам. И откуда было мне знать, что на участковой разминовке накануне порожняковую ветку разобрали. И диспетчер позабыл предупредить меня.

Подъезжаю я к этой самой разминовке и ругаюсь:

— Это кого же угораздило расклинить стрелку на грузовую!

Перевел стрелку, забрался в кабину и вновь ручку контроллера до упора.

Набрала машина скорость, заворачиваю за закругление и — здравствуйте — пожалуйста! Дальше рельсов — то совершенно нет, одни голые шпалы.

Еще толком и ситуацию не осознал, а реакция уже дает рукам команду: «Включить контрток!». И штурвал ручного тормоза кручу изо всех сил. Только что толку — машина с заклиненными полускатами продолжает свое движение. Инерция — большая сила.

Вышел я из машины — мать честная! Электровоз и восемь из пятнадцати вагонеток — на голой почве. Забойщики, поджидавшие мой порожняк, подошли:

— Эх, Антипыч. Как это тебя угораздило? Работы здесь теперь на сутки, не меньше. Считаю, мы свою повышенную сорвали.

А мне и без их разговоров тошно. Однако делать что-то надо. Звоню своему диспетчеру:

— Петр Федорович, высылай на помощь машину посильнее. И машинист чтобы был порасторопнее.

— Что случилось? — беспокоится, естественно, Глебов.

— Потом расскажу, сейчас нет времени.

Кто в шахте работает, тот согласится со мной: у нас, транспортников, взаимовыручка четко поставлена. Не успел я еще обойти забуренный состав, как примчался Иван Павлович Комиссарук.

Посмотрел он мою «работу» и заметил:

— Федор Антипович, такого мне еще не приходилось видеть. Однако, думаю, справимся.

Зацепил он своей машиной забуренный состав и потянул в обратную сторону. Хорошо еще, что за долгое время эксплуатации рельсовые пути оказались заштыбованными углем. И на месте убранных рельсов осталась колея. Вот по ней-то и пошел состав. Вагон за вагоном тянет Иван Павлович, а я лишь слегка направляю вагоны ломиком, чтобы полускаты точно попадали на рельсы при выходе.

И так это удачно у нас получилось, выдернули весь состав вместе с электровозом точно на рельсы. Не считая пары колес, ставших ребордами на рельсы. Так мы их плечом подтолкнули и порядок.

Въезжаю под погрузку, а у ребят участковых глаза округлились:

— Ты ли это, Антипыч? Мы тебя сегодня уже и не ждали. У твоей машины крылья, что ли? Без рельсов заехал на тридцать метров и выехал назад.

— А как же! — отвечаю. — Так оно и есть. У нас в депо есть хороший слесарь Спицын Анатолий Михайлович. Так он моей машине закрылки приспособил. Я как полный форсаж включу, так мой электровоз и взлетает над рельсами.

ЛУЧШЕ ХОРОШО ИДТИ, ЧЕМ ПЛОХО ЕХАТЬ

Устоять перед соблазном добраться до клетьевого ствола в вагонетке, вместо того чтобы идти пешком, не каждый может. Что скрывать, несмотря на строжайший запрет, тем более что каждый понимает, что это сопряжено с опасностью для жизни, находятся смельчаки, которые цепляются на полном ходу к вагонетке. Оправдывая свои действия сомнительным афоризмом: «Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!»

Что касается меня, то за свой тридцатилетний период работы в шахте ни разу не позволил себе проехать в шахтовой вагонетке, тем более прицепившись к ней.

Вы скажете: «Хорошо тебе говорить, если все время разъезжал по горным выработкам на машине!» Отвечу: не только на электровозе разъезжал, приходилось и пешком ходить немало. Но езды на вагонетке остерегался как раз из-за того, что по специфике своей работы яснее других представляю, насколько велика вероятность схода вагонетки с рельсов в любой момент, и в самый непредвиденный момент.

Множество случаев было в моей практике: забуры, опрокидывание, столкновение с встречной машиной или же с каким-то предметом...

Помню, в самом конце смены забрал груженный состав и потянул к стволу. Вагонеток двадцать. Гляжу, сзади замелькали огоньки шахтных светильников, затем исчезли. Не иначе забойщики и проходчики в вагонетку забрались, чтобы поскорее добраться до клетьевого ствола.

Остановил электровоз, иду вдоль состава. В самой середине недогруженная углем вагонетка, такое случается во время погрузки под бункером, когда люкогрузчик не сумеет вовремя затормозить вагонетку, и она проскочит люк. И получается, что масса угля в вагонетке располагается только над одним полускатом, а второй полускат бежит налегке.

Итак, значит, лежат голубчики и свет головных светильников выключили, чтобы горнотехнический инспектор, если попадетя навстречу, не обнаружил по свету.

Мне неприятности ни к чему, потому что инспекция претензии и мне предъявит. Всех попросил вылезти из вагона. И даже пояснил, что вагонетка, недогруженная наполовину, вдвойне опасна — достаточно небольшого толчка, чтобы эту вагонетку выдавило из состава.

Понятно вроде бы все разъяснил. Тронулся снова в путь. Только мужики снова тут же запрыгнули в вагонетку. Что же, прикажете мне, словно детей, без конца гонять? Должны и сами соображать.

Вскоре крутое закругление выработки на пути встретилось. Машина мощная, батарея только что с подзарядки, состав легко тянет. Только все же чувствую, что состав идет с некоторым напряжением. Остановил электровоз. За поворот захожу, так и есть! Эту самую полугруженую вагонетку выдавило и из-за нее следом еще два груженных вагона лежат на боку. Состав натянулся, словно звенья массивной цепи вдоль сплошного крепления деревянных стоек скользят.

Естественно, мужики мои как следует струхнули, как только я остановил состав, мигом повыскакивали. Один только Сергей Малютин остался. Бледный, растерянный.

— Не могу на ноги встать! — говорит.

Перепугался я не на шутку. Успокаиваю:

— Ничего, ничего! Успокойся, сейчас я тебе помогу.

Убедился, что с его ногами все в порядке, а двигаться не может из-за испуга, шок у него. Помог выбраться, напоил водой и посадил в сторонке.

С помощью самоставов поставил вагонетки на рельсы. Посадил парня к себе в кабину, если потесниться, то можно поместиться. Благополучно доставили груз до опрокида. И парень от испуга оправился, пошел к стволу своими ногами.

КОРОТКИЙ ПУТЬ – НЕ ВСЕГДА ЛУЧШИЙ

Вспоминает Нина Федоровна Орлова, ветеран шахты «Коксовая»

Вся моя жизнь связана с родной шахтой «Коксовая», где работала 37 лет. Работала в углехимической лаборатории. Работа поверхностная. Но если скрупулезно посчитать, то из моих 37 лет трудового стажа несколько лет все же отработала непосредственно в самой шахте.

Посудите сами, каждую неделю в годы войны вместо выходного спускались мы в шахту помогать шахтерам во время повышенной добычи угля.

Кроме этого, по установленному графику месяц – полтора работали на очистном участке откатчицами или, как проще называлась эта профессия, лопатчицами, вернее, лопатчицами. Работали в параллельных штреках под щитами, перекидывали уголь в углеспускные печи. Так что не понаслышке знаю, что такое щит или лава.

В годы войны, как сейчас помню, много шахтеров гибло в шахте. Не зря работу в шахте считали вторым фронтом. Технике безопасности внимания должного не уделяли. Уголь стране нужен был, так что война все списывала...

Зачастую, что тут говорить, несчастный случай происходит на ровном месте. По простой причине – неосторожное собственное твое поведение. Большинство трагедий можно избежать, если быть аккуратнее при спуске по ходовому отделению, при погрузке угля возле печи, да на каждом шагу надо быть начеку!

Я-то сама впервые в шахту спустилась, когда исполнилось только 19 лет, еще плохо соображала, что к чему.

Однако вскоре по шахте самостоятельно передвигалась. Дали мне наряд на дальний участок набрать пробы угля. Спустилась в шахту, а от ствола порожний состав отправляется как раз в моем направлении. В последнем вагоне ребята-шахтеры сидят. Состав мимо меня движется, еще скорость не набрал. Вот я и прицепилась. Стою на заднем буфере, руками за борт вагонетки вцепилась. Еду: все легче, чем пешком передвигаться. А ребята в вагоне обрадовались: как же, девушка вместе с ними едет! Приглашают в вагон:

– Прыгай сюда, к нам! Мы тебя не обидим!

– Еще чего! – думаю про себя и головой мотаю отрицательно.

А в шахте, известное дело, горное давление жмет на крепление, и огнивы от него в некоторых местах прогибаются совсем низко. Не успела я ничего понять, как одной такой просевшей огнивой с меня каску и сорвало. Так недолго и головы лишиться!

Перепугалась, естественно. Да и ребятам не до смеха, заругались на меня. Тут уж я про стеснительность забыла и в вагон забралась.

На участке, поднявшись на промштрек, набрала пробы непосредственно из угольного пласта, чтобы в лаборатории сделать химический анализ. И вздумалось мне спуститься по лаве, чтобы сократить дорогу. Нырнула я под две плахи, перегородившие дорогу крест-накрест (потом-то мне пояснили, что такой крест ставится как запрет движения), и стала спускаться по лаве. Спустилась больше половины лавы, как стойки кончились, оказывается, внизу их горным давлением выдавило. Мне бы по распорам назад уйти, да я упорствую, скатилась до самого низа по лежачей почве.

Здесь осмотрелась, а запасного выхода на параллельку нет! Все завалено углем, только у самых огнив параллельки щелочка имеется, через которую воздух протягивает.

И теперь только рассмотрела я, как грозно ошетибилась кровля лавы, так и кажется, что сейчас все на меня рухнет.

Запаниковала, стала уголь руками откапывать. Да где там, быстро выдохлась. И в отчаянии заплакала.

И надо же, на мое, видать, счастье, в этот момент на параллельный штрек поднялся горный мастер. И случайно заметил проблеск моего головного светильника.

— Это кого там нелегкая носит? — крикнул он, подойдя к самому завалу.

— Это я! Пороодоотборщица! — отвечаю.

— Какая еще там пороодоотборщица, — возмущается мастер. — Без вас мне забот хватает!.. Как только тебя занесло туда? Жди вот теперь, пока лопату найду!

Целую вечность, кажется, ждала, пока вернется. А потом он целый час выход мне раскапывал.

Вот и хочу сказать вам, ребята, что несчастье подстерегает в самом неожиданном месте. Так что будьте осторожнее, рассчитывайте последствия своих поступков.

ДВОЙНОЕ ПАДЕНИЕ

Однажды вечером идем с товарищем, вместе раньше работали на одной шахте, Геннадием Кузьмичом Косых, по главному бульвару, что находится на Тыргане. Погода отличная, народ прогуливается. В беседе не спеша дорога незаметно скрадывается. И вот Геннадий меня спрашивает:

— Обратил внимание на мужика, с которым я сейчас только что поздоровался?

— А с чего бы я на него должен был заострить внимание? — отвечаю. — Ты знаешь его, потому и поздоровался, а я его впервые вижу...

Оглянувшись, посмотрел я вслед уходящему, слегка прихрамывающему человеку и вопросительно посмотрел на своего товарища.

Когда Геннадий рассказал историю, которая приключилась с этим человеком, то появилось желание разыскать его и познакомиться. Но потом подумал, а вдруг он будет против того, чтобы эта история стала достоянием гласности? И решил: не буду я его разыскивать, а перескажу эту историю в таком виде, как рассказал Геннадий Кузьмич. А героя рассказа назову именем, одним из самых распространенных — Николаем Ивановым.

Такой день выдался 13 января, в пятницу 1989 года, когда до выхода на пенсию Н. Иванову (в отделе кадров скрупулезно подсчитали) оставалось ровно тринадцать дней. Одним словом, завершал он свою шахтовую деятельность профессией забойщика на участке № 13.

В этот памятный для него день вместе с напарником Виктором Головиным все делали как обычно: отбурили лаву, отпалили и приступили к креплению забоя.

Смена подходила к завершению. Примерно в час дня, то есть в тринадцать часов, Иванов находился на плахе, а его напарник подавал на канатике лес для крепления. Подхватил Николай очередную, тринадцатую по счету, стойку и стал прицеливаться ею, чтобы попасть комлем точно в приямок на лежане. И здесь из кровли вдруг вывалилась увесистая порода и упала точно на плаху, на которой стоял Николай. Плаха треснула и стала оседать под ногами забойщика. Потеряв равновесие, полетел он в бездну лавы.

Хорошо, что Виктор стойку по-прежнему крепко держал на канате, и она не полетела следом.

Миновав удачно все крепежные стойки в лаве, Николай упал на остатки угля, который откатчики еще не успели отгрузить.

Отделался, как говорится, легким испугом. Потер слегка ушибленный бок да немного похромал. Головин похлопал по плечу:

— Повезло тебе, наверное, в рубашке родился! Побудь наверху, очухайся малость, я закончу крепление лавы.

Но злключения для Николая на этом не закончились!

Прибыл домой, а живет он, надо заметить, на 7-м этаже девятиэтажного дома на Тыргане. Дома никого нет. Жена еще с работы не пришла. Заглянул в холодильник — чем бы перекусить. Немного подумал и махнул рукой:

— Где наша не пропадала! Налью-ка себе стаканчик водки. Как-никак, а все-таки сегодня стрессовую ситуацию пережил. Сниму напряжение, даже медики рекомендуют!

Выпил, борщ с аппетитом кушает — жена постаралась, очень наваристый! Телевизор включил, и жизнь хороша!

И надо же было ему услышать через открытую форточку во дворе дома шум какой-то. Любопытно стало — что там такое творится? (Как позже узнал, ничего особенного: две овчарки сцепились, выясняя отношения.)

Перевесившись через перила балкона больше разумного, потерял равновесие и самым нелепым образом сорвался.

Это вам не в шахте, где высота не страшна, потому что темнота ее прячет. А здесь же все четко перед глазами мелькает, словно в ускоренном «видике». Этаж за этажом мелькают мигом, только бельевые веревки с гитарным треском лопаются под тяжестью его тела. Зато и скорость падения гасят.

Так долетел он «благополучно» до третьего этажа, где поджидал его, очевидно, ангел-хранитель. Дело в том, что на этом этаже бельевые веревки оказались покрепче и завязаны, видать, по-хозяйски, умелой рукой. Порвать их даже всей силой тяжести своего тела не удалось.

Отпружинило его, словно на батуте, и отбросило Николая аккуратно на балкон этого же самого этажа. Упал прямо на куски мяса. Еще не замерзшего. Так что и на этот раз обошлось без единого перелома. Встал на ноги, убедился, что невредим. Огляделся и соображает: «Откуда здесь столько мяса?» Не иначе как хозяин из запасливых здесь живет. Приобрел, видать, оптом. Которое не вошло в холодильник, решил на балконе заморозить естественным способом, благо, что крещенские морозы стоят.

Стучит Николай в запертую дверь, чтобы выпустили. А из комнаты на него хозяин из охотничьего ружья целится:

— За мясом на балкон забрался! Пристрелю и отвечать не буду!

Оно и в самом деле, разве ж здоровый человек поверит, что с седьмого на третий этаж можно спланировать и не разбиться!

Кое-как уговорил Иванов вызвать наряд милиции. Составили протокол, как положено. Только с тех пор сосед на Николая недоверчиво косится. Неужели до сих пор не поверил?

И еще: с того дня теперь Николай Иванов с долей доверия просматривает астрологический прогноз, который публикуют в средствах массовой информации, и на всякий случай в неблагоприятные дни старается находиться дома при закрытых дверях.

НЕ РУБИ СУК, НА КОТОРОМ СИДИШЬ

Вспоминает Тамара Владимировна Сотникова

Сейчас-то я на пенсии, что поделаешь, годы бегут... А мысли нет-нет да и возвращают в пору бесконечных хлопот, забот о новичках, впервые поступивших на шахту. Профессия у меня такая – мастер обучения учебного пункта. Два десятка лет работала мастером УП, начну вспоминать, кажется, каждый день помню.

Спускаюсь в шахту с очередной группой новичков, проведу инструктаж поведения под землей и веду их на ближайший очистной участок. Спускаемся на промштрек, где идет выгрузка угля из лавы. Смотрю, а у головки скребкового конвейера находится мой недавний курсант Кузнецов. Он всего неделю назад устроился на шахту.

Интересуюсь, естественно, как ему нравится работа, как складываются отношения в коллективе. И вижу по его поведению и разговору, что он не в своей тарелке. Словно напуган чем-то. Пока мои ребята засмотрелись на движущуюся реку угля, поблескивающую в лучах головных светильников отраженными таинственными огоньками, я выпытала все у Володи. Рассказал он о том, что произошло только что с ним такое, что мне нехорошо стало.

Как только в лаве произвели отпалку, горный мастер включил привод. Убедившись, что погрузка идет нормально, доверил Кузнецову следить за работой привода и убирать видимую породу с конвейера. А сам пошел в лаву посмотреть состояние дел.

В какой-то момент просмотрел рабочий кусок породы. Не вписалась порода своими габаритами в углеспускную банку и тут же, сверху, расклинилась. Пока автоматика сработала на отключение, над головкой привода образовалась куча угля.

Делать нечего, взял Володя лопату и стал добираться до устья банки. Добрался, а как сдвинуть породину с места, сообразить не может. Ломика поблизости нет. Ничего лучшего не придумал, как встать на кусок породы обеими ногами и подпрыгивать, чтобы воспользоваться весом своего тела.

Породина не заставила долго ждать, проскочила. Но и Кузнецов (конечно же!) в буквальном смысле слова загремел следом за ней. Падение пласта крутое, банки уложены под углом примерно градусов в шестьдесят. Так что все произошло в одно мгновение.

Но все завершилось на удивление благополучно для рабочего. Воистину удачное стечение обстоятельств! Люкогрузчик Мамедов на основном штреке в этот момент переставлял вагонетки под люком, так что в бункере оставалась небольшая «подушка» угля, на которую и шлепнулась породина, а следом Володя Кузнецов. И еще уголь, который был на головке привода. Присыпало Володю, но в это самое время Мамедов уже открыл люк, чтобы загрузить очередную вагонетку. И увидел в бункере ноги! Перепугался, однако не потерял самообладания и помог Кузнецову выбраться.

Ощупал Володя себя с головы до ног, все нормально, только несколько ссадин на руках... И полез снова на промштрек. Продолжать погрузку угля. Только перед этим попросил Мамедова:

— Пожалуйста, не рассказывай никому о том, что со мной произошло. Уж очень нелепо всё случилось.

ВСТРЕЧА НА ШАХТЕ «ЯГУНОВСКАЯ»

Рассказывает Юрий Петрович Киселев, канд. техн. наук, доцент, профессор КемТИППа, академик Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, академический советник Академии горных наук РФ, член союза журналистов РФ, заслуженный шахтер РФ.

Работал я в семидесятых годах начальником участка шахтного транспорта — одного из наиболее тяжелых и сложных участков шахты «Ягуновская». Участок транспорта объединял две шахты: «Ягуновская» и «Пионер» с крайне изношенным подвижным составом и электровазонами. В один из дней на утреннем наряде предприятие облетела весть — на шахту едет начальник комбината «Кузбассуголь» В. П. Романов. Вмиг шахта превратилась в живой муравейник. В АБК мыли полы и окна,

---

выметали окурки и плевки, проветривали рабочие помещения от табачного дыма и пыли. В мойках обеспыливалась и сушилась спецодежда, в цехе горячего питания в соответствии с установленным стандартом нормой и весом колбасы и хлеба готовились «рабочие тормозки» и неразведенный горячий кофе заливался в спецтермоса для подземных рабочих. В шахте чистились и осланцовывались подготовительные выработки и очистные забои. Приводились в порядок здания подъемных машин, мехцех, лесной склад, столовая, электродепо и особенно околоствольный двор — зеркало шахты. Все были начеку, как вовремя проведения боевой операции. Даже шахтерские каски ИТР приобрели наконец-то подходящий им белый цвет.

На «Волге», без соответствующего в то время эскорта машин и людей, приехал начальник комбината. Осмотрев нашу «потемкинскую деревню», он покачал головой и молча прошел со специалистами комбината в кабинет начальника шахты Федора Ивановича Владимирова. Не перебивая никого, спокойно и вдумчиво выслушал доклады начальника шахты, главных специалистов и начальников участков.

Затем, изучив план горных работ, наметил маршрут следования членов комиссии. Спустившись в шахту на действующий горизонт (+50 м), мы, ИТР шахты, подумали, что гроза пройдет стороной. Двор был очищен, осланцован, освещен, и внешнее состояние напоминало невесту перед свадебным обрядом. Однако нашим надеждам не суждено было сбыться. И вот почему.

На сопряжении главного квершлага с основным штреком стоял мощный подхват. Его конструкция представляла собой комбинированный вариант крепления: две деревянные стойки в три обхвата и верхняя — мощная металлическая балка. Для большей прочности деревянные стойки в верхнем, прилегающем к балке торце были надежно окольцованы металлом. Стоял этот подхват, как Илья Муромец в поле, долгие годы. Месяцами ежедневно (по несколько раз в день) под этим самым подхватом проходили и начальник шахты, и главный инженер, заместитель начальника шахты по технике безопасности, горнотехнический инспектор, начальник шахтного транспорта и его заместители и никто не заметил, что кольцо в верхней части одной из подхватных стоек практически лопнуло и находится в аварийном состоянии. При любом усилении горного давления одна из подхватных стоек, лишенная кольцевой обвязки, может расколоться вдоль на две части и привести к крупнейшей аварии с обрушением кровли и остановкой откатки.

Ситуация была очень серьезной, но никем из нас не замеченной. Заметил ее острым взглядом начальник комбината. Поскольку руддвор — это было мое хозяйство, то и объясняться пришлось мне. Внутри все замерло. Собравшись было отвечать, я понял, что у меня нет готового разумного ответа. Я даже не смог сформулировать какого-либо аргументированного оправдания. Сконцентрировав мысли и понимая, что не имею права на ошибку, я, помню, выдавил из себя в тот ответственный момент лишь ссылку на ежедневную, будничную, привычную для глаза ситуацию, когда человек адаптируется к пониманию опасности, которую представляет собой лопнувшее кольцо подхватной стойки. Романов среагировал на мое оправдание неординарно: «Спасибо за консультацию по психологии», — сказал он мне, и комиссия двинулась дальше по намеченному ранее маршруту. Я понял — серьезная взбучка впереди и мысленно подыскивал для себя новую работу.

За восемь часов пребывания в шахте были изучены вопросы, которые затем стали предметом обсуждения на производственном совещании всех ИТР и бригадиров шахты и закреплены позже приказом начальника комбината. Особое внимание было уделено неудовлетворительной работе шахтного транспорта. Подытоживая результаты совещания, Владимир Павлович посмотрел на меня оценивающим взглядом и, показывая на ближайший стул, сказал: «Садись, шахтово-транспортный психолог. На преддипломной практике на шахте имени Сталина, помнится, ты подавал неплохие надежды».

Сраженный его феноменальной памятью, я как подкошенный рухнул на стул. «А теперь рассказывай, в чем основные проблемы и трудности на твоем участке, которые, как удавка, держат тебя за горло?» — продолжил начальник комбината. Я почувствовал, что вопрос не случаен. И рассказал, не драматизируя ситуацию, все то, что сдерживает работу шахтного транспорта, а следовательно, и работу всей шахты. Доложил также и о том, что многие вопросы можно и нужно решать на шахте, минуя вмешательство начальника комбината. Кроме одного — это аварийное состояние вагонного парка. 70 % вагонеток УВГ-2,5 составляли «больные» вагонетки, отремонтировать которые в условиях шахты было невозможно. Они подлежали замене. Дальнейшая эксплуатация вагонного парка будет, несомненно, приводить к авариям, травматизму и полной или частичной остановке работы подземного транспорта и, следовательно, шахты в целом.

Внимательно выслушав меня и сделав пометки в блокноте, он как-то своеобразно произнес: «Наполовину ты прав. Вагонный парк действительно подлежит обновлению. А вот вторая половина плохой работы шахты — это ваше обычное «ягуновское» разгильдяйство!» Впрочем, вместо слова «разгильдяйство» он употребил другое, более крутое непечатное выражение, похожее по звучанию.

«А теперь слушай персональный приказ!» — продолжил он. — Немедленно спускайся в шахту, собери всех крепильщиков, за ночь поставьте надежный промежуточный подхват на аварийном сопряжении, а через двое суток замените полностью основной комбинированный подхват на металлический. Соответствующее распоряжение руководителям ЦЭММ я дам. О выполнении приказа проинформируешь меня лично. Все. Желаю удачи».

Не зря отправил меня в шахту начальник комбината. Не выходя из шахты трое суток, в том числе субботу и воскресенье, нам удалось ликвидировать надвигающуюся аварию, а что она была возможна и неизбежна, мы убедились в ходе ее ликвидации. 17 вагонов породы нам пришлось нагрузить и выдать на-гора, причем без остановки шахты. Весь этот объем породы мог обрушиться в любой момент в зоне аварийного сопряжения с самыми неприятными и невероятными последствиями. О выполнении задания я проинформировал начальника комбината лично.

Через несколько дней на шахту пришло распоряжение о премировании меня месячным окладом за оперативную и технически умелую ликвидацию серьезной угрозы аварии и командировании на Дружковский машиностроительный завод, на Украину, для получения 250 новых вагонов для шахты из фонда комбината «Кузбассуголь».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
-----------------	---

Часть первая. ГОРНЯЦКИЕ СИТУАЦИИ

Горняцкие ситуации	6
Забывшие профессии	8
Хор в шахте	12
Капустный бунт	15
Судьба шахтера	16
Что нам стоит дом построить!	17
Работа без рукавиц	19
Как меня чуть не уволили	19
Невыполненный наряд	21
В бункере	22
Встреча в забое	23
Проучили!	25
Шутки «нечистой силы»	27
Окно, но не в Европу	29
Ла-ла... ла-ла	30
Монолог попутчицы	32
Неугомонный Гаврилыч	34
Как в дом к старикам дырку сделали	35
Пара сапог	37
Кувыркком с Поварнихи	39
Спор на газировку	42
Дело – труба!	44
Розовая путевка	46
Против лома нет приема	47
Голос из-под земли	49
В рубашке родился	52

Часть вторая. УНИКАЛЬНАЯ СУДЬБА

Уникальная судьба	62
Пятиоктавное пианино	66
Артисты – «буржуины»	79
Новатор Китая с «Коксовой»	83

Сократ	84
Начальник молоточного цеха	89
Четыре «отваги»	91
Со сверлом – по скату	92
Почему главный инженер перестал что-то со мной здороваться	93
Прядильщица в шахте	95
На руках у директора	97
Травма футболиста	99
Белые атласные рубашки	101
Спасительница-гармонь	103
Стрижи	106
С первой премии – в драмтеатр	108
Миллионер Санкин	111
Гордость не позволяет	112
Как я стал богачом	113
Вниз головой	114
Призвание быть горняком	115

Часть третья. СПАСЛИ ЦЕНОЙ ЖИЗНИ

Вся надежда на вас	120
Спасли ценой жизни	121
Третий раз в горящем танке	124
Золотых часов в магазине не нашлось	126
Три точки опоры	130
Потерялся	132
Из вагонетки торчала нога	134
В подземном озере	136
Спирт не по вкусу	138
Сутки в завале	139
Отрубите мне руку!	143
Езда по шпалам	144
Лучше хорошо идти, чем плохо ехать	146
Короткий путь – не всегда лучший	148
Двойное падение	150
Не руби сук, на котором сидишь!	152
Встреча на шахте «Ягуновская»	153

О	ДОГОВОРНАЯ
К	15р. ЦЕНА

Литературно-художественное издание

Давыдов Виктор Иванович

ШАХТЕРСКИЕ ИСТОРИИ

Технический редактор *В. И. Труханова*
Корректор *С. А. Мазаева*

Сдано в набор 25.08.2003. Подписано к печати 30.09.2003. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,3. Тираж 200 экз. Заказ № 304.

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48

Виктор Иванович Давыдов, автор книги "Шахтерские истории", посвященной шахтерам Кургана, член Союза журналистов России, сам более сорока лет трудился на предприятиях угольной промышленности и востребован в шахте восточным электрослесарем, горным мастером, награжден знаком "Шахтерская слава" III степени, является автором книги "Шахта "Потриванская" (М. 3-5-016)".

"Шахтерские истории" — это сборник рассказов о жизни людей, с которыми познакомил автор с шахтерами-инженерами, опытными начальниками и горными мастерами отечественных и зарубежных угольных участков.

Книга написана уникально. Автор удалось через конкретные людей, конкретные события, конкретные ситуации, а порой и забавные горняцкие ситуации (ведь он сам работал в шахте!) показать становление, развитие Прованского рудника, осветить все грани многогранного угольного производства. В Давыдов очень тепло, уважительно говорит о людях, о самоотверженности шахтеров, о самопожертвовании.

Книга будет интересна не только для настоящих доблестных "осередко козлов", но и для шахтеров-ветеранов, которые все силы, знания отдали шахтам.

Автор намерен продолжить сбор увлекательных, познавательных и поучительных историй о труде не только шахтеров своего горного района, но и области, с тем, чтобы способствовать продвижению шахтерского труда.